

Слоун

КОРОТЫШКА

КОРОТЫШКА

БЕСТСЕЛЛЕР NEW YORK TIMES

ВАЖНО,
НАСКОЛЬКО
ВЕЛИК ТЫ
ВНУТРИ

Холли Голдберг Слоун

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРА NEW YORK TIMES

Я СЧИТАЮ ПО 7

Вдохновляющая, искрящаяся юмором история о том, что мир полон возможностей. Новые обстоятельства дают тебе шанс взглянуть на себя совершенно с другой стороны. А новые люди, с которыми ты встретишься, увидят в тебе что-то такое, о чем другие даже не подозревают.

«Я очень выросла этим летом.
И не снаружи, нет – внутри.
А этот рост и есть самый главный».

«СЛОУН ДЕЛИКАТНО ПОДНИМАЕТ СЛОЖНЫЕ ТЕМЫ...
И ДЕЛАЕТ ЭТО С ТЕМ ЖЕ ЮМОРОМ И НЕЖНОСТЬЮ,
КОТОРЫЕ ПРЕВРАТИЛИ «Я СЧИТАЮ ПО 7» В ТАКОЙ
НЕВЕРОЯТНЫЙ ХИТ».
ENTERTAINMENT WEEKLY

«КОРОТЫШКА» – НАСТОЯЩИЙ ГИГАНТ, И ЮМОРОМ, И ДУШОЙ.
ДЖУЛИЯ МАРКС – МОЙ НОВЫЙ ЛЮБИМЫЙ ГНОМ».
КРИС ГРАБЕНСТЕЙН, АВТОР КНИГИ «ПОБЕГ ИЗ БИБЛИОТЕКИ МИСТЕРА
ЛИМОНЧЕЛЛО», БЕСТСЕЛЛЕРА «НЬЮ-ЙОРКТАЙМС»

«О НЕВЕРОЯТНОЙ СИЛЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ
ТЕАТРА НА ДЕТЕЙ».
THE NEW YORK TIMES BOOK REVIEW

«ПРИНЯТИЕ ДЖУЛИЕЙ СЕБЯ ТАКОЙ, КАК ОНА ЕСТЬ,
ВДОХНОВЛЯЕТ, А ВОСТОРГ, КОТОРЫЙ ДЖУЛИЯ
ИСПЫТЫВАЕТ, ПОГРУЖАЯСЬ В ТЕАТР, НЕОТРАЗИМ».
BOOKLIST, STARRED REVIEW

100 лучших книг для детей и юношества (Россия)

www.careerpress.ru

@careerpress

careerpresskids

Cover art and design by Georgia Young

ISBN 978-5-00074-310-2

9 785000 743102 >

Коротышка

Книги Холли Голдберг Слоун,
изданные на русском языке

Я считаю по 7

ОПОССУМ ПО ИМЕНИ АПЕЛЬСИНКА

Холли Голдберг Слоун

КОРОТЫШКА

Карьера Пресс
Москва

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)

С48

Перевод с английского — Дмитрий Орлов

Short

Holly Golberg Sloan

Penguin Random House LLC, New York, 2017

Слоун Х. Г.

С48 Коротышка / Холли Голдберг Слоун; [Пер. с англ. Дмитрий Орлов] — М.: Карьера Пресс, 2021. — 320 с.

ISBN 978-5-00074-310-2

Джулия всегда была ниже своих ровесников. Но не называйте ее коротышкой! Она терпеть не может это слово. Лето для Джулии начинается совсем не так, как она ожидала, — мама отправляет Джулию на прослушивание в постановку «Волшебник из страны Оз». Неожиданно для себя Джулия получает роль гнома, и это круто меняет ее жизнь. Джулия встречает интересных людей, вдохновляется энтузиазмом режиссера и начинает понимать, что не рост определяет твою жизнь.

Смешная, трогательная, вдохновляющая история о том, как увидеть свою настоящую суть, и о людях, которые навсегда меняют нас.

Для читателей 8–12 лет.

Холли Голдберг Слоун — автор таких знаменитых книг, как «Я считаю по 7» и «Опоссум по имени Апельсинка». Она написала восемь сценариев для фильмов, ставших популярными, в одном из них главную роль сыграла Вупи Голдберг.

ISBN 978-5-00074-310-2

Text Copyright © 2017 by Holly Goldberg Sloan
© 2021, «Карьера Пресс», перевод и издание
на русском языке

All right reserved

This edition published by arrangement with
Writers House LLC and Synopsis Literary Agency.

*Гарольду Арлену, И. Й. Харбургу
и Л. Фрэнку Бауму, а также всем участникам
Карнавального театра Орегонского университета
посвящается*

Голову мне в этой жизни приходится задирать частенько. Родители у меня вовсе не коротышки — мама скорее даже высокая. А вот моя бабушка, Рукавичка (да-да, мы и правда все ее так называем), — совсем невеличка. Я в науке не особенно разбираюсь, но знаю, что иногда гены предыдущих поколений могут внезапно проявиться. Это для того, наверное, устроено, чтобы нам легче было общаться со своими старичками.

Как-то вечером, когда я училась в третьем классе, у меня заболело горло. И я спустилась из своей комнаты, чтобы попросить аспирина или теплой соленой воды для полоскания. Хотя, попадись мне в буфете арахисовое печенье, и оно сгодилось бы. Родители как раз сидели в гостиной, и я слышу, как папа говорит маме:

— Хорошо еще Джулия девчонка — представляешь, если бы парня угораздило родиться таким коротышкой?

Я так и замерла. Обо мне разговаривают. Стою и жду, когда мама скажет: «Да ладно тебе, Глен, не такая уж она и коротышка».

Не дождалась.

Вместо этого она сказала:

— И не говори. Это все моя мама, Рукавичка, — вот кого винить надо.

И тут они оба засмеялись.

Значит, кого-то надо винить за то, что я такая.

Как за преступление.

И виноватого уже нашли.

И пускай я отлично знала, что они любят меня больше всего на свете, только теперь выходило, что я — коротышка, а они — нет. Я ведь до этого даже не задумывалась, что мой рост тревожит родителей. Теперь же от этих слов плечам стало тяжело-тяжело, хотя я даже халата не накинула, когда вышла из комнаты. Чувство было такое, словно я набрала полные ботинки мокрого песка или пытаюсь расчесать волосы, в которых застряла жвачка. Ко всему прочему от их слов веяло еще и пренебрежительным отношением к женщинам, а ведь это тоже плохо.

Я даже не стала просить лекарства — сразу поднялась к себе в комнату, забралась под одеяло и покрепче обняла Рамона, моего пса. Он давно уже спал мордой на подушке. Ему поначалу не разрешали забираться ко мне в постель, да только люди и собаки к правилам немножко по-разному относятся. Я прижалась к Рамону и шепнула ему на ухо:

— В жизни больше вслух «коротышка» не скажу!

Я даже не представляла, как сложно будет сдерживать это обещание. Будто весь мир только и знал, что навязывать мне это слово.

Факт есть факт: на общих фотографиях в школе меня никогда дальше первого ряда не ставят. А когда в баскетболе на команды делимся, никто меня в свою не принимает — даже лучшие друзья. Бросок у меня хоть и неплохой, да уж слишком легко мой мяч перехватить.

Если едем куда-то всей семьей, я всегда сижу в третьем ряду, в самом конце машины — мне легче других примоститься среди сумок, к тому же я не прочь ехать лицом против движения.

На кухне, чтобы взять стакан и напиться воды, мне приходится вставать на приступку.

Я до сих пор в собачью дверцу во входной двери могу протиснуться, если вдруг кто-то случайно ее захлопнет (а такое случается гораздо чаще, чем может показаться).

Бабушка Рукавичка называет меня бульдожкой. Говорит, что бульдожки хоть и маленькие, но никому спуску не дадут. Не уверена даже, хорошо ли это, потому что единственного бульдога, которого я знала, звали Ураган, и он много кого покусал.

А всего лишь семь недель назад Рамон был с нами.

И он не бульдог.

Весь в черно-белых пятнах, не породистый — ну или просто можно сказать, что дворняга. Только мне это слово не нравится, ведь у него «негативные коннотации», то есть оно может вызвать у кого-то нехорошие мысли. Некоторые думают, что Рамон

отчасти бультерьер, потому что у него голова большая и форма тела похожая, — да только я никаких ярлыков на свою собаку не хочу навешивать.

Рамона мы взяли у людей из собачьего приюта, которые по воскресеньям стоят рядом с фермерским рынком. Пожалуй, это был лучший пес в мире. Он у нас прожил больше пяти лет, а потом — это было месяца полтора назад — забрался на папино кресло в гостиной (хотя почему мы его называем папиным, я не знаю — там все сидят, и даже Рамон, когда никто не видит). Ну так вот, забрался Рамон в тот день на кресло — а ему во всем доме только туда не разрешалось залезать. На диван — пожалуйста, туда одеяло стелили, которое всегда можно постирать, а вот папино кресло кожаное.

Я захожу, увидела это и говорю:

— Нельзя, Рамон!

Он знал много слов — «еда», например, «сидеть» или «гулять», «белка» и «нельзя» — да только в тот раз так себя повел, будто никогда в жизни не слышал человеческого голоса. Уставился в одну точку и не шелохнется, а потом вдруг как дернется всем телом! Словно его током ударило.

Мы потом узнали, что у него прихватило сердце — оттого-то его так и подбросило.

Рамон умер той же ночью в ветеринарной лечебнице, завернутый в мое любимое зеленое одеяло.

Мы даже не знаем, сколько Рамону было лет, потому что взяли его из приюта. Зато точно знаем, что

любили мы его так, как только вообще можно любить.

Я до сих пор все время невольно ищу его взглядом. Вхожу в гостиную и сразу смотрю на диван. И на кухне то же самое — там его любимым местом был синенький половичок перед холодильником. Рамон как никто умел мешаться под ногами, но и лучшие места в доме отыскивал отлично.

Бабушка Рукавичка обожает некрологи — это вроде как колонка новостей из мира умерших. Как придет навестить нас, обязательно принимается читать мне их вслух.

Жаль, что про животных такого не пишут. Интересно было бы прочитать новость под таким, например, заголовком:

МЕСТНЫЙ КОТ ПОГИБ ПРИ СТОЛКНОВЕНИИ ДВУХ МАШИН

Или таким:

ЭТОТ ПЕС БЫЛ ВЫДАЮЩИМСЯ КРАСАВЦЕМ СВОЕГО ВРЕМЕНИ

А может, таким:

ОТ НАС УШЕЛ ХОМЯК, СТАВШИЙ ОСНОВАТЕЛЕМ НОВОЙ СИСТЕМЫ ТРЕНИРОВОК

Или даже:

ЗАСЛУЖЕННАЯ ЗОЛОТАЯ РЫБКА УМЕРЛА ПРИ ПОДОЗРИТЕЛЬНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ

Я была еще совсем маленькой, когда бабушка Рукавичка прочитала мне последний заголовок, но я его все равно запомнила. Говорилось в нем, правда, не про золотую рыбку, а про какого-то военного из Южной Америки. Я только не запомнила его имени, потому что исторические факты у меня в голове не задерживаются.

Я уже давно поняла, что жизнь — это долгая непрекращающаяся война за аплодисменты.

Даже умирая, люди надеются, что кто-нибудь непременно напишет статью с перечислением всего, чего они добились.

Хотя животные тоже любят, когда их хвалят.

Ну, коты, может, и нет, но я точно знаю, что стоило мне сказать что-нибудь вроде: «Хороший мальчик, Рамон!» — и он прямо-таки светиться начинал от удовольствия.

Заголовок некролога Рамона Маркса выглядел бы так:

С УХОДОМ ЛУЧШЕГО ПСА В МИРЕ СЕРДЦА РАЗБИТЫ, А ДОМ ОПУСТЕЛ

Я с той самой ночи сердечного приступа в папи-

ном кресле все никак не могу поверить, что Рамона больше нет. Родители говорят мне: «Время все лечит». Вот только это неправда, очень много есть такого, что оно никогда не вылечит. Ну вот если ты, например, сломаешь позвоночник, то уже точно никогда в жизни больше не сможешь ходить.

Так что они, наверное, просто имеют в виду, что со временем боль поуляжется. А значит, правильнее было бы сказать так: «Время притупляет боль». Так точно будет правдивее, да только это не мое дело — исправлять поговорки.

Мой учебный год уже десять дней как закончился. Даже не знаю, почему школьный год с календарным начинаются и заканчиваются в разное время. Начало года первого января как-то ну совсем не смотрится. Если бы меня сделали главной (хоть до сих пор такого никогда не было), я бы начало календарного года назначила на 15 июня и всех детей освободила бы на два месяца от школы, чтобы успели хорошенько отпраздновать новый год.

Теперь, когда школа осталась позади, я надеюсь, что понемногу начну отходить от тоски по Рамону, потому что нельзя так дальше.

Вот только забывать я его не собираюсь.

Ни за что на свете.

Я попросила родителей отдать мне ошейник Рамона, и, кажется, они не слишком обрадовались, когда я его прицепила на абажур лампы рядом со своей кроватью. Если приглядеться, то на внутренней сто-

роне до сих пор можно увидеть прилипшие волосы, да и пахнет он по-прежнему Рамоном.

Не сказать, чтобы запах был особо приятным, но это его запах — вот что главное. Ошейник я повернула биркой к кровати, чтобы утром, когда я встаю, видеть имя: «РАМОН». Мне очень важно каждый новый день начинать с воспоминания о нем.

Хотя что-то мне подсказывает, что свой день он, скорее всего, начинал с мысли о миске для корма. Что-что, а поесть Рамон любил.

А кормила его я.

Я не к тому, что он меня только из-за этого больше других любил. Хотя и из-за этого тоже, наверное.

А под ошейником стоит маленькая резная фигурка, которую для меня дядя Джейк сделал. Точь-в-точь Рамон.

Раньше дядя Джейк был обычным страховым агентом и жил в Аризоне с тетей Меган. Как-то раз они попали в автомобильную аварию, и дядя Джейк повредил спину, так что ему потом долго пришлось лежать в кровати не вставая. А характер у него очень живой, и тетя Меган стала бояться, как бы муж от постельного режима не сошел с ума. Вот она и купила в рукодельном магазине набор для резьбы по дереву — ну то есть для того, чтобы всякое вырезать из дерева.

Первой фигуркой, которую он вырезал, стал Старый капитан. В наборе среди прочего был кусок дерева размером с ладонь, причем именно такой фор-

мы, какая нужна для поделки — бери себе резец и принимайся за дело. При этом благодаря шаблону из набора ты сразу видишь, где надо резать. Это не мухлеж вовсе, а такой способ обучения.

После Старого капитана дядя Джейк перешел на разные другие фигурки, посложнее, а потом остановился на птицах. Некоторые из тех, кто занимается резьбой по дереву, отправляют свои поделки на разные конкурсы — вот и дядя Джейк со временем стал заниматься тем же самым. Сейчас дядя Джейк — всемирный чемпион по резьбе, а лучше всего у него получаются разные водоплавающие птицы.

Выходит, его тайным талантом было умение аккуратно вести по дереву острый нож.

Все это случилось еще до моего рождения, и теперь он зарабатывает деньги уже не страхованием, а продажей своих деревянных скульптур.

Два с половиной года назад дядя Джейк вырезал фигурку Рамона. Мне она сразу понравилась, а уж как я ее теперь люблю, и словами не выразишь.

Если бы я взялась ставить себе цели на лето, то они были бы такими: перестать беспокоиться о своем росте и научиться радоваться жизни после смерти Рамона.

Да только у меня не очень получается строить планы. Это дело я обычно доверяю двум своим подругам.

Кайли и Пайпер я знаю уже больше половины всей своей жизни. Когда нам удастся наскрести достаточно денег, мы любим ходить в боулинг. На выходных во время учебного года ездим вдвоем на автобусе в библиотеку, чтобы покопаться в книгах. Я дочитываю далеко не все книги, за которые беру, — в отличие от Кайли. Она, что называется, «книжный червь» (правду сказать, не самый симпатичный способ обозначить чью-то любовь к книгам — ну кто обрадуется червю в книге?).

А одно из самых любимых наших развлечений — это мороженое. В ближайшей аптеке можно задешево купить мороженое на любой вкус.

Прошлым летом, правда, мы купили там черепаху вместо мороженого. Черепашки плавали в большущей миске с водой на кассе.

Мы решили разделить ее на троих, чтобы жила у каждой из нас по десять дней в месяц.

Вот только родители эту идею не оценили, и Петулу пришлось вернуть. При этом нам даже деньги обратно не отдали, а это уж, конечно, совсем нечестно.

Мы потом говорили друг другу, что скучаем по ней, но это выдумки, потому что Петула всего-то пару часов у нас и пробыла.

Если верить маме Кайли (она медсестра с дипломом), мы серьезно рисковали подхватить сальмонеллу.

В этом году Пайпер отправили в летний лагерь. Она уже два дня как уехала. Ее мама ездила туда ребенком, и теперь это вроде как семейная традиция. Сама Пайпер была от этого не в восторге. Я обещала ей писать каждый день, но пока что так и не собралась. В летних лагерях любые гаджеты под запретом, так что ей кроме бумажного письма никак по-другому и не напишешь.

Кайли в лагерь не поехала — она на прошлой неделе вместе с семьей отправилась в экскурсионную поездку по бейсбольным полям штата. Тут уж я совсем ничего не понимаю. Разъезжает в машине и на поля глазеет. При этом сама она спорт не особенно любит, так что в целом все это выглядит совсем странно.

Поскольку они обе уехали, то я уже уйму времени сижу без дела. Но это нормально. Я не просто так

брожу по дому, а Рамона выглядываю — но только тайно, про себя, чтобы никто не заметил.

Только это, наверное, все равно заметно, потому что вчера мама сказала, что хочет отправить меня на прослушивание в университет, где собрались ставить какой-то спектакль.

Я ей ответила, что ничего такого не хочу.

А она говорит, что Рэнди, мой младший брат, просится на прослушивание, так что и мне стоит об этом подумать (то есть как ни верти, а пойти туда она меня заставит).

У меня есть еще и старший брат, Тим, ему скоро исполняется пятнадцать, и поэтому он на летних каникулах может заниматься всем, чем захочет. Я точно знаю, что мне на сцене делать нечего, так что пусть младший без меня на прослушивание идет. Вот только приглядывать за ним — это моя обязанность, мама мне за это еще и приплачивает. По-моему, она попросту решила сэкономить эти деньги, пристроив нас с братом туда, где нами будут заниматься.

И вот уже я стою в длинной очереди детей перед темной сценой нашего студенческого театра и готовлюсь петь. От нечего делать прислушиваюсь к разговорам взрослых и слышу:

— Тут будут и профессиональные актеры.

— Да вы что!

— Мне так женщина сказала у них в офисе. За зарплату будут работать. Кто-то сюда с самого восточного побережья прилетит.

— Интересно, а знаменитости есть?

— Когда все объявят, тогда и узнаем.

— Режиссер сам из Флориды. Говорят, будто бы он на Бродвее спектакли ставил!

Я рада, что мама не вступает в этот разговор, — она как раз набирает электронное письмо на телефоне. А Рэнди засунул в рот канцелярскую резинку. Мама и этого тоже не увидела. Рэнди уже давно не малыш, так что никаких других резинок, кроме жевательных, в рот не должен совать, но я не стану убеждать — может, он себе места не находит в ожидании момента, когда надо будет выйти на сцену и петь. Вот я точно не нахожу.

Надеюсь, что перед прослушиванием Рэнди вытащит резинку, а то как бы насмерть не подавился. Тогда-то мама пожалеет, что вообще все это затеяла.

Голос у Рэнди хороший, и он все время что-то распевает. Ему достаточно дважды услышать песню по радио, чтобы она ему въелась в голову. В хорошем смысле слова.

А вот я совсем не музыкальная.

Года два назад или даже больше родители купили фортепиано у людей, которые переезжали в Юту, и подарили его нам с братом на Рождество. Мне пришлось изо всех сил изображать радость, потому что это ого-го какой подарок, но только я эту штуковину возненавидела с того самого момента, как ее затащили в холл второго этажа, куда выходит дверь моей комнаты. Фортепиано стояло

там и тарасилось на меня — точь-в-точь певчая птица, которую упрятали в клетку. Оно на волю хотело вырваться и петь — да только у меня никакого таланта нет.

Почти целый год я каждую неделю ходила к старушке на Скайлайн-драйв и брала уроки игры на фортепиано. Каждый сеанс той пытки занимал 45 минут. Я разучивала гаммы, и, хотя кто-то наверняка смог бы их усвоить за один-единственный урок, у меня дело дальше не шло, хоть тресни.

К миссис Сукрэм ходило немало других учеников приблизительно моего возраста, и мне очень повезло, что среди них не затесалось ни одного из моей школы. Меньше всего на свете мне хотелось бы, чтобы какая-нибудь знакомая девчонка услышала, насколько скверно я играю, и поняла к тому же, что я безнадежно топчусь на одном месте.

Буксовала я именно в практике. Пальцы попросту не ложились на клавиши так, как было нужно. Может, потому что оказались слишком маленькими, а может, просто были неспособны запорхать сами собой, как это рано или поздно случается у других.

Словом, это было сущее мучение. То ли дело Тим, мой старший брат! Он играет на гитаре и вечно кланчит у родителей всякие штуки для нее вроде усилителей или нового ремня. Целыми часами играет, запершись у себя в комнате, но его все равно отлично слышно на улице. Нашим соседям, наверное,

не слишком приятно без конца слушать один и тот же мотив.

Все люди непохожи друг на друга, но Тим — первенец, и поэтому у наших родителей возникли «завышенные требования». Я слышала, как папа маме об этом однажды говорил. Гитарное барахло Тима вечно разбросано по всему дому. Очень напоминает кучки домашнего животного, которого забыли приучить к лотку.

Впрочем, за год занятий с миссис Сукрэм я кое-чему все-таки выучилась. Например, заводить разговоры, которые отвлекают взрослого от неприятного тебе дела. Вся штука в том, чтобы сперва задать один большой вопрос, а потом раз за разом подбрасывать вопросы поменьше (тогда будет ясно, что ты по-прежнему слушаешь).

Первым всегда шел вопрос о детстве миссис Сукрэм. Где она выросла и когда поняла, что ей так сильно нравится музыка? Если мне удавалось ее завести (а это было совсем не сложно), она до конца урока отбывала в свой маленький городок где-то в Айдахо. Я шаг за шагом, неделя за неделей узнавала про ее детство. Теперь о жизни этой старушки я знаю больше, чем о прошлом собственных родителей. Если коротко, она выросла на картофельной ферме и настолько обожала музыку, что после уроков ходила за четыре мили послушать, как играют на арфе в вестибюле местного отеля.

А по-моему, нет ничего печальней, чем из всех

возможных инструментов выбрать арфу — и с собой ее никуда не возьмешь, и в гостях, скорее всего, случайно не обнаружишь, как это почти всегда бывает с фортепиано. Даже не надейся, что хозяева вдруг ткнут пальцем в угол и скажут: «О, а у нас арфа есть. Может, сыграете?»»

Когда я выяснила, что говорить о музыке миссис Сукрэм нравится гораздо больше, чем слушать, как я тарабаню по клавишам, мне стало гораздо легче переносить наши уроки.

Но однажды она говорит:

— Джулия, я намерена сегодня позвонить твоей маме. Я не могу у нее и дальше брать деньги.

Я не знала, что сказать, и выдавила только:

— Да ее вроде как все устраивает.

Лицо у миссис Сукрэм было очень печальное.

— Милая, — говорит, — похоже, фортепиано не твой инструмент.

Я качнула головой так, чтобы это можно было и за «да» принять, и за «нет», а потом услышала:

— Мне будет не хватать тебя, Джулия.

И тут миссис Сукрэм берет меня за руку, и ладонь у нее оказалась гораздо теплее моей. Я поняла, что она не шутит, потому что у нее заблестели глаза, да и под носом стало влажно. Ясное дело — плачет. Хотя, может, и приступ аллергии.

Тут бы и мне сказать, что я тоже стану скучать, но так нагло врать я попросту не умею. Поэтому я просто обхватила талию миссис Сукрэм руками и креп-

ко стиснула. Дама она немаленькая, так что там было что обхватывать.

Спустя несколько минут я уже выпорхнула на улицу. Так себя, наверное, чувствуют те, кто отбыл тюремный срок или у кого с тела только что сняли цельный гипс. Я до этого момента, оказывается, и не подозревала, как же сильно ненавидела фортепиано — и как много успела узнать про выращивание картофеля.

С тех пор я почти не вспоминала о музыке — а теперь вот топчусь в огромной толпе, готовясь распевать «Где-то над радугой» на каком-то дурацком прослушивании, куда заявилось полгорода.

У меня было не так много времени, чтобы определиться с гардеробом для этого неожиданного сеанса пыток, так что я, недолго думая, натянула кожаные сандалии, джинсовые шорты да белую блузку-крестьянку. Она моя любимая — из тонкого хлопка, с пышными рукавами и круглым вырезом. Сама я ее «крестьянкой» никогда не называю, потому что звучит это все равно что «одежка нищего» или вроде того. Но вообще-то именно так эти блузки обычно называют.

Да и крестьян в наших краях не водится. Вот фермеры за городом есть, и, я думаю, они себе часто нанимают работников, которые готовы задешево трудиться. Вот только вряд ли те натягивают нарядные блузки, когда идут пропалывать сорняки.

Как бы то ни было, на мне сейчас то, что я счи-

таю одним из лучших своих нарядов, и это важно: я давно уже поняла, что если впереди пугающая неизвестность, то по крайней мере одеться стоит поудобнее.

Последнее дело — шерстяное надевать туда, где, скорее всего, будешь нервничать.

А на моем младшем брате полосатая рубашка и коричневые шорты с резинкой (по-моему, жуть как не модно). И еще одна резинка — канцелярская — во рту.

В этой жизни каждый из нас волен поступать по-своему — за исключением, конечно, по-настоящему важных поворотов. Там все давно уже за нас решено — именно поэтому я и стою сейчас в этой толпе.

Спустя целую вечность приходит моя очередь подниматься на сцену.

Большинство выступавших передо мной ребят пели «Где-то над радугой». А одна девочка спросила у мужчины за фортепиано, можно ли спеть «О, благодать», и он не стал возражать. Я, правда, не смогла слушать и заткнула уши. Мне эта песня напомнила о том, что Рамона больше нет. Волосы у меня длинные, так что я сделала вид, что просто завела руки за голову и держу так.

Когда я подхожу к фортепиано, у меня неожиданно созревает план, и я говорю:

— А можно я спою «Этот край — твой край»?

Мужчина кивает мне и подмигивает. С его сто-

роны это очень мило, потому что у меня сразу появилось такое чувство, будто он знает что-то важное, что мне и вовсе невдомек — ну, например, с чего это я тут собралась разливать соловьем перед двумя сотнями незнакомцев.

И тогда я захожу «Этот край — твой край», глядя прямо в зал, поверх головы женщины, которая записывает все происходящее на камеру.

Я совсем не хотела здесь быть, но не зря бабушка Рукавичка говорит, что я бульдожка — а лают они громко. Вот я и запела во всю силу своих легких, не забывая и за руками следить, чтобы ненароком не сжались в кулаки. А то некоторые из тех, кто до меня выступал, выглядели так, будто кому-то собираются расквасить нос.

Заканчиваю петь, поворачиваюсь к пианисту и говорю: «Спасибо большое». Он снова подмигивает, ну тут уж и я не удержалась — смеюсь. А потом еще маленький поклон в сторону фортепиано отвесила. Понятия не имею, что на меня нашло.

Похоже, мама поняла, что денек для меня выдался непростым, потому что сразу после прослушивания мы отправились в кондитерскую, где я и Рэнди получили по шоколадному пирожному. Мы едим их прямо в машине по пути домой, хотя до ужина остается каких-то полчаса. Мама говорит:

— С поклоном ты хорошо придумала, Джулия. Очень эффектно получилось. Люди такое любят.

Я не отвечаю, потому что ни о какой эффектности

даже и не думала — я вообще не знаю, что это такое. Но я рада, что маме понравилось.

Я знаю, что пою так себе. Когда Рэнди пел, в его голосе прямо мед слышался. Сладость какая-то. А у меня голос хоть и громкий, но совсем не сахарный, потому что нет нужного тона.

У Рэнди есть то самое, что миссис Вэнсил (моя любимая школьная учительница) называет «настоящим потенциалом».

А у меня потенциал совсем не высокий (хоть с ростом это вообще-то никак и не связано).

Следующие четыре дня я об этом прослушивании даже и не вспоминаю.

Было и прошло.

Валяюсь на траве у дома и гляжу в небо, думая о Рамоне, а потом решаю закрыть глаза и представить, что он здесь, рядом.

Поспать все псы любят, а уж Рамон просто обо-жал. Даже сидя заснуть мог.

Сама я спать не собираюсь, но именно это и происходит.

Просыпаюсь с саднящим от солнечного ожога лицом — кремом от загара я намазаться забыла.

Хоть бы мама не заметила. Это одно из ее главных правил — на солнце пользоваться кремом от загара.

Когда я возвращаюсь в дом, застаю ее на кухне. Летом, чтобы за нами приглядывать, мама большую часть времени работает дома.

Видит меня, но ни слова не говорит, зато улыбается, причем широко-широко.

Может, и не так уж сильно у меня лицо покраснело.

А потом мой младший брат как закричит: «Джудия, мы гномики!»»

Рэнди сидит на высоком стуле рядом с кухонной стойкой, и я понимаю, что он не мог дожидаться, когда я наконец приду.

Я сперва думаю, что это он про мой рост пошутить решил — мог бы и не говорить, сама знаю. А потом слышу маму:

— Вас обоих отобрали для постановки! Мне звонили только что.

Я замираю, уставившись на них, и чувствую, как меня накрывает буря эмоций.

Мама с Рэнди расплылись в улыбках, как два чеширских кота. Так бабушка Рукавичка любит говорить, когда речь идет про здоровенную суперулыбку. Никак иначе сейчас их лица и не описать. Вообразили себя победителями.

Я тоже выдавливаю из себя улыбку, но не без труда.

Как же теперь мое лето? Как мне думать о Рамоне в любой удобный момент? Как сочинять письма Кайли и Пайпер? Да, до писем руки у меня еще не дошли, но я уже начала рисунок, который хотела вложить в письмо, если он получится хорошим. Две

* В книге Фрэнка Л. Баума «Удивительный волшебник страны Оз» жители страны, в которую попадает Дороти, называются манчкины, именно их роль и досталась Джулии и Рэнди. В пересказе на русский язык манчкинов называли по-разному, например, у А. Волкова они стали жевунами. Здесь же назовем их просто гномами. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

мои лучшие подруги ждут не дождутся от меня вестей из дома. Я — тот самый клей, что должен скрепить нас троих этим летом. К тому же я ведь бульдожка. Ну какой из меня гномик?

Свой хитроумный план я разрабатываю не один час, но, когда на следующий день — день первой репетиции — притворно поскользываюсь на ступеньках и заявляю, что вывихнула лодыжку, мама на мою ногу даже не смотрит. (На самом деле я только правый локоть слегка ушибла.) И все же я держу марку и, уходя к себе в комнату, старательно прихрамываю.

Все без толку, мама даже льда мне не предлагает, чтобы приложить к ноге. В общем, я перестаю хромать и надеваю свою блузку-крестьянку и шорты. Однако, когда начинаю натягивать сандалии, мама велит мне и Рэнди переобуться в кроссовки.

Кроссовки?

Они совершенно не идут к моей блузке, да и времени на переодевание уже не остается. Видно, мама нам не все рассказала из того, что знает.

Когда мы подъезжаем к театру, вокруг уже толчется толпа детей. Я никого из них не знаю, да и хорошо, что так.

А вдруг Стивена Бойда тоже назначили гномом?

Он сидит рядом со мной на уроках у миссис Вэнсил и с математикой справляется лучше всех в классе (ну кроме разве что Элани Аллен). И в кикболе хорош. И пишет без ошибок. Весь прошлый год я, когда было нечего делать, глядела на него — и, честно

сказать, вряд ли я смогу реализовать свой потенциал на полную, если он тоже участвует в этой постановке. Очень уж отвлекают меня его темные кудри.

А у Рамона шерсть была как малярная кисть — такая же густая.

Я вижу, что большинство гномов приехали с родителями, которые как раз припарковывают машины. А наша мама решила, что мы с Рэнди и сами справимся, поэтому просто высадила нас на тротуар и поехала дальше. Ей ведь еще на работу надо. Да я и не против — к тому же почти сразу появляется женщина с бумагами и говорит, что родителям присутствовать нельзя. Это, мол, «закрытая репетиция».

Все родители от такой новости очень расстроились.

Ума не приложу — ну какое им удовольствие смотреть, как нас будут превращать в гномов (к тому же, говорят, на это уйдет целых четыре недели).

А женщина между тем прямо-таки гонит родителей к кассе с другой стороны здания. На август у нас запланировано двадцать два представления, и она, похоже, даже не сомневается, что родители на каждое из них захотят купить билет да еще родственников с друзьями прихватят.

А я стою и думаю только о том, что четыре недели репетиций плюс три недели представлений — это, по сути, все оставшееся лето.

Пуф!

И нет его.

Того и гляди заплачу, но вместо того изо всех сил стараюсь сосредоточиться, так что глаза удается сохранить сухими.

Отделавшись наконец от разочарованных родителей, женщина с бумагами проводит нас через вестибюль театра. Толпа набралась приличная. Я прислушиваюсь к тому, как женщина считает детей, но после тридцать пятого по счету бросаю это дело.

В зале достаточно темно, но я иду в первых рядах и поэтому вижу троих ребят, которые уже успели забраться на сцену.

Один из них стоит в дверном проеме, и — тут я опешила — курит! Глазам своим поверить не могу. Кто ребенку курить позволил?

Неудивительно, что родителей сюда не захотели пускать!

Ну, теперь только бы поскорее маме с папой об этом рассказать! Мама моя курение терпеть не может, так что дело примет совсем другой оборот.

А потом тот, что курит, разворачивается, я вижу его лицо. И понимаю, что никакой он не ребенок — при такой-то бороде!

Взрослый, только маленький. Идеальный гном. Они все трое такие — и чем ближе я подхожу, тем сильнее чувствую себя и остальную толпу дешевыми подделками.

Эти ребята точь-в-точь как в кино.

Теперь мне становится ясно, что у нас в городе попросту не нашлось достаточно таких вот взрос-

лых гномов, потому детей и набрали. Вот в чем дело.

Уставилась на них и глаз не могу отвести.

Знаю, что невежливо, а ничего поделаться с собой не могу. К тому же здесь темно, так что и нас, наверное, видно не очень хорошо.

Их трое — двое мужчин и женщина. Один из мужчин чернокожий (он-то в дверях и курил). У него борода и маленькие усики. А у другого волосы рыжие, как апельсиновый джем. Из него получился бы лучший в мире лепрекон — и вовсе не потому, что у него рубашка зеленая. Лохматые рыжие бакенбарды так торчат, будто сами просятся под бритву, а кончик носа — красный. Простудился, наверное.

Женщина же чуть-чуть повыше обоих. Волосы у нее заплетены в длинную темную косу, в ушах кольца-серьги, а на шее — бирюзовое ожерелье в тон двум таким же браслетам. Хоть на дворе и лето, она в кожаных ботинках на высоком каблуке. По мне, так вовсе это и не спортивная обувь, но ведь я впервые в жизни вышла на полупрофессиональные подмостки — кто его знает, как у них тут все устроено.

В общем, я решаю, что ее вид мне очень даже нравится.

Мне с ней непременно надо познакомиться, чтобы узнать, где она раздобыла такие чудные ботинки. Ноги у нее маленькие, совсем как мои, так что, может, их по особому заказу шили.

А потом в зале зажигается свет. Мы с братом и

другими детьми выстраиваемся в ряд, а маленькая женщина к нам подходит и протягивает руку.

— Меня зовут Олив, — говорит, — рада познакомиться.

И так каждому из нас, раз за разом повторяя одно и то же. Этим она вроде как общее напряжение разрядила, так что тут и мужчины зашевелились.

Оказалось, что курильщика зовут Квинси, а ле-прекона — Ларри.

Мы почти сразу узнаём, что Квинси — профессионал. Чаще всего он выступает в цирках, но и на родео тоже, как клоун, который должен отвлекать разыгравшихся мустангов. Что бы ни рассказывал, все слушать интересно. Он и слонов дрессировал, и на моноцикле ездить умеет, и обратные сальто вертеть.

После того как Квинси показывает нам несколько забавных трюков, оживляется и Ларри. Этот умеет разговаривать смешным голосом и со всякими несусветными акцентами, а еще отлично подражает звериным голосам.

Мы все развеселились, как вдруг в дальнем конце зала открывается дверь, и входит мужчина с большим блокнотом. К нам он идет и не быстро, и не медленно — важно так вышагивает, не спеша. А потом говорит:

— Рассаживайтесь!

Тут из-за кулис выскакивает женщина с бумагами и ахает:

— Шон Барр пришел!

Мы и сами уже заметили, вот только имени его не знали.

Шон Барр одет в комбинезон — ту одежду, у которой верх и низ соединены. В таких автомеханики ходят. Вот только у Шона Барра комбинезон не синий и тело облегает потуже. Оранжевый, как канталупа*, и перетянут нарисованным прямо по ткани ремнем с такой же фальшивой золотой пряжкой.

Шон Барр явно не специально нарядился, а каждый день так ходит — я это сразу понимаю, потому что в заднем кармане топорщится бумажник, а сам карман изрядно потерт. Я пытаюсь представить папу в такой одежде, и мне становится как-то не по себе. Вот только Шон Барр в своем наряде смотрится совсем не странно — ему вроде как очень даже удобно.

Мужчина он невысокий. Я бы его даже коротышкой назвала, но уж точно не вслух, потому что это слово больше ни разу в жизни не произнесу. Гнома из него не получится, а все же я не сказала бы, что он возвышается над нашей толпой, — пока не услышала его голос.

Я, как он вошел, даже дыхание затаила, а некоторые вокруг меня шушукуются, будто пчелы в улье. Шон Барр один-единственный раз хлопнул в ладони и говорит:

— Исполнители! Ни звука, когда я говорю.

* К а н т а л у п а — разновидность дыни, у нее оранжевая мякоть.

Все мигом смолкли.

— Меня зовут Шон Барр. Многие из вас про меня уже слышали.

Я скользнула взглядом по сторонам (одними глазами — головой даже не шелохнула) — не заметно, что про него хоть кто-то тут слышал.

— Я ставил спектакли на Бродвее. И в Вест-Энде^{*} поработать пришлось.

Я снова веду глазами по сторонам и вижу, как Олив и Ларри с Квинси согласно кивают.

Тут и я кивать стала, потому что, хоть и едва с ними успела познакомиться, очень уж они мне понравились.

Вслед за мной и Рэнди начинает кивать. Младший брат вроде подчиненного — знает, что во всем надо поддерживать начальника.

Я пытаюсь определить возраст Шона Барра, но сделать это ой как непросто. Волосы у него хоть и седые, но густые. И движения совсем не как у старика. Лицо все в морщинах, но ходит он не то что без ходунков, а даже без палочки. Явно старше моих родителей, а они уже пожилые — сорок два и сорок четыре все-таки.

Может, он не просто старый, а суперстарый.

Может, ему пятьдесят пять?

Понятия не имею.

Самые старые люди, каких я знаю (как, например,

^{*} Бродвей и Вест-Энд — главные театральные улицы Нью-Йорка и Лондона.

бабушка Рукавичка — ей четвертого июля шестьдесят девять исполняется), это мои родственники, так что их возраст мне точно известен.

Да ладно, думаю, успею еще выяснить его годы. Если уж Шон Барр такая знаменитость, то не лишним будет о нем разузнать побольше.

А он своих заслуг явно не собирается скрывать:

— Я работал в театре со многими из величайших, и их всех, если не считать нескольких аномалий, объединяет кое-что общее — они все знают, что такое настоящая приверженность делу.

Хотя я уже слышала раньше слово «аномалия», его значение позабыла. А с «приверженностью» проще — это значит ничего не пропускать. Я в прошлом году поступала в скауты, заполнила все анкеты, а потом руководитель маме и говорит, что за испытательный срок я пропустила кучу собраний, а значит, маловато у меня приверженности общему делу.

Мне скауты вообще-то нравились, но, видимо, не настолько, чтобы стать одной из них.

А Шон Барр тем временем продолжает:

— Наше общее дело — это постановка, но и друг о друге не забывайте. Работы впереди очень и очень много. Я хочу от вас добиться лучшего, на что вы только способны. Мы будем учиться петь и танцевать, как профессионалы, станем одной командой с общей целью — сделать лучший шоу!

Я его слушаю и начинаю проникаться.

Шон Барр говорит, и руки у него двигаются как-то особенно, по-своему. Голос низкий и прямо переполнен энергией — говорит он, я бы сказала, с чувством. Что бы ни произнес, мощно получается, а я раньше и о слове таком не задумывалась.

Но факт есть факт. Мощный дядька.

А потом его голос меняется, и от услышанного у меня сводит живот.

— Меня не было на прослушивании, потому что я только вчера приехал. Заканчивал постановку в Пиджен-Фордж. Я уверен, что каждый из вас прекрасно справится с ролью гнома, но выбирал я вас по видеозаписи. Это не значит, что свою роль нужно еще заслужить, но я оставляю за собой право отказать каждому, кто не справится с делом.

И вновь я вращаю глазами, не поворачивая головы. Большинство детей и в ус не дуют, но несколько гномов явно занервничали.

А Олив и Квинси с Ларри хоть и не выглядят испуганными, но напряглись.

Однако тут Шон, к моему облегчению, перестал грозить исключением тех, «кто не справится с делом». Тут я чувствую, что часть меня, и притом бóльшая, где-то глубоко внутри, уже хочет остаться в постановке, а от мысли, что без меня справятся, на душе становится совсем скверно.

Это при том, что всего три часа назад я шлепалась на землю, чтобы вывихнуть лодыжку!

Да только это было до того, как я увидела Шона

Барра и узнала, что на этом свете есть Олив, Квинси и Ларри.

Шон продолжает говорить, но я его уже не слушаю. Кажется, читает что-то из Шекспира, а я все равно ничего бы не поняла. Потом он откашливается, поднимает руки вверх и говорит:

— Исполнители! Мне нужен ваш самый яркий свет! Каждый засияет! Все вы — мои звезды!

Тут я вижу, что Олив заплакала.

Может, она фанатка Шекспира? Я знаю, что был такой драматург, который умер сотни лет назад, но людей до сих пор заставляет грустить. По крайней мере, тех, кто способен понимать слова.

А потом замечаю, что она сквозь слезы улыбается, так что, может, расплакалась от счастья. Квинси обнимает ее за плечи, а Ларри берет за руку. Наверное, они старинные друзья.

В глубине сцены к стене прислонено зеркало, и я вижу в нем себя. Мой младший брат сидит рядом, и я внезапно понимаю, что он каким-то невероятным образом совершенно незаметно вырос выше меня. И это видно, даже когда мы сидим.

Я потрясена.

Мы же с ним были одного роста, но теперь он меня обогнал, а в семье никто даже не заикнулся!

Я раз десять быстро-быстро моргаю, потому что разреветься прямо сейчас было бы совсем ужасно.

Из всех сил стараюсь сосредоточиться на Шоне Барре. А он вдруг наклоняется вперед. Впечатление

такое, будто стоит на носу корабля, а ему ветер сильный прямо в лицо. Наклонился, замер и вдруг голосом таким тихим, будто решил рассказать какую-то тайну, спрашивает совсем другое, не тайное:

— Вопросы есть?

У меня вопросов целый миллион, но я и одного задать не решусь, поэтому даже глазам своим не верю, когда какой-то мальчишка в первом ряду вдруг тянет руку. У него курчавые светлые волосы и черные ботинки с металлическими набойками на подошве — их видно, потому что он закинул ногу на ногу. И тут он спрашивает:

— А Пиджен-Фордж — это где?

Не думаю, что Шон Барр ожидал такого вопроса. Лоб у него морщится, а нос приподнимается кверху, будто хозяин унюхал что-то вонючее. Смотрит на светловолосого мальчишку и говорит:

— Пиджен-Фордж — это курорт в Теннесси. Там отличный театр-ресторан.

Олив и Ларри с Квинси принимают кивать, ну и я не отстаю.

И тут же замечаю, что все остальные гномы тоже кивают, будто каждому и в Теннесси приходилось бывать, и на курортах, и в театрах-ресторанах.

Вот тогда-то я и понимаю, что этим летом всем вокруг будут заправлять маленькие люди. А спустя несколько мгновений мы уже распеваем «Ступай дорогой из желтого кирпича» в такт движениям рук Шона Барра.

В нашей семье почти все фотографии делает папа, и он же потом составляет из них альбомы.

То есть это папа решает, что именно мы должны запомнить. В чулане у нас поверх полотенец лежит семь больших голубых тетрадей на пружинах. Одно из самых любимых моих занятий — достать альбомы и усестся разглядывать нашу жизнь. Я этим занимаюсь, даже когда на улице хорошая погода и нет дождя.

Пожалуй, и мама могла бы составить альбом, да только она этого не делает. И мы с братьями могли бы, но тогда ведь и фотографировать надо больше. К тому же мы еще дети, и у нас на такое попросту не хватает времени.

Но уж наши альбомы точно отличались бы от папиных.

Вот только историю пишет тот, кто делает дело.

Жаль, что я сейчас не могу обсудить эту идею с миссис Вэнсил. В самом конце года мы проходили Американскую революцию, и я до сих пор думаю обо всем, что осталось за кадром. Интересно, как дети того времени относились к тому, что люди палят друг в друга из мушкетов и пушек?

Мушкет, кстати, отличное имя для собаки. Сейчас

их уже не используют, так что с такой собакой каждый поймет, что ты кое-что понимаешь в старинном оружии.

Я обо всем этом думала-думала и решила наконец, что ни одну историю целиком узнать нельзя, а только часть ее. Я семейные альбомы выучила наизусть и знаю, на какой странице стоит остановиться, а какую — пропустить. Папа в них еще и наши таблицы с оценками вставляет, и почтовые открытки с фотографиями. Я думаю, это все тут лишнее. Я не знаю половины людей со снимков и уж точно не хочу, чтобы мои оценки вклеивали всем напоказ в семейный альбом.

Я неплохо училась и без всяких замечаний в дневнике — типа того, например, что на уроке надо заниматься, а не глядеть в окно. Так моя учительница по литературе и не узнает никогда, что я смотрела на колибри, которая строила крошечное, размером с абрикос, гнездышко. Я за ней долго наблюдала, но никому не говорила, чтобы не вздумали на дерево полезть, рассмотреть получше. Я ведь знаю, что проведая про это кто-нибудь вроде Ноа Хью, и гнездышко мигом очутится на земле, а еще спустя пару минут и птенчик погибнет.

Это я дикую природу защищала, в окно глядя.

Но если при этом ты неделю за неделей будешь пропускать мимо ушей словарные слова, похвалы не жди.

Кроме таблиц папа вклеивает в альбомы еще

и газетные вырезки. Одну пока что. Но мы все, конечно, надеемся, что она не последняя, потому что, если ты в газету попал, значит, сделал что-то такое, о чем стоит рассказать.

Каждый октябрь в нашем городке проводят шествие — Парад питомцев. Идут от здания суда до парка на набережной. Местная газета числится в организаторах, и это они хитро придумали — делают кучу фотографий, а потом все жители свежий выпуск раскупают, чтобы себя в нем найти. Выручка, наконец, в этот день у них взлетает до небес.

Мы в параде участвуем каждый год. Папу это не особо вдохновляет, а вот мама просто обожает это шествие, потому что она очень любит маскарадные костюмы, хотя по работе и занимается садоводческими товарами. Два года назад фото, где я стою с Рэнди и Рамоном, напечатали на первой странице газеты! Мы с Рэнди наряжены козами, но самое замечательное, что и Рамон тоже! Мы ему на голову натянули трусики Рэнди, в которых мама вырезала дырку под морду, а сверху еще пришила пару рогов. Рамону эта конструкция не очень понравилась, но самому параду он был рад, так что не стал особо упираться. Еще мы повесили на шею колокольчики.

А старший мой брат, Тим, нарядился пастухом. Натянул белую бороду от старого костюма Санта-Клауса, который мама купила на гаражной распродаже, и взял длинную палку. К нашим ошейникам были привязаны веревки, и он нас за них вроде как

тянул. На самом деле ему приходилось тянуть одного Рамона.

Все это придумала мама — и не зря, потому что фотография с нами была самой большой во всей газете. Мама была очень рада.

В последнее время я пропускаю страницы с Парада питомцев в шестом альбоме. Когда-то это была моя любимая часть альбома, а теперь она превратилась в грустное напоминание о том, кого в семье больше нет.

Жаль, что не осталось тех трусиков с рогами. Рамон их через неделю после парада нашел и изжевал. Боялся, наверное, что снова на него наденут.

Но у нас есть и несколько хороших покупных костюмов. Однажды мама в благотворительном магазине на Одиннадцатой улице нашла костюм клоуна, который ей идеально подошел. Пришлось покупать, конечно. Потом она некоторое время пыталась найти себе подработку клоуном на выходные. Да только клоунскому делу тоже надо учиться. А так мама заведует инструментами в садовой секции гипермаркета «Хоум депо». Мама хорошо умеет вникать во все мелочи. По крайней мере, я на это надеюсь.

Когда мама работала из дома, она иногда надевала этот костюм вместе с оранжевым париком, который шел в комплекте. Вымажет лицо белой краской, под глазами синие треугольники нарисует, а потом мажет себе помадой рот размером с хот-дог. Я прихожу домой от Пайпер, а мама в кухне просматри-

вает свои бумаги в полном клоунском облачении, включая огромные ботинки. Она любит пить чай по утрам, так что потом ее красную помаду с ободка чашек не могла отмыть даже посудомойка.

Мама разместила объявления, предлагая услуги клоуна-аниматора, и даже несколько раз ходила работать. Как-то раз раздавала листовки с рекламой химчистки на Элм-стрит, потом шарик на автомойке, а однажды даже плясала в витрине кафе-мороженого на Кобург-роуд.

Однако дело это оказалось совсем не таким веселым, как может показаться. К тому же мама сказала, что от ботинок у нее болят своды стоп.

Мама моя не любит сдаваться, но спустя несколько месяцев таких подработок по выходным она решила их прекратить. Но самое главное, что в нашем альбоме от тех времен осталось несколько отличных фотографий мамы-клоуна.

Может, ради них все это в итоге и было.

На фотографиях мама выглядит счастливой. Интересно, а вдруг в юности она хотела стать актрисой, а не тем, кому приходится пересчитывать мешки с речной галькой в ландшафтной секции строительного гипермаркета?

Вдруг она и меня с Рэнди на прослушивание отправила только потому, что ей самой с ее ростом не бывать уже гномом? Я бы спросила, да боюсь огорчить. Может, она через нас решила осуществить собственную мечту. А может, ей просто нужны бесплатные

няньки для нас. Так или иначе, она в любом случае добилась своего — не зря папа говорит, что у поступков людей нередко бывают «смешанные мотивы».

В альбомах очень много фотографий Рамона. Папа постоянно говорил, что он мешается под ногами, но, глядя на снимки, понимаешь, как папа любил нашего пса. Ведь если не так — с чего бы этих фото было так много?

Скоро в последнем из альбомов появятся и мои с Рэнди фото в роли гномов.

И наверняка еще вырезка с рецензией на спектакль, потому что газета отправляет своего критика на все университетские постановки.

Для нашего спектакля, наверное, и программки отпечатают, в которых будет указано и мое имя, и Рэнди. Правда, я больше о своем думаю. Список наверняка дадут в алфавитном порядке, так что Джулия Маркс будет стоять раньше, чем Рэнди Маркс, и это хорошо.

А потом я внезапно начинаю переживать, что папа не поймет, как это важно — сыграть роль гнома в «Волшебнике из страны Оз». Он может упустить очень много важного в следующие семь недель.

И тогда я решаю, что этим летом стану заботиться об истории самостоятельно.

Не знаю даже, почему я решаю никому об этом не говорить. Потому, наверное, что это касается только меня. Поскольку мама у нас занимается учетом товаров, канцелярского добра в доме всегда навалом.

Я иду в гараж и беру из ее шкафа такую же тетрадь, как те, которые использует папа, но только красную. Не хочу никому подражать.

Вот только зачем я все это затеяла? На память, для самой себя или для кого-нибудь другого, кто однажды в будущем захочет узнать побольше о девочке по имени Джулия Маркс?

Уходя со своего поста, каждый президент нашей страны получает собственную именную библиотеку. Библиотеками эти места называют потому, что как-то неловко строить музей для того, кто еще жив. Но я была в двух таких местах, и, скажу вам, вряд ли хоть один президент за свою жизнь успел бы написать тысячу книг — да даже и собрать.

Так что никакая это не библиотека.

Туда свозят всякие доклады. Но не такие, как наши, школьные (вроде моего, где я рассказываю про петушиную макушку, которая называется гребнем и из которой можно сделать лекарство от артрита), а доклады о том, например, в котором часу наш президент с румынским пили кофе. Не знаю, зачем все это хранить, но благодаря возне с такими бумажками у кучи народа появляется работа, а об этом тоже не стоит забывать.

В итоге я решаю, что альбом буду делать для себя, чтобы рассматривать его много лет спустя, когда прошлое станет казаться далеким и расплывчатым.

А главной вещью в моем альбоме будет Рамонов

ошейник. Для тетради он, конечно, великоват, так что хватит и бирки.

Вот только не хочу я пока отцеплять бирку, еще не готова. Поэтому первую страницу решаю оставить пустой и только сверху написать: «Рамон». А потом появляется идея и того лучше. Я беру мамин пинцет, снимаю с ошейника несколько волосков и приклеиваю их на страницу куском прозрачного скотча.

Выглядит, конечно, не слишком симпатично, но мне все равно. В этих волосках спрятана ДНК, и из нее однажды можно даже будет сделать нового Рамона. Это, конечно, ого-го какая большая мечта, да только стоит ли размениваться на мелочи?

Я перелистываю страницу.

Даже не верится, что я когда-нибудь смогу забыть про то, как ходила в детский сад начальной школы имени Клары Бартон. А вот такие-то вещи как раз и хочется выкинуть из головы.

Помню, например, будто это было вчера, как хлестанула своей курткой Джонни Ларсона. Он забрал четвертак у меня с парты и не хотел отдавать — значит, украл! Я в конце дня хватаю свою куртку и решаю отстегать его хорошенько. Совсем позабыла про металлическую застежку, и мне ужасно не повезло, что она попала Джонни прямо надо лбом.

На границе волос и кожи у человека начинается скальп, и кровоточит это место очень сильно.

Как минимум у Джонни Ларсона.

И вот я размахиваю своей курткой и кричу, чтобы

он вернул мой четвертак, а в следующее мгновение он уже рыдает с залитым кровью лицом. Потом стал прыгать, и несколько капель крови долетели даже до меня с Мисс Тилли — так звали нашу крольчиху из живого уголка.

И вот любопытный факт: красные брызги на белой шерстке Мисс Тилли перепугали детей гораздо сильнее, чем залитое кровью лицо Джонни Ларсона.

Меня тогда повели к директору Буонкрисиани. Пожалуй, я оказалась первой пятилеткой во всей школе, которая удостоилась его внимания.

Я, конечно, попыталась объяснить, что Джонни Ларсон украл мой четвертак и не хотел возвращать, но окружающие этого будто бы и не слышали. Вокруг только и твердили об «агрессивном поведении».

Повторю-ка, пожалуй, еще раз: Я ЕГО КУРТКОЙ ХЛЕСТНУЛА. Голубой нейлоновой курткой, а о застежке совершенно позабыла. Ударь я его кирпичом, еще можно было бы понять, отчего все кругом как будто с ума посходили.

Но теперь, пытаясь определить то, что сможет объяснить мою жизнь, я понимаю, что и Джонни Ларсон в этом альбоме должен быть.

Я снова иду в гараж и вытаскиваю из ящика с инструментами кусачки, а потом возвращаюсь в свою комнату к шкафу, где висит куртка.

Вот насколько медленно я расту! Она до сих пор, спустя многие годы, здесь, в моем шкафу. Разве что стала слегка туговата, но я все равно ее почти не на-

деваю — от одного взгляда на нее возникает уйма неприятных чувств.

Я покрепче ухватываю кусачки, но оказывается, что выдернуть застезжку из молнии совсем не так просто. Дважды я чуть было не отказываюсь от этой затеи, но потом меня осеняет. Я беру ножницы и врезаюсь ими в куртку.

Мне радостно, потому что теперь у меня есть кусок голубой ткани от куртки, а это вещь куда как более памятная.

Однако вместе с тем я понимаю, что испортила вещь, а это плохо. Ее ведь еще вполне мог использовать какой-нибудь другой ребенок, чтобы случайно располосовать лоб приятелю.

Ну или чтобы согреться в холодный день.

Я сворачиваю изуродованную куртку, кладу в бумажный пакет и выхожу на улицу, чтобы засунуть его в мусорный бак миссис Мюррей.

Мама говорит, будто миссис Мюррей старше самого Бога. Это хоть и неправда, но звучит повежливей, чем, например, «старая перечница». Так ее мистер Вертаймер называет. Он тоже наш сосед.

Миссис Мюррей сто два года, и она так и живет в своем доме, а мистер Вертаймер очень хотел бы этот дом купить. Он живет на съемной квартире в двух домах отсюда и, по-моему, уже очень давно мечтает о переезде.

В одном доме с миссис Мюррей живет Пиппи, ее помощница, но сейчас она заболела, и вполне воз-

можно, что миссис Мюррей ее переживет. Грустно, наверное, подрядиться ухаживать за старушкой, а потом раньше ее отдать концы. И не докажешь уже никому, что делал свое дело на совесть.

Миссис Мюррей обычно ездит в кресле-каталке и поэтому точно не станет рыться в своем мусоре, чтобы случайно обнаружить там пропитанную плохими воспоминаниями голубую куртку с дырой.

Приклеив к бумаге клочок ткани, я перехожу к следующему предмету в альбоме.

Следующей важной вехой своей истории я решаю сделать один из зубов. У большинства детей первый зуб выпадает в пять-шесть лет.

Но только не у меня. Мой первый выпал в семь. Это считается очень поздно. Копаться в вещах родителей, конечно, нехорошо, но однажды я обнаружила у мамы в шкафу коробочку с тем, что когда-то было у меня во рту. А поскольку зуб мой, я его и забрала. Она даже не хватилась, а значит, он точно был для меня важнее, чем для нее.

Из-за того что первый зуб так задержался, я уже потихоньку начала мечтать, что вырасту особенной — единственным в мире взрослым с молочными зубами. Интересно, бывает вообще такое?

Выяснилось, однако, что где-то в голове у меня все это время прятался полный набор крепких постоянных зубов.

В этом году однажды у нас в школе девочек с мальчиками развели по разным классам и показали

фильм «Мое меняющееся тело». Теперь я в подробностях знаю обо всех тех сюрпризах, которых мне, если судить по зубам, придется ждать гораздо дольше, чем остальным девочкам.

Я долго смотрю на свой первый зуб с чувством непонятной привязанности к этой крошечной странной штучке. Он похож на маленькую неуклюжую жемчужинку — только не круглую. Но я все равно приклеиваю его к бумаге, ведь он тоже рассказывает часть моей большой истории.

Если слишком долго глядеть на эту страницу, становится грустно.

Зуб умер.

И я тоже однажды умру.

Совсем как Рамон.

И его не вернуть.

Как бы мне этого ни хотелось.

При одной мысли о смерти к животу подкатывает тошнота. Я знаю, что это всего лишь часть круговорота жизни, но смерть — это еще и страшный груз на твоих плечах, особенно если ты молод. Я очень надеюсь, что, когда стану суперстарой — такой, что у меня уже начнут отказывать колени, — все это приобретет чуть больший смысл. Но даже если ты очень религиозный человек, который верит, что весь твой путь предопределен свыше, тебя в любом возрасте будет подстергать очень много неизвестного.

Думать обо всем этом — все равно что пытаться разглядеть хоть что-то сквозь черную повязку.

В первый день репетиций «Волшебника из страны Оз» нам выдают расписание.

Мы будем заниматься с двух часов дня с понедельника по пятницу, а по субботам — с десяти утра. Воскресенье выходной.

В общем, совсем как взаправдашняя работа!

Только бесплатно.

Вроде как неоплачиваемая стажировка.

Как-то Эхо Фримэн говорила мне, что такие стажировки очень важны, если хочешь попасть в колледж. Она меня старше на два года, и я понятия не имею, о чем это она. Я бы переспросила, но если тебя зовут Эхо, ты вряд ли любишь повторять сказанное.

Я сняла расписание, которое было наколото на доску объявлений рядом с черным входом, и вставила его в свой альбом. У нас таких листочков два — Рэнди ведь тоже участвует в постановке. Расписание я вклеила сразу после зуба.

А еще на первой репетиции нам раздали листочки со словами песен, которые мы будем петь. Нам сказали, что в опере это называется «либретто». Либретто. Отличное слово. Веселое.

Помимо прочего, Шон Барр будет учить нас пра-

вильно двигаться. Нет, мы все, конечно, знаем, как дойти от одного места до другого, но тут речь идет совсем о другом.

Он сказал так:

— На сцене без правильного движения никак. Даже мизинец должен играть роль. Роль даже в развороте плеч должна читаться.

До этого замечания Шона я еще ни разу не задумывалась, как держу свои пальцы или плечи. А он потом еще добавил:

— Тело — ваш инструмент.

Хотя с музыкальными инструментами я до того не ладила, но его слова мне понравились. Потом уже я как-то с репетиции отпросилась в уборную и одной женщине, что мыла там руки, эту фразу повторила. Она-то мне и сказала, что это известная цитата.

Выходит, Шон Барр не сам это выдумал. Ну и что? Он первый, от кого я такие слова услышала, а это куда как важнее.

Теперь я думаю, что всех нас объединяют наши тела (это я говорю про сорок гномов). Мы все маленькие. Олив и Квинси с Ларри так и вовсе такими останутся навсегда. Ну а все остальные пока дети, так что, скорее всего, еще вырастут.

Шон Барр говорит, что наши движения рассказывают миру, кто мы такие есть.

Говорит, что хоть мы и маленькие люди, но двигаться будем не по-маленькому. Не совсем понимаю,

что он имеет в виду, но впереди уйма репетиций, так что еще узнаю, наверное.

Я до сих пор не слышала, чтобы он хоть раз сказал слово «коротышка». А однажды рассказал нам, что у многих комиков была своя фирменная походка, и даже показал, как один из них расхаживал, Чарли Чаплин. Это надо было видеть.

Теперь, когда Шон Барр объяснил нам, какую важную роль играет движение, я решила наблюдать за людьми. Стану изучать то, что называется языком тела, буду приглядываться к окружающим, а к папе с мамой — особенно.

Мама, по-моему, двигается так, будто постоянно отслеживает все, что творится вокруг. Она уйму всего видит и замечает, даже когда ничем по сути и не занята. И это вовсе не потому, что она заведует садовым инвентарем в «Хоум депо», где со всех сторон товары. Мама даже на автостоянке всегда окидывает окрестности внимательным взглядом.

И я понимаю теперь, что папины движения гораздо сдержаннее, чем у мамы. Он будто марширует с места на место, глядя прямо перед собой. А лодыжки при этом пощелкивают. Ну не так, чтобы очень громко, но все равно слышно. По этой походке сразу становится ясно, что папа совсем не мечтатель.

Он работает в страховом отделе медицинского центра. Работа важная, но я бы в жизни не согласилась заниматься таким делом. Папа без конца использует слово «выплаты» и все время твердит

о разных рисках. Через него проходят целые горы страховых заявок, так что папа отлично знает, где нас может подстерегать опасность — практически везде.

А язык тела моего старшего брата Тима говорит о том, что у него шило в одном месте. Вечно что-нибудь крутит и подбрасывает. Даже брови его могут в любой момент без всякой причины взлететь ко лбу и тут же опуститься. Если усядется, ноги сразу начинают прыгать, будто у него нервный тик. И руками тоже все время двигает. Когда телик смотрит или уминает сырный сэндвич с острой горчицей, то свободной рукой обязательно рисует, и получаются у него сплошь уродцы со слоновьими ушами и звездами в глазах.

Бабушка Рукавичка сказала как-то, что Тим оригинально мыслит. Он первенец и поэтому ее любимчик. По-моему, она даже дерганье его считает чем-то выдающимся.

А Рэнди еще маленький, поэтому вряд ли его движения имеют значение, что бы там Шон Барр нам ни говорил.

Однажды Рэнди спрыгнул с гаража. К нам тогда в гости пришла Мария Вайс. Рэнди сказал, что умеет летать, а она его вруном обозвала. Тут Рэнди давай кричать, что никакой он не врун. Я сидела за столом для пикников, что стоит у нас на заднем дворе, и в чужие дела не лезла, но все равно все слышала. Вопли Рэнди, конечно, лучше всего доказывали, что он

врет, но тут братец раздобыл лестницу и полез на крышу гаража.

Я голову только потому и подняла, что Рамон принялся лаять. Он всегда замечал все самое важное первым, вот только зачастую это «важное» могло оказаться пробежавшей белкой.

Я даже ничего не успела сделать, а Рэнди уже оттолкнулся от края крыши и повис в воздухе. Еще изо всех сил замахал руками, да толку-то. Шлепнулся об землю и так закричал, что мне стало страшно.

Потом отряхнулся кое-как, поднял на Марию свое зареванное лицо и говорит:

— Вот видишь! Сказал же, что умею!

Рамон к тому времени уже прямо-таки заливался.

Это случилось на выходных, так что родители были дома. Папа тут же приложил ему к ноге лед, а мама достала миску мороженого. Нам с Марией тоже досталось, потому что нечестно, если один ест, а остальные смотрят. А потом нам еще разрешили вволю посмотреть телевизор, хотя мама с папой обычно говорят, что днем его смотреть можно, только когда лежишь больной.

В понедельник Рэнди по-прежнему прыгал на одной ноге и так разнылся, что мама повезла его к доктору. Там и выяснилось, что у него в лодыжке трещина. Вот тогда и на меня накричали, что я позволила ему забраться на крышу. А я с ним никогда в жизни не могла управиться.

Если все же говорить о том, как движется Рэн-

ди, то он вроде вареной макаронины — знай гнется в разные стороны, и все равно, что на него люди смотрят. С виду весь уверенный такой. А может, он просто какой-то секрет знает — ну, вроде того, как мама каждый раз, когда «Доджерс» играют в бейсбол, заставляет бабушку Рукавичку слушать их игру по радио.

Они, мол, только тогда и выигрывают, когда бабушка слушает игру.

А бабушка это называет сущим наказанием.

Я же, когда гуляю, люблю придумывать, будто от моих ног ни единого следа не остается.

У нас вторая по счету репетиция, и Шону Барру сегодня явно не сидится на месте.

Если судить по языку тела, ему не терпится начать. Сегодня он сменил свой оранжевый комбинезон на черные эластичные штаны и белую рубашку с воротничком. Смотрится интересно. Я постараюсь пристально следить за каждым его движением, потому что подражание — это лучший способ чему-то научиться. Это еще называют «действовать по образцу». Не надо ничего выдумывать самому — знай гляди себе в оба.

Когда приходит последний из детей, Шон Барр велит нам рассестись, а Женщина с бумагами гасит в зале свет. Мы смотрим на заднюю стену сцены. Она белая, как экран кинотеатра, и вдруг на ней появляются кадры «Волшебника из страны Оз» — та сцена, где домик Дороти спускается в волшебную страну.

Кино идет без звука, и очень жаль, что так, потому что мне этот фильм нравится. Я мигом забываю, что сижу на репетиции, и жалею только, что у меня нет свитера, чтобы свернуть его вместо подушки и устроиться поудобнее.

Шон Барр говорит:

— Я отключил звук, чтобы вы могли сосредоточиться на том, как двигаются актеры.

Лично мне и звук не помешал бы, но ему, наверное, виднее.

После того как заканчиваются все сцены с гномами, Шон Барр говорит:

— Надеюсь, увиденное вас вдохновило.

Тут я не сдерживаюсь и выпаливаю:

— Еще как! Можно и еще посмотреть — так даже лучше будет.

Чувствую на себе неодобрительные взгляды нескольких детей, но со стороны Квинси и Ларри раздаются смешки. А я ведь никого смешить не собиралась.

А потом Шон Барр говорит:

— Мы должны не копировать движения из фильма, а суметь их сделать своими собственными. И пусть нас вдохновляет то волшебство, что было сотворено до нас.

По-моему, звучит очень неплохо.

— А теперь, исполнители, я хочу, чтобы каждый себе подобрал партнера, с которым будет отрабатывать хореографию.

Это как на школьной экскурсии. Здесь целая толпа гномов, так что проще простого кого-то недосчитать. Два года назад Сэмми Шугерман пошла в туалет и отбилась от класса, когда мы ездили на фабрику мороженого «Драйерз». Такое бывает, когда дети не приглядывают друг за другом. Правда,

в итоге Сэмми досталось второе мороженое, пока она ждала, когда сотрудники фабрики дозвонятся до школы. Жаль, что и меня вместе с ней не забыли в том туалете.

Шон Барр говорит:

— Ну же, не стесняйтесь. Найдите себе партнера.

Наверное, мне стоило бы выбрать своего брата. Мы с ним живем в одном доме, в одной машине ездим. У нас будет уйма времени, чтобы все обсудить.

Вот только нетушки. Ведь это лучший момент для того, чтобы познакомиться с другими.

Я рада, что Рэнди думает точно так же, потому что он сразу идет к мальчикам, которые уселись рядом с фортепиано.

Я же отправляюсь напрямиком к Олив.

Да только не я одна ее выбрала. Ларри и Квинси тоже попытались удостоиться такой чести. Я появляюсь рядом с Олив в тот самый момент, когда они поглощены спором.

Трогаю ее за плечо и говорю:

— Меня зовут Джулия Маркс, и я на два года старше, чем может показаться. Просто я... невысокая. И я никогда не произношу слово на букву «к». Я это все говорю, чтобы ты знала, что я на самом деле интереснее, чем кажусь.

Ларри с Квинси перестают спорить, но уже поздно.

Олив широко улыбается:

— Отлично, Джулия! — и кладет руку мне на плечо.

Мы с ней одного роста.

И я тоже говорю:

— Прекрасно.

Ларри и Квинси смотрят на меня не слишком-то ласково, но Олив на них уже даже не глядит. Им только и остается, что выбрать друг друга.

И они этому явно не очень рады.

Спустя несколько минут, когда все уже отыскивали себе пару, Шон Барр решает, что разговоры пора кончать. Он коротко и сильно хлопает в ладони. Хлопок громкий, и все затихают.

— Начнем с зеркальных упражнений, — говорит Шон Барр.

Я озираюсь, но не вижу ни одного зеркала. Даже то, что вчера стояло у стены, куда-то убрали.

— Это не значит, что вам предстоит заниматься перед зеркалом, — продолжает Шон Барр. — Вы встанете перед своим партнером и будете по очереди повторять движения друг друга.

Я не понимаю, о чем это он, а потом помощница Барра откладывает свои бумаги и встает перед ним. Она выше и заметно волнуется. Шон Барр медленно поднимает руку в воздух. Женщина делает то же самое. Он опускает руку. Она повторяет.

Теперь ясно. Мы будем теньями.

По-моему, так звучит гораздо понятнее, и я, получается, права, потому что Шон Барр говорит:

— Это еще называют работой с тенью. А немного спустя мы научимся отыскивать свою внутреннюю тень. Только это гораздо сложнее.

Я понятия не имею, что такое внутренняя тень, да и не особо интересуюсь. Пока что мне вполне достаточно того, что моим партнером по внешним упражнениям будет Олив. Мы расходимся по сцене, встаем лицом к лицу и приступаем к делу. Каждые несколько минут меняемся ролями.

Я не люблю хвастать, но думаю, что у нас с Олив все получается гораздо лучше, чем у любой другой из девятнадцати пар.

Дело в том, что Олив не упускает ни одной мелочи да к тому же не боится размашистых жестов. Она тычет в разные стороны пальцами, а я повторяю. Вдобавок ко всему она умудряется глазами подсказывать свой следующий жест, отчего наша работа с тенью смотрится, наверное, еще лучше.

Олив вскидывает левую ногу, а за ней — правую, и одновременно делает то же самое руками. Это уже посложнее, чем раньше, так что я забываю обо всем, кроме того, что творится прямо передо мной. Мы будто плывем в воздухе, загребая его, как воду. Тем временем некоторые мальчишки просто раз за разом вскидывают и опускают руки. С нашим танцем это, конечно, не сравнить.

Мы уже довольно долго работаем с тенью, когда Шон Барр вновь хлопает в ладони, и все замирают.

— А теперь, — говорит он, — я хочу, чтобы вы отражали меня.

Наверное, это такая хитрость, потому что на самом деле мы вслед за ним тут же выучиваем первые па того танца, который будем исполнять.

И вот что интересно — после того как мы все хорошенько сосредоточились, работая со своей внешней тенью и превращая тело в инструмент, нам теперь гораздо проще повторять каждое движение нашего учителя.

Вслед за этим Шон Барр идет к фортепиано, которое стоит у края сцены. Он садится и начинает наигрывать первую песню, которую нам предстоит выучить.

Женщина без бумаг теперь стоит перед нами и делает движения, которым Шон Барр только что нас учил.

Похоже, она до сих пор волнуется, потому что повторять все это за ней не так-то просто.

К тому же и музыка теперь отвлекает.

Слышала бы это миссис Сукрэм! Я-то думала, что она отлично играет на фортепиано, но Шон Барр заставляет его буквально петь! Я такую игру раньше слышала только из телевизора.

Время летит невероятно быстро. Кажется, мы только-только пришли, а вот уже Шон Барр говорит, что два часа прошли, и он ждет нас завтра.

И тут я понимаю, что у меня не осталось сил, а он между тем прямо-таки пышет энергией.

Забавно — мы ведь молодые, а он старый. Я иду к выходу из театра и понимаю, что уже жду не дождусь завтрашнего дня и новой репетиции.

Напоследок Шон Барр дает нам такое напутствие:

— До нашей следующей встречи постарайтесь смотреть на мир с выключенным звуком. Сосредоточьтесь только на одном из ваших пяти чувств и попробуйте найти новые формы существования.

Идея интересная, но я решаю, что, когда сяду вечером за свои любимые телешоу, звук все же включу.

Целая неделя проходит за разучиванием слов и движений.

Теперь я уже могу, не заглядывая в текст, пропеть все песни (включая слова Дороти и колдуний, которых мы еще даже не видели).

Роли других персонажей пока берет на себя Шон Барр.

Когда он пропевает слова Дороти, я прямо поражаюсь его голосу.

Будто поет сама Джуди Гарленд, которая играла Дороти в фильме.

Я боюсь только, что, когда наконец-то появится актриса на роль Дороти, я не смогу ее оценить по достоинству — слишком уж привыкла к Шону Барру.

Наши репетиции начались на неделю раньше, чем у всех остальных актеров, потому что гномов играют дети (ну, преимущественно), к тому же работникам сцены нужно время, чтобы построить декорации и наладить свет.

Если собрался ставить спектакль, тебя ждет очень много всяких технических хлопот.

Я раньше не знала ничего про все это да и сейчас

не особо вникаю. Но дело делается буквально у меня на глазах.

Что я могу рассказать из того, что успела увидеть? Стены здесь, например, и не стены вовсе, а холсты, натянутые на деревянный каркас. Потом их еще и разрисовывают. Такие конструкции называют задниками (а я раньше думала, что задники только у туфель бывают).

Задники легко передвигать по сцене с места на место. У некоторых для этого снизу приделаны колесики, а другие можно быстро поднять над сценой или опустить на прикрепленных тросах. Хотела бы я в доме из задников жить. Подвинул стенку гостиной, и комната становится больше или меньше, а то и вовсе толкнешь ее — и выходи себе во двор. И чтобы на все это, как и в театре, нужно было всего несколько секунд.

Когда выходишь на сцену, тебе обязательно напомнят: «За спину поглядывай!» Это не потому, конечно, что к тебе кто-то может сзади подкрасться.

Дело в том, что нужно постоянно отслеживать, что происходит у тебя за спиной, потому что стены то и дело двигаются. А в «Волшебнике из страны Оз» и вовсе есть такой момент, когда часть целого дома с неба опускается. Не настоящего, конечно, а из дерева и пенопластовых крашенных кирпичей, да только и под такой дом лучше не попадать.

А еще за спину нужно поглядывать, чтобы постоянно отслеживать все, что происходит на сцене.

Шон Барр объяснил нам, что каждый актер должен быть и наблюдательным зрителем. Из меня, конечно, актер так себе, но мне нравится знать, что вокруг происходит. И тайный разговор подслушать никогда не откажусь. Вот и выходит теперь, что я не нос в чужие дела сую, а, как говорит наш режиссер, проявляю наблюдательность. А раньше я думала, что наблюдатели — это те, кто всюду ходят с биноклем наперевес.

По мне, кстати, телескопы лучше.

Ужасно приятно глядеть ночью на звезды, особенно с улицы, и если при этом с тобой твоя собака.

Больше всего мне на этой неделе репетиций нравится смотреть, как Шон Барр бегает туда-сюда между фортепиано и своим местом на сцене. Весь пол мелкими исчеркал — делает метки для нас.

Думаю, что кое-что он придумывает прямо на ходу, хотя и блокнот со сценарием у него есть. Я заметила, что его странички — прямо карты с виду, сплошь изрисованы стрелками.

Я очень надеюсь, что однажды что-нибудь из этого блокнота выпадет (только не очень важное и чтобы он не заметил) — потрясающий трофей будет для моего альбома.

Во время своих песен мы должны ходить между метками на полу. Немного спустя Женщина с бумагами (она помощница режиссера, ее зовут Харисс, но я все равно ее про себя называю Женщиной с бумагами) наклеивает поверх этих меловых меток ку-

сочки скотча всех цветов радуги. Их так и называют — метки.

Мне это очень нравится, ведь меня тоже Джулия Маркс^{*} зовут.

Это просто совпадение, конечно, но какое!

Дойти до своего места называется «взять метку».

Будь у меня визитки, на них вот что было бы написано:

ДЖУЛИЯ МАРКС
Лучший друг Рамона,
участница постановки полупрофессионального
университетского театра
Намного старше, чем выглядит
«Маркс метко берет свои метки»

Не уверена, правда, можно ли на визитках писать девизы. У моих родителей на визитках ничего нет, кроме имен, но они на крупные компании работают, а я-то сама по себе.

А еще у меня на визитке будет какой-нибудь смешной рисунок. Пляшущий пес, например, или поющий ботинок. Такая визитка стала бы отличным дополнением моего альбома.

Может, попросить их в подарок на следующий день рождения? Понятия не имею, кому, кроме меня,

^{*} В английском написании фамилия Джулии — Marks — совпадает со словом «метки» — marks.

они могут понадобиться, но нам же в школе то и дело говорят, что готовиться ко всему надо заранее.

Сегодня суббота, конец нашей первой недели репетиций.

Чтобы лучше всех нас видеть, Шон Барр забирается на стремянку, не переставая при этом пропевать все, что нужно. Фортепиано-то он, конечно, с собой туда не берет — мотив отбивает ладонями. Но перед тем, как начать, кричит:

— Громче, исполнители! Не думайте о музыке, горланьте от души!

Но мы, наверное, все равно слишком тихо поем, потому что спустя несколько минут он опять со своего насеста кричит:

— Не слышу!

Не шутит, это сразу видно.

Приходится поднапрячься и заголосить во все горло. По крайней мере, мы все изо всех сил стараемся.

Я почти визжу, так что никого больше не слышу, даже Олив. Она к тому же еще и кружится, как и все мы, потому что мы не только петь должны, но еще и танцевать при этом. Квинси с Ларри кружатся рядом быстрее всех — Квинси того и гляди своему партнеру руку выдернет из плеча.

Шон Барр смотрит сверху, не переставая хлопать, а потом случается беда.

Он, видимо, забыл, что сидит на лестнице, потому что просто делает шаг вперед и в следующий момент бухается на сцену.

Истошное пение мигом обрывается, все подбегают к Шону Барру, который извивается на досках сцены, как червяк, которого бросили на сухой асфальт.

Он изрыгает страшные проклятия. Олив велит мне прикрыть уши.

Я не слушаюсь.

А потом к Шону Барру подбегает Рэнди, и я слышу, как он говорит:

— Я однажды с крыши упал и сломал лодыжку! Вы тоже, наверное!

Я решаю не поправлять его — мол, не упал он с той крыши, а сам спрыгнул.

Родители мне много раз говорили, что поправлять кого-то, даже если он ошибся, невежливо, и чаще всего дело лишнее.

Я чувствую, что сейчас это точно лишнее.

Ларри убегает, чтобы вызвать врача. Женщина с бумагами спешит за ним. Олив с Квинси собирают нас и говорят, что нам надо выйти и подождать снаружи.

Мы выходим из театра, как при учебной пожарной тревоге. Никакой возни и толкотни.

Идем плечом к плечу со своими партнерами.

Все молчат. Я встаю справа от Олив. Все проходит так, как и должно. Мы с Олив выходим последними, чтобы убедиться, что в зале никого не осталось. Я не хочу бросать Шона Барра, но с ним остается Квинси, а Олив идет с детьми, чтобы никто ничего не натворил.

Спустя несколько минут мы видим, как на парковку въезжает «скорая помощь», и пара выбравшихся из нее медиков заходят в театр (мне кажется, двигаться они могли бы и побыстрее).

В руках у них чемоданчики типа тех, в которых рыбаки носят свои снасти, но внутри там, конечно, совсем другое.

Спустя несколько минут они возвращаются за носилками и снова идут в театр.

Когда медики опять появляются на улице, у них на носилках лежит Шон Барр. Его грудь и ноги перетянуты чем-то вроде автомобильных ремней безопасности.

Но он все равно поднимает одну руку и показывает нам большой палец, чтобы мы не волновались. А нам теперь до самого понедельника гадать, что он себе повредил. Я бы очень хотела в «скорую» попроситься и вместе с ними ехать в госпиталь, да только знаю, что мне никто не позволит — нечего и пытаться.

После отъезда «скорой» я вижу на асфальте упаковку от резиновых перчаток, которые натянул один из медиков, прежде чем входить в театр. На бумаге нарисована рука и написано: «СТЕРИЛЬНЫЕ ПЕРЧАТКИ», а чуть пониже, меленьким шрифтом: «Довольные клиенты более чем в ста странах по всему миру».

Интересно, что с учетом размера шрифта вряд ли даже тот, кому это может быть интересно, узнает о

всемирном удовольствии от этих перчаток (о чем это они вообще?).

Это заявление кажется мне абсолютной бессмыслицей, и я сразу понимаю, что ему самое место в моем альбоме.

Рву пакет на две части и прячу кусок с надписью в рюкзак.

Репетиции сегодня, ясное дело, уже не будет.

Женщина с бумагами остается с нами, Олив же и Квинси с Ларри прощаются. Они ведь взрослые, так что и родителей им дожидаться не надо. Мне интересно поглядеть, как они станут управлять машиной, потому что сама я до педали газа, скорее всего, ногой не дотянулась бы, а мы с Олив одного роста.

А может, у нее специальное сиденье?

Или она как-то по-другому это делает?

А как тогда?

Но трое взрослых уходят вдоль по улице пешком, а детям только и остается, что ждать на солнышке под каменной стеной родителей да думать о том, что же стряслось с Шоном Барром.

Все-таки нам сразу надо было петь погромче — может, и не случилось бы всего этого.

Но я не люблю искать виноватых, так что ни себя, ни других гномов, что не смогли в полную силу показать голос, винить не стану.

А если уж все-таки искать причину, то я так скажу: опасное это дело — на лестницу лезть, когда ты такой взбудораженный.

Шоу должно продолжаться. Эту фразу любят по самым разным поводам говорить, но в нашем случае точнее и не скажешь. Работа над «Волшебником из страны Оз» продолжится по графику, несмотря на то что Шон Барр сломал копчик.

И очень нехорошо со стороны Джеремайи Дженсена всюду говорить, будто Шон Барр сломал себе попу.

Джеремайя — самый высокий из гномов и из-за этого возомнил себя главным, хотя вовсе это и не так.

Главные тут Олив и Квинси с Ларри, потому что они взрослые.

Но вообще-то Шону Барру повезло, что он только копчик себе сломал. Все ведь могло сложиться куда как хуже. Ударся он головой, мог бы сейчас и вовсе своих не узнавать.

В понедельник, пока мы ждем, когда подойдут все гномы, Квинси говорит:

— Опасное это дело — падать. Был как-то такой Винсент Смит, на кондитерской фабрике в Нью-Джерси работал, и вот однажды он поскользнулся и угодил прямо в чан с шоколадом. Там его

еще деревянная мешалка ударила по голове, так что он потерял сознание. Шоколад горячий был, градусов сто двадцать, а его целых десять минут не могли вытащить. Так он в шоколаде и сварился. А может, и захлебнулся, потому что в расплавленном шоколаде не особо-то подышишь.

Никто и слова не проронил, только Олив грозно уставилась на Квинси.

А он смутился и бормочет:

— Это правда. Сама найди и почитай, если мне не веришь.

История Винсента Смита напомнила мне про шоколадное фондю, которое мы раз в год обязательно готовим, потому что у мамы в роду были швейцарцы. Дедушка ее папы приехал оттуда, только я не помню, как его звали, потому что познакомиться мне с этим моим прапрапрадедом не довелось.

В любом случае он ел сырное фондю, а мы в семье устраиваем шоколадное. «Фондю» по-французски значит «плавленный» — так однажды папа сказал. А еще сказал, что, когда ешь фондю, надо два макания делать, то есть дважды палочку с хлебом или кусочком фрукта окунать в шоколад. Окунул, откусил — и опять окунул.

Только это ужасно негигиенично.

Ненавижу, кстати, это слово — «негигиенично»!

Ужасно звучит.

Тим, когда мы едим фондю, всегда делает два макания и ничего слышать не хочет. А мне это блюдо

хоть само по себе и нравится, да только слишком много трудов уходит на готовку, если сравнить с тем, что в итоге получаешь.

Теперь у меня фондю всегда будет ассоциироваться с Винсентом Смитом, который в один день и равновесие потерял, и свою жизнь.

Спасибо, Квинси!

Шон Барр хочет, чтобы мы ни дня репетиций не пропустили. Ему теперь несколько дней должны ставить в больнице капельницы с болеутоляющим, так что главной становится Женщина с бумагами.

А раз так, я теперь, пожалуй, стану называть ее по имени.

Харисс Хосси невероятно рада своей новой роли (пусть она и временная). Она вот-вот окончит университет, и участие в этой постановке — часть ее дипломной работы. Харисс напоминает мне австралийскую овчарку. У нас чуть дальше по улице живет одна такая по имени Грэви, и она готова день-деньской носиться за мячом или что там ей еще попадется.

И у них обеих — Харисс и Грэви — глаза при этом так и горят.

Когда все в сборе, Харисс зачитывает нам записку Шона Барра. После этого я поднимаю руку:

— А можно я эту записку себе возьму?

Это было бы прекрасное пополнение моего альбома.

На лице у Харисс появляется странное выражение, а потом она говорит:

— Чужие личные письма нельзя себе забирать.

Нечестно это, ведь никакое оно не личное — сама только что нам вслух его прочитала.

Услышала я это письмо или забрала себе листок — нет ведь никакой разницы.

Во время перерыва наш новый режиссер откладывает свои бумаги на фортепиано, и я вижу, как Ларри подходит к ним посмотреть. Тоже, наверное, хотел себе записку забрать.

Репетиции Харисс проводит совсем иначе, чем Шон Барр. Мы не занимаемся зеркальными упражнениями и не тренируемся правильно брать метки. Она рассказывает нас в кресла, а сама стоит на сцене. Наверное, это чтобы видеть всех нас без лестницы, а может, чтобы мы сидели на месте и не разбегались.

Кроме того, Харисс, кажется, и на фортепиано играть не умеет и поэтому другие роли не пропевает, как Шон Барр. Только мурлычет что-то себе под нос, когда дело доходит до слов Дороти или одной из колдуний.

И раз за разом заставляет нас пропевать с начала до конца одни и те же песни. Уже очень скоро мы тянем песню так, словно у нас полные рты каши.

Словом, все, как с фондю: трудов много, а на выходе пшик.

А потом у Харисс появляется новая идея. Она решает, что мы будем петь писклявым голосом, ко-

торый на обычный ну совсем не похож. Подумала, наверное, что будет хорошо, если гномы будут еще меньше на детей походить.

А вот Олив и Ларри с Квинси она просит петь так же, как и раньше. Интересно, их это не обидело? Надеюсь, что нет.

Весь остаток репетиции мы пытаемся петь через нос. Понятия не имею, чего Харисс от нас хочет, но честно этого пытаюсь добиться.

Когда всему этому наконец-то приходит конец, мы едва стоим на ногах от усталости, хотя и провели большую часть репетиции в креслах.

Оказывается, можно устать, даже если просто сидишь.

У мамы есть подруга Нэнси, и она как-то при мне сказала, что сидеть на месте — это почти как курить.

Я тогда еще удивилась, а теперь понимаю. И то и другое может причинить телу вред.

Когда я выхожу из театра, ко мне подходит Ларри.

— А я записку для тебя стащил, — говорит он и вручает мне послание Шона.

Видимо, только что выудил из бумаг Харисс.

Как бы она не решила, что это я сделала, и не сочла меня воровкой. Но оказалось, Харисс уже уехала домой, потому что режиссером быть куда как утомительней, чем его помощницей.

Я не хочу, чтобы Ларри решил, будто я не ценю его хлопот, и говорю:

— Спасибо, Ларри. Не надо было...

Я и правда так думаю, но это же еще и выражение такое вежливое, так что Ларри уходит вполне довольный.

А еще я заметила, что он хотел, чтобы и Олив увидела, как он отдает мне листок. Но она в нашу сторону даже не посмотрела.

Послание отпечатано на компьютере:

Мои дорогие ИСССССПОЛНИТЕЛИ,
ЛЕЖА НА КОЙКЕ, Я НИ НА МИНУТУ НЕ ПЕРЕССТАЮ
ДУМАТЬ О ВАСССССС. БОЛЬ ДОССССТАТОЧНО
СССИЛЬНАЯ, НО У МЕНЯ ЕССТЬ ЛЕКАРССССТВА,
КОТОРЫЕ ПОМОГУТ МНЕ ВССЕ ПЕРЕНЕСССТИ.

ШОУ ДОЛЖНО ПРОДОЛЖАТЬССЯ. ЭТО
НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАССССТЬ ВЕЛИКОЙ ТРАДИЦИИ
ТЕАТРА. ДАЖЕ В ССССАМЫЕ ССССЛОЖНЫЕ МОМЕНТЫ
ВРОДЕ НЫНЕШНЕГО МЫ ДОЛЖНЫ ПРОДОЛЖАТЬ
ДВИЖЕНИЕ. Я ДАЛ ХАРИСССССС ИНСССТРУКЦИИ
КАСССАТЕЛЬНО ДАЛЬНЕЙШИХ РЕПЕТИЦИЙ. УЖЕ
ОЧЕНЬ ССССКОРО МЫ ВНОВЬ УВИДИМСССЯ ССС ВАМИ.

А ДО ТЕХ ПОР ПОЙТЕ СССС ЧУВССССТВОМ.
ШАГАЙТЕ, ШАГАЙТЕ И ЕЩЕ РАЗ ШАГАЙТЕ ДОРОГОЙ
ИЗ ЖЕЛТОГО КИРПИЧА.

ВАШ РЕЖИСССССССЕР,
ШОН БАПП

Из-за того, что в тексте творится с буквой «с», записка смотрится как-то совсем уж грустно.

Неудивительно, что Харисс не хотела, чтобы я ее увидела.

Может, Шон Барр еще и голову кроме копчика ушиб, так что теперь мучается от сотрясения мозга. Каждый знает, что это дело серьезное — не зря же, если спортсмен столкнется с кем-нибудь на поле, его отправляют на скамью запасных.

А может, причина в том, что Шон Барр принимает сильнодействующие лекарства. На «Ютубе» полно видео с людьми, которые после болеутоляющего становятся сами не свои. Не знаю, можно ли над таким смеяться или это невежливо, но выглядят они очень смешно.

А еще в клавиатуру нашему директору могли попасть крошки, вот буква «с» и подзалипла.

Такое тоже бывает.

Я в прошлом году на клавиатуру маминого компьютера пролила сальсу, и потом очень непросто было текст набирать.

А может, Шон Барр очень волнуется о том, как Харисс справляется, вот и засыпал всё лишними буквами — у нее-то ведь таких в имени аж две! Хотя этот вариант выглядит совсем уже несерьезно — такое разве что бабушка Рукавичка могла придумать.

У нее иногда и дважды два равно пирогу с подливой.

В любом случае радостно, что я раздобыла это письмо. Когда я возвращаюсь домой, оно отправляется прямым в мой альбом. Но потом я просма-

триваю первые четыре страницы этой Книги жизни Джулии (или КЖД, как я ее теперь сокращенно называю) и решаю, что слишком уж сосредоточилась на негативных образах.

Выписываю содержание:

Утрата Рамона (первая страница с шерстью)
Неудача с застёжкой (скверные последствия безобидного удара мягкой вещью)
Молочный зуб, который держался до последнего (отчего я дольше обычного выглядела сушим малышом)
Перчатка санитара после падения Шона Барра (зловещее напоминание об опасности лестниц и музыкальных театров)

Если кто-то заглянет под эту обложку много лет спустя (ну, положим, я стану знаменитой, или же рядом с нашим городом случится извержение вулкана, и все зальет лава, под которой вещи сохранятся нетронутыми на полторы тысячи лет), я совсем не хочу, чтобы этот кто-то решил, что плохое было для меня гораздо интересней хорошего.

Да, после смерти Рамона мне было грустно, но я хочу, чтобы все знали, каким веселым человеком я была.

Мне обязательно надо как-то это показать.

Нужна страница, где будет что-нибудь веселое.

Папа развешивает белье, а мама ушла за покупками.

Обычно после ужина я гуляла с Рамоном, так что, если не уходить далеко, мне и сейчас разрешают отправляться на прогулку без предупреждения.

Я отыскиваю в чулане корзину, беру из кухонного шкафа для разной мелочовки ножницы и отправляюсь вниз по улице к дому миссис Чан.

У нее полон сад цветов.

Я с ней незнакома — у нее вообще на нашей улице нет знакомых, — но это меня не останавливает. Миссис Чан переехала сюда чуть больше года назад, и она сторонится людей. Кое-кто из соседей пытался завязать знакомство, но она предпочитает держаться в стороне. В садах у большинства жителей нашей улицы сплошь унылые кусты, а миссис Чан весь этот год занималась выращиванием удивительной красоты цветов.

Я прохожу по коротенькой дорожке прямо к ее входной двери. Предыдущие хозяева устроили здесь лужайку с газоном, а теперь все запленили цветы. Достаточно один-единственный раз наклониться,

чтобы сгрести целую охапку, но делать так без разрешения нехорошо. К тому же я на таком вечно попадаюсь. В общем, я нажимаю на кнопку звонка и очень надеюсь, что хозяйки нет дома.

Дверь распахивается через две секунды. Передо мной стоит миссис Чан.

Я быстро говорю:

— Вы не против, если я срежу несколько ваших фиалок для гербария?

По моим расчетам миссис Чан не должна знать, что учебный год уже закончился. Она ведь старенькая. Если и были у нее дети, то давно уже выросли. Наверняка даже на календарь смотреть перестала. Впрочем, я ведь не вру — гербарии не только школьные бывают, а я и правда собираюсь эти цветы высушить и вложить себе в альбом.

Она некоторое время молчит (наверное, думает о цветах) и наконец говорит «да». Потом уходит вглубь дома, а спустя несколько минут возвращается с мороженым и протягивает его мне.

Я говорю:

— Спасибо.

А она:

— Я видела, как ты собаку выгуливаешь.

Я бы, может, и сказала, что Рамон умер, да только это дело слишком личное, поэтому просто киваю. Она спрашивает:

— Как тебя зовут?

Тут-то я и подумала — а вдруг мороженое отрав-

лено? Ведь все знают, что нельзя у незнакомых людей брать угощение.

Да только поздно, я уже успела два раза откусить.

Приходится с набитым ртом отвечать (что не слишком-то вежливо):

— Джулия.

Тут миссис Чан с таким видом кивнула, будто всех детей на свете Джулия зовут. Потом наклоняется и спрашивает:

— Как жизнь-то?

Вопрос, прямо сказать, не слишком простой, к тому же я не могу понять — то ли она и правда интересуется, то ли просто из вежливости спрашивает.

Но смотрит она на меня по-серьезному.

Я глотаю, и тут у меня в горле застревает здоровенный холодный ком мороженого. Приходится подождать, пока он растает, а потом я отвечаю:

— Я этим летом буду играть в университетской постановке «Волшебника из страны Оз».

Я совсем не готова к радости, с которой миссис Чан встречает эту новость.

Она громко хлопает и восклицает:

— Ну надо же!

И похоже, ничуть не притворяется. Потом опускается на стоящую у двери скамейку — значит, всерьез собралась со мной беседовать. Такой поворот в мои планы совсем не входил, когда я собиралась сюда за парой-тройкой цветов.

Да только, видимо, у всего есть своя цена — даже

если ты всего-навсего позвонил кому-то в дверь и попросил разрешения сорвать цветок.

Я узнаю, что миссис Чан когда-то была певицей и танцовщицей. Вот только в жизни не сказала бы, что она способна спеть или станцевать. Она рассказывает мне длинную историю про людей и страны, о которых мне в жизни слышать не приходилось. И о круизном лайнере, на котором она, видимо, и пела.

В какой-то момент я перестаю слушать и просто время от времени киваю, полностью сосредоточившись на своем мороженом.

После рассказа о своих друзьях Гилберте и Салливане миссис Чан спрашивает меня:

— А как там у вас с костюмами?

Я даже не понимаю, о чем это она, пока миссис Чан не продолжает:

— Это же наиважнейшая часть любой постановки — костюмы! А в «Волшебнике из страны Оз» с этим есть где развернуться.

Мне-то откуда про костюмы знать? У нас только что режиссер с лестницы рухнул и надолго теперь застрял в больнице (точь-в-точь как неисправная клавиша «С» на клавиатуре).

— Мы только начали, — говорю я. — У меня на счет этого никакой информации нет.

От такого моего ответа миссис Чан прямо-таки пришла в восторг. Как хлопнула себя по коленям, а потом вскинула руки над головой!

Я такого не ожидала и аж отпрыгнула. Никак не думала, что она способна на подобные номера.

— Я что угодно сшить могу! — говорит. — Возьмите меня на постановку волонтером!

Я молчу. Не я ж там главная — даже пою и то, по-моему, хуже всех остальных. Да и танцовщица из меня наверняка никудышная. Только за то, наверное, и взяли, что хоть и маленькая, а цепкая, как бульдожка. Как бы мне и вовсе не оказаться среди тех, кого еще до премьеры из труппы выгонят. Я уже не первый день об этом волнуюсь, даже у Рэнди спрашивала — он-то не боится? А он только рассмеялся. Ясное дело, не боится. Ему вообще все равно, что о нем другие думают, поэтому он не стесняется ходить даже в разных носках.

Наконец говорю:

— Вы мне дайте свой номер телефона, и мама моя перезвонит. Вы с ней обо всем и поговорите.

— Сделаем! — говорит миссис Чан.

Я опять удивилась — что тут делать? Просто дай телефон и дождись, пока моя мама позвонит.

Но она это «сделаем» так радостно сказала, что я прямо улыбнулась.

Миссис Чан кинулась в дом — и когда я говорю «кинулась», то нисколько не преувеличиваю. Прямо-таки побежала, а чуть спустя возвращается с листочком, на котором записан номер, и мне протягивает.

Тут я поняла, что чересчур засиделась, и говорю:

— Мне уже пора, скоро бабушка Рукавичка к нам в гости заедет.

Это я, конечно, соврала, хотя она ведь частенько к нам без звонка приезжает, так что вранье мое может оказаться правдой.

К тому же со стороны лучше выглядит, если от старушки приходится уходить из-за того, что тебя ждет другая такая же.

Я иду домой и только на крыльце понимаю, что никаких цветов для своего альбома так и не нарвала.

Это мороженое меня отвлекло, так что я домой ничего и не принесла, кроме оставшейся от него палочки.

Я впервые в жизни пристально смотрю на такую деревяшку и вдруг понимаю, что она когда-то была частью целого дерева, и дерево это срубили только затем, чтобы какой-то неблагодарный поросенок мог закусить сладким (притом что сладкому и не время сейчас — ужин-то еще не скоро).

Шон Барр сказал, что мы должны отдавать себе отчет во всем, что делаем в этом мире.

Так вот, на деле это куда как сложнее, чем кажется.

Я вклею эту палочку в свой альбом, потому что отчего-то чувствую, что нашу встречу с миссис Чан запомню надолго, а значит, она чем-то важна.

И листок с номером я вместо того, чтобы отдать маме, приклеиваю рядом с палочкой. Так страница будет выглядеть еще лучше, потому что у миссис Чан

очень красивый почерк, и бумагу она использует не-
обычную, розовую.

Маме-то все равно, в каком виде она от меня по-
лучит номер, а я при этом не вру и чужого не заби-
раю.

Ну ладно, может, и вру, потому что обещала мис-
сис Чан отдать номер маме, но я все равно не чув-
ствую, будто делаю что-то плохое, рискуя при этом
вырасти нехорошим человеком.

А если я все же вырасту плохой, то эти палочка с
листочком будут для полицейских первыми уликами
по моему делу.

Позже, когда на улице уже стемнело, раздается
звонок в дверь.

Папа идет открывать, и я вижу на пороге миссис
Чан в зеленом платье до самого пола. Цветов у нее
нет — а было бы очень мило, прихвати она пароч-
ку, чтобы я вклеила их-таки в свой альбом. В руках у
миссис Чан стопка фотографий — я слышу, как она
объясняет, что это гномы. Видимо, у себя дома рас-
печатала, ну или еще где.

Я наблюдаю за происходящим из коридора. Ино-
гда полезно быть невысоким, потому что так ты бли-
же к земле и тебя при мимолетном взгляде заметить
сложно — особенно если еще на колени упасть, как
я сейчас.

Мама тоже выходит к дверям, и мгновение спустя миссис Чан уже сидит в нашей гостиной.

Ну а я по-прежнему прячусь, потому что так и не успела отдать родителям листок с номером телефона.

Я им даже не сказала, что ходила к миссис Чан. И в дополнение ко всему несколько минут назад я благополучно стрескала еще одно мороженое на десерт, а мама моя ой как угощений на стороне не любит.

Я не помню, чтобы мои родители хоть раз с миссис Чан разговаривали. Она ведь гораздо старше, а люди обычно дружат со сверстниками. К тому же она вообще держится особняком (если, конечно, не заявляться к ней на порог с просьбой сорвать парочку цветов). Родители мои по нашей улице только на машинах и ездят, так что они, наверное, не видели ни разу, как миссис Чан сажает свои цветы.

Я стою в коридоре и напряженно вслушиваюсь: оказывается, миссис Чан хочет сшить для меня костюм гнома, чтобы я в нем репетировала и все увидели, на что она способна.

Идея — ужас.

Я все жду, когда мама скажет, что это пропащий план и вообще стыда не оберешься, а она вдруг возьми да и заяви:

— Как же это великодушно с вашей стороны!

Великодушно? Да разве ей решать?!

Это ведь университет все устраивает, и ради на-

шей постановки такие люди, как Шон Барр, из самого Пиджен-Фордж приехали. И актриса, которая будет играть Дороти, вот-вот явится, а ей за участие в постановке даже будут платить деньги! Не можем же мы каким-то милым соседским старушкам в зеленых платьях разрешать шить неизвестно что по домам и напаяливать на детей! Мы же учимся профессионально играть!

Я уйду в ванную и запираю за собой дверь.

Уже очень скоро из-за нее раздастся мамин голос:

— Джулия, выйди поздороваться с миссис Чан.

— Не могу, — буркаю в ответ. — Я занята.

Я опускаюсь на плитки пола и неподвижно сижу так где-то с час.

Когда я наконец-то выхожу, миссис Чан в нашем доме уже нет.

Но и моих любимых белых брюк в нем тоже нет, и красной рубашки, и новенькой пары коричневых туфель! Мама попросту взяла и отдала все эти дорогостоящие и ценные для меня вещи едва знакомой старушенции.

Есть слово, которое отлично описывает всю эту ситуацию, и слово это — «беспредел». Хотя и мои чувства оно тоже описывает замечательно, потому что сейчас моему гневу нет пределов.

Да я просто вне себя!

Мы с мамой стоим в моей спальне перед распахнутыми дверцами платяного шкафа. А дальше происходит вот что.

Я кричу:

— Ты ей мои белые брюки отдала?!

— Джулия, ничего я не отдавала. Миссис Чан просто одолжила твою одежду, чтобы снять мерку.

— Да ты ее даже не знаешь! Я теперь никогда больше своих брюк не увижу!

— Не глупи. Очень даже милая женщина. Мечтает костюм тебе сшить.

— Ее никто не просил! В театре есть собственные специалисты, которые будут шить костюмы гномам!

Я с удивлением слышу в своем голосе мощные нотки, напоминающие мне о Шоне Барре, и это удивительно, ведь до падения мы с ним едва неделю успели пообщаться. Выходит, у меня получается подражать чужим голосам!

— Миссис Чан очень славная женщина, которая решила оказать нам услугу, а вот твое отношение к ней и неприятно, и непонятно!

Мама делает шаг к двери. По выражению ее лица я понимаю, что разговор окончен. В следующий момент она уже уходит по коридору в сторону своего кабинета.

Я остаюсь на месте.

Рэнди просовывает голову в дверь моей комнаты и шепчет:

— Ну сделает тебе старушка костюм — что тут такого?

Я даже не отвечаю.

Ну почему мой брат не может быть моделью для миссис Чан?

Он до пяти лет каждый божий день натягивал на себя плащ-накидку, пока воспитатель в детском саду ее не снял и не спрятал. Три месяца назад Рэнди купил на гаражной распродаже цилиндр и постоянно напяливает его, чтобы тренироваться в фокусах. Да, пока еще ни одного не разучил, но в любом случае из него гном в сто раз правдоподобней получится, чем из меня.

Вот пусть он и напяливает на себя самодельный костюм и расхаживает в нем, будто завтра Хеллоуин!

Следующим утром я просыпаюсь поздно, а потом спускаюсь на кухню, чтобы допить оставшийся после папы кофе.

Родители и слышать не хотят о том, чтобы дети пили кофе, так что я, конечно же, просто обязана была его попробовать — ну и занимаюсь этим уже больше года. Сейчас-то я его полюбила, а вначале кофе мне казался горьким, как лекарство, от которого к тому же и зубы желтеют.

То, что кофе замедляет рост, — враки. Я этот вопрос хорошенько в интернете изучила и никаких доказательств не нашла. Пайпер сказала, что у взрослых бывает кофейный перегар, и этот запах хуже, чем от кошачьего туалета. Я не хочу, чтобы у меня изо рта несло кошками, и потому добавляю в кофе как можно больше молока.

Сажу у окна с чашкой холодного кофе с молоком и думаю о тех танцевальных па, что мы разучивали вместе с Шоном Барром.

Маме пришлось отлучиться на работу и за старшего она оставила Тима. А ему до нас и дела никакого нет — лишь бы он сам не влип с нами в неприятности.

Будь здесь Рамон, я бы пошла с ним на прогулку. Он точно был бы рад — Рамон обожал вырываться в огромный мир и носиться там за белками, пытаюсь извести весь их род с лица земли и обнюхивая между делом каждое встречное дерево, куст или фонарь.

В конце концов я решаю притвориться, что он по-прежнему здесь, и пройти по улице.

Думаю взять с собой поводок, но передумываю: я буду выглядеть слишком странно с волочащимся вслед за мной по асфальту ошейником. Лишнего внимания мне не надо, так что я просто скручиваю ошейник и кладу в карман. Вещь эта достаточно громоздкая, и стоило бы ее оставить дома, но мне очень уж хочется представить, что нас двое.

Едва оказавшись за порогом, я начинаю напевать слова песни из спектакля — так, для практики. Мне кажется, что пою я тихо, но, видимо, это только кажется. По крайней мере у дома миссис Чан мне точно стоило бы перейти на другую сторону улицы, потому что едва я равняюсь с дверью, она немедленно распахивается.

— Твои гномьи башмачки готовы! — кричит миссис Чан.

Я опускаю взгляд на свои ноги. На них кроссовки. Прошла одна-единственная ночь и чуть-чуть дня, а она уже башмаки сшила?

Миссис Чан поспешно пересекает свой сад по коротенькой дорожке и распахивает калитку:

— Идем-идем — посмотрим, как они тебе.

Я не хочу идти к ней в дом. Да и потом, как она умудрилась так быстро башмаки соорудить? Мы же не во времена Римской империи живем.

Миссис Чан, конечно, не знает, что в школе я делала доклад о сандалиях, которые нашли в пещере Форт-Рок, — так вот, это были всего лишь примитивные «мешки для ног», сшитые из медвежьей шкуры. Хотя я тот доклад делала не слишком-то старательно да и детали запомнила плохо. А может, просто дома у миссис Чан есть пластмассовые колодки и все остальные нужные инструменты, потому что представить ее охотящейся на медведя я попросту не могу.

А в следующий миг я уже захожу в дом миссис Чан.

И внутри все оказывается совсем не таким, как я ожидала.

На самом-то деле я особо и не задумывалась, как здесь все должно быть, но если бы попробовала представить, то наверняка бы решила, что внутри все увешано картинками с цветами. В саду их у нее так много, что это вполне может быть чем-то вроде мании, которая способна захватить человека с головой, если уделять слишком много внимания чему-то одному. Вон, бабушка Рукавичка говорит, что «Доджерс» ей принесли сердечной боли никак не меньше, чем радости, но такова уж судьба спортивного фаната. И кепок со свитерами этих самых «Доджерс» у нее

дома куда как больше, чем у нормального человека, потому что она этой командой буквально болеет.

Но внутри дома миссис Чан нет ни одной картинки с цветами. Тут все гораздо интересней.

Во-первых, коллекция кукол.

До сегодняшнего дня любые куклы казались мне глупыми. В коллекции миссис Чан нет ни одного человека, только животные. Например, кот в красном платье или курица в резиновых сапогах. Уйма самых разных собак — одни в человеческой одежде, а другие с невероятно похожей на настоящую шерстью и причудливыми выражениями морд. Очень много птиц, включая здорового фламинго со стеклянными глазами, которые и не отличишь от настоящих.

Но стена с куклами — только начало.

Я иду за миссис Чан в гостиную с деревянным полом, и каждая половица тут цветом отличается от соседней. А с потолка свисает больше люстр, чем есть во всем нашем доме. Здесь стоят оранжевый диван и целый выводок мятно-зеленых стульев, которые обступили столик, сделанный из столовых приборов. Как будто все вилки и ложки нашего города сбежались сюда, чтобы потеснее прижаться друг к другу и соорудить эту причудливую штуку. Будь в доме младенец, такой столик мог бы оказаться даже опасным — тут одного неловкого движения хватит, чтобы отправить малыша прямиком на больничную койку.

Я больше не могу сдерживаться и выпаливаю:

— Что тут у вас вообще творится?

Миссис Чан просто пожимает плечами.

И все. Ни единого словечка.

А я-то считала ее скучной старушенцией, которая все свое время тратит на цветы!

Но, прежде чем я успеваю задать чуть более конкретный вопрос про кукол, мебель или сделанного из пуговиц бизона в натуральную величину, что виден в соседней комнате, миссис Чан исчезает в коридоре.

Возвращается она с башмаками.

И это вовсе не обычная обувь.

Они сделаны из кожи и какой-то странной огненно-оранжевой и ярко-ярко-голубой ткани, напоминающей атласные ленты и закрученной на носках башмаков в тугие кольца.

И мне уже все равно — подойдут они мне или нет.

И пускай у меня от них мозоли вздуются или большой палец изогнется вбок (бабушка Рукавичка как-то рассказала мне, что именно это произошло с ней в детстве из-за скверной обуви, которую она носила в лютые морозы).

Я хочу схватить эти башмаки и не просто надеть их, нет — я их хочу к себе прижать.

Смотрю на них, чувствуя, как глаза застилают слезы, и с трудом различаю миссис Чан.

— Вы это для меня сделали?

Она буднично кивает, будто в этом нет ничегошеньки необычного. И все же миссис Чан довольна — я вижу это по тому, как, усевшись на свой

оранжевый диван, она торжественно разглаживает складки на юбке.

Я подхожу ближе:

— Вы, наверное, знаменитость — художник или что-то вроде, да?

Она смеется, а потом отвечает:

— Ну я как-то встречалась с парнем из «Битлз», было дело. Я тогда совсем молоденькая была. Это еще до Айвана.

Я знаю, что «Битлз» — это такая вся из себя важная музыкальная группа, которая заставила мир в корне пересмотреть подход к прическам. Они пели очень даже приличные песни, потому что их и сейчас можно слушать и не особо-то ругаться. Если ты в те времена родился, у тебя обязательно был свой любимый «бита».

Но удивительно другое — что миссис Чан с одним из них встречалась.

Я ее вообще на свидании представить не могу. Впрочем, ее любовные похождения меня мало заботят — в эту минуту я схожу с ума по ее башмакам.

Шлепаюсь на пол, стаскиваю кроссовки и аккуратно продеваю ногу в левый башмак. Потом поднимаю взгляд на миссис Чан и лишь с огромным трудом умудряюсь сдержать рвущийся из меня торжествующий вопль: «Подходит!»

Со вторым башмаком я церемонюсь меньше — резко натягиваю его и тут же вскакиваю на ноги.

И вот оно — в эту самую минуту я понимаю, что стала гномом.

Самым что ни на есть настоящим гномом.

Я хватаю миссис Чан за руку, сдергиваю ее с оранжевого дивана и начинаю прыгать вокруг, горланя какую-то песню.

Но и она, как выясняется, способна танцевать не хуже и, закрутившись вдруг на одном месте, изящно скидывает руку кверху.

Мы поем и пляшем до тех пор, пока я окончательно не выдыхаюсь и не понимаю, борясь с накатившим головокружением, что мне уже давно пора домой.

Мама, папа и Рэнди в восторге от моих башмаков. А Тим при виде них всего лишь пожимает плечами, но это потому, что он сейчас, как говорят родители, в «сложном возрасте». Не знаю, правда, кому сложнее — ему этот возраст преодолевать или нам с ним таким жить. Ему вполне хватает гитары с рисунками, ну а мы вроде как просто соседи по обеденному столу.

Мама часто говорит, что благодаря двум братьям я с самого детства получаю ценнейший опыт в плане отношений с мужчинами. Я в таких случаях предпочитаю не развивать тему, потому что в будущем человек должен смотреть с надеждой, а не отчаянием.

Не могу дождаться первой репетиции в своих новых гномьих башмаках. А самое замечательное, что в качестве основы для них многомудрая миссис Чан взяла балетки. Она узнала мой размер по тем коричневым туфлям, что забрала у меня из шкафа, и купила балетные тапочки, которые и стали, как она выразилась, «основой всех трудов».

Миссис Чан объяснила мне, что любое дело лучше пойдет, когда есть, от чего оттолкнуться.

Это, наверное, вроде секрета, потому что она понизила голос до шепота, когда мне это говорила.

Вроде того как, когда спагетти готовишь, берешь в магазине готовый соус, а в него уже сыплешь свои травы и вино по вкусу подбираешь. Мама так всегда делает. Но я ее про хитрости в готовке не расспрашиваю, потому что у нее и без того полно хлопот с работой. К тому же, если я чересчур начну всем этим интересоваться, того и гляди сама перед плитой окажусь и буду всей семье ужин готовить.

Пайпер, моя подруга, именно этим и занимается, потому что ее мама с утра до ночи работает в аэропорту и дома практически не появляется. Папа наш по большому счету только уже готовую еду может разогреть, ну или пожарить мясо. Мама говорит, что в делах, которые касаются еды, он к нам будто бы из другого времени попал. Наверное, она имеет в виду пещерных людей, потому что папа очень любит жарить на огне мясо.

Думаю, Рэнди тоже не прочь заполучить пару гномьих башмаков. Но миссис Чан про него ни разу не вспомнила, так что у меня теперь такое чувство, будто у нас с ней особые отношения.

Кроме того, она ведь занимается всем остальным моим костюмом. И вот два дня спустя она звонит маме и говорит, что мне надо прийти на примерку колпака.

Надо признаться, я этого звонка дожидаться не могла. Спешно отправляюсь к миссис Чан, держа

под мышкой свои гномьи башмаки (они слишком хороши для того, чтобы по асфальту разгуливать).

Даже не помню, когда я в последний раз испытывала столько эмоций. Миссис Чан встречает меня в дверях, в руках у нее большая коробка.

Без всяких слов ясно, что внутри — мой новенький гномий колпак.

Мы идем на кухню. Я здесь впервые, и тут все так же невероятно, как и во всем остальном доме. Похоже, миссис Чан занимается здесь чем-то связанным со своими цветами. Всюду видны связки каких-то травок, причем, судя по всему, непростых — иначе зачем подвешивать их вверх тормашками на пересекающий потолок золотой шнур?

Я бы обо всем этом ее расспросила, да только сейчас слишком занята своим костюмом и поэтому делаю вид, будто свисающие с потолка паукообразные стебли и сухие листья можно найти в каждой кухне.

— Джулия, тебе предстоит много двигаться, и я хочу, чтобы ты чувствовала себя комфортно. Как наденешь, пробегись по кухне — хочу посмотреть, как держится.

Сердце так и трепыхается, я изо всех сил сдерживаюсь, чтобы не захихикать или не запрыгать на одной ножке.

А потом миссис Чан вытаскивает из коробки... горшок с торчащим из него кустом.

Видать, я все же грубиянка, потому что не сдерживаюсь и спрашиваю ее в лоб:

— Где мой колпак?

Нет, я посмеяться люблю, но только за компанию, а вот когда надо мной смеются — это увольте.

Не знаю, что тут творится, но только мне точно не смешно.

А потом миссис Чан поднимает горшок, и я вижу прикрепленную к нему снизу резинку. Она вручает всю эту штуку мне, и, как бабушка Рукавичка любит говорить, когда очень удивляется, — «забодай меня комар!»

Выходит, растение не из настоящего глиняного горшка торчит, а из какой-то очень похожей на него пустой штуки без дна. Притом вся эта конструкция настолько легкая, что я почти не чувствую ее в руках. Цветы сделаны из шелка или какой-то другой ткани и невероятно похожи на настоящие.

Я все еще не понимаю, что тут происходит, и тогда миссис Чан протягивает мне фотографию. На ней изображен гном из фильма «Волшебник из страны Оз», и на голове у него горшок с цветком.

Так вот оно что.

Нет, миссис Чан выбрала не лучший способ демонстрации своего произведения. Если бы она сперва показала мне эту фотографию, я бы сразу поняла, что к чему. Я надеваю фальшивый горшок себе на голову и чувствую, что на голове у меня самый настоящий колпак.

Потом в качестве испытания бегаю по кухне, как и просила миссис Чан, после чего отправляюсь

к задней двери дома, где висит зеркало, и окидываю себя взглядом:

— Вот это да!

Похоже, миссис Чан знала все наперед, потому что при моем возгласе у нее на лице появляется не радостно-удивленная, а спокойная и уверенная улыбка.

Следующим номером я принимаюсь раскатывать по скользкому полу кухни в своих гномьих башмаках, а миссис Чан фотографирует меня на телефон. После этого мы рассматриваем снимки, но думаем при этом, наверное, совсем о разном. Миссис Чан, должно быть, чувствует спокойное удовлетворение при мысли, что может сделать практически все что угодно.

А я думаю о том, что эта маленькая женщина стоит целой швейной фабрики и что мне невероятно повезло с ней повстречаться. Потом мы пьем чай из крошечных зеленых чашечек и едим медовую карамель с кунжутом.

Миссис Чан прячет мой колпак в коробку и отдает ее мне. Башмаки я засовываю туда же.

Домой я не иду, а бегу, потому что мне не терпится поскорее спрятать колпак с башмаками у себя в комнате.

Про него я решаю никому не рассказывать.

Похоже, я потихоньку учусь хранить секреты, а значит, и взрослею. Хотя взрослые тоже разные бывают — одни готовы все всем рассказать, а другие

держат язык за зубами. У меня самой всегда было много такого, что я никому не стану рассказывать.

Дело потихоньку начинает идти к вечеру, мама возвращается с работы и готовится везти нас на наши «театральные занятия». Лучше бы, конечно, она это репетицией называла, как Шон Барр говорит.

Мы ведь репетируем.

Да только мама далека от профессионального театра, поэтому и говорит неправильно.

Мама и Рэнди даже не спрашивают меня ни о чем, когда я залезаю в машину с коробкой в руках. Мама обсуждает с кем-то по громкой связи разновидности древесной щепки, которой обычно засыпают двор. Некоторые думают, мол, что достаточно просто ее на землю высыпать, и ни один сорняк не прорастет. Неправильно думают. Мама говорит, что все только и делают, что ищут легкие пути. Когда машина подъезжает к тротуару и нам с Рэнди пора вылезать, мама по-прежнему разговаривает по телефону.

Я все время в машине то скрещивала, то разводила пальцы, чтобы загадать желание. Я, конечно, уже слишком взрослая, чтобы в это верить, но хуже-то все равно никому не будет.

В театре нас ждет невероятный сюрприз — Шон Барр вернулся!

Он лежит на чем-то вроде столика для пикника с кучей подушек. Я подбегаю к нему по проходу между креслами и выпаливаю:

— Сбылось мое желание!

А он только вяло так, совсем без выражения, на меня глянул.

Видать, совсем недавно принял свое лекарство от боли в копчике, потому что спрашивает меня:

— Готов мой сэндвич с говядиной?

Я покачала головой, а у него на лице разочарование. Думал, наверное, что я курьер, раз коробка в руках.

Я это поняла и говорю:

— Я тут кое-что для костюма принесла. Это одна женщина сделала, которая с парнем из «Битлз» встречалась.

Понятия не имею, зачем я это добавила, а Шон Барр сморгнул и спрашивает:

— Это с каким же?

А мне и сказать нечего, потому что будет неправильно, если я наобум ляпну: «Ринго». Это единственный из «Битлз», кого я запомнила, потому что имя интересное и еще потому что точно так же зовут бигля, который носится во дворе дома на Мосс-стрит.

В общем, я отвечать не стала, а вместо этого открываю коробку, вытаскиваю башмаки и на ноги натягиваю. Потом аккуратно вытащила свой горшок и на голову надела.

Остальные гномы, кто уже пришел, стоят и смотрят на меня.

Слышу, как кто-то говорит:

— Откуда это у нее?

Я наклоняюсь над Шоном Барром, чтобы он лучше мог меня разглядеть.

И он меня не разочаровывает.

Поднимается на пару сантиметров над своим столиком да как гаркнет:

— БЛЕСК!

Тут уж не передать, как я обрадовалась, потому что мое желание полностью сбылось. Первой его частью было, чтобы наш режиссер вернулся, а второй — чтобы ему понравились мои башмаки с колпаком.

А он кричит:

— Харисс! Иди сюда!

Харисс стояла у кулис, есть такое место на задках сцены. С виду унылая — потому, наверное, что больше здесь не главная.

— Иду, Шон...

— Ты только посмотри на это! Быстренько разведай, что к чему. Это ж Адрианов покрой!

Я понятия не имею, о чем он, и говорю:

— Это не Адриан никакой, а миссис Чан сделала.

Тогда Шон Барр и говорит:

— Костюмы для фильма тридцать девятого года Адриан Гринберг делал.

Я на это только и смогла, что «О!» выдать.

Потом Шон Барр обводит всех остальных гномов взглядом. Ну и я вслед за ним — вижу, что Олив и Квинси с Ларри только что вошли. Шон Барр говорит:

— Вы все это имя должны хорошенько запомнить — Адриан Гринберг.

Я говорю:

— Запомним, а как же. И еще одно запомнить нужно — миссис Чан.

Тут Шон Барр рассмеялся, ну и я вместе с ним.

Ему уже, наверное, легче, потому что еще чуть выше на локтях приподнимается и спрашивает меня негромко:

— Как, говоришь, тебя зовут?

— Джулия, — в ответ шепчу, — Джулия Маркс.

Тут его голос снова становится громким:

— Джулия Маркс к своему участию в нашей постановке отнеслась серьезно. Она по-настоящему хочет стать гномом! Джулия проявила инициативу! Инициатор — вот она кто!

Тут уж мне совсем приятно стало оттого, что Шон Барр мною по-настоящему гордится. Это ж был его первый день на сцене после того падения, и все могло начаться совсем не так бодро, если бы я не принесла башмаки с колпаком.

Правда, была еще мысль, что это он от лекарства своего такой веселый.

Хотя какая разница — по большому-то счету?

А Шон Барр продолжает:

— Я хочу поговорить с вами про инициативу, потому что считаю это очень и очень важным. Джулия не просто пришла сюда к назначенному часу, а решила проявить инициативу. Я много чего повидал,

ребята, и вот что вам скажу: инициатива важнее, чем талант, удача или костюм с иголки.

Я все это время, конечно, улыбаюсь, но Шон Барр так много раз слово «инициатива» произнес, что оно меня уже начинает раздражать.

Не проявляла я никакой инициативы.

Просто к старушке за цветами решила сходить. А вот уж она-то еще как инициативу проявила, это да. Сама я всего лишь хотела пару фиалок срезать да засушить, причем даже этого не сделала из-за того, что отвлеклась на мороженое.

А теперь меня ни с того ни с сего решили сделать выдающимся примером для подражания.

Я гляжу на Рэнди. Он стоит с компашкой мальчиков у пианино и машет мне, поймав мой взгляд. А сам аж светится от гордости. Я снова на Шона Барра взгляд перевожу. Он хоть и лежит, но еще сильнее на локтях приподнялся — совсем, видать, раздухарился.

— Я, — говорит, — чтобы достойно отметить инициативу Джулии, принимаю такое решение — отныне она будет ведущей танцовщицей в труппе гномов.

Я так и обмираю.

Ведущей танцовщицей?

Может, ослышалась?

Что это вообще значит?

Петь я, положим, не умею — но танцую-то и того хуже!

Мама в шесть лет отправила меня в балетную секцию, и ничем хорошим это не закончилось. Бабушка Рукавичка не раз говорила, что в нашей семье плохо умеют держать равновесие. И не зря говорила — я до сих пор даже кувырок через голову нормально сделать не могу. Да и никогда уже не сделаю, знаю это и смирилась. Ну не получается у меня с ног на голову вставать.

У меня от той балетной секции и в памяти-то ничего не осталось. Только в одном из альбомов есть фотография, где я перед камерой стою в единственной балетке на ноге и с рукой во рту — вроде как собственные пальцы пожевать решила.

И там же — целых пять фотографий Тима в секции карате, а он в нее только восемь недель проходил. Я же таскала розовую пачку целый год.

И тут у меня в ушах начинает бухать кровь.

Если бы я и правда была способна проявить инициативу, то прямо сейчас сказала бы Шону Барру, что делать меня ведущей танцовщицей — скверная идея. Но вместо этого у меня лицо будто каменеет. Губы так сильно растягиваются, что видно зубы, и не моргаю совсем. Рамон всегда так делал, когда кто-нибудь при нем говорил: «А пса-то нашего купать пора».

Когда мама за нами приезжает, я ей ни слова не говорю.

Молча распахиваю дверь и ставлю на заднее сиденье коробку с колпаком и башмаками. Я обычно езжу на переднем, потому что Рэнди младше меня, и еще потому что сзади на обивке до сих пор осталась шерсть Рамона, которая может пристать к моей одежде. Хоть он и был лучшим псом в мире, но, когда весь свитер в шерсти, симпатичнее ты от этого не становишься.

А сегодня мне хочется спрятаться, так что я сажусь назад и устраиваюсь за водительским сиденьем. Глядя на это, Рэнди только пожимает плечами и садится вперед.

Мама оборачивается:

— Что стряслось?

Я молчу.

Тут Рэнди встречается:

— Она теперь ведущая танцовщица. Ее режиссер назначил.

Я головы не поднимаю, но по маминому голосу слышу, как она обрадовалась.

— Ведущей? Да ты что!

Я молчу.

А Рэнди знай языком чешет:

— Джулия инициативу проявила. Режиссер сказал, что того же самого от всех нас хочет. А она, мол, без подсказок догадалась. Мам, а что такое инициатива?

Тут и у меня голос наконец-то прорезывается:

— Давайте мы домой уже поедem.

Мама прямо места не находит от радости, что я стала ведущей танцовщицей. Всю дорогу домой только об этом и говорит. А я стараюсь ее не слушать. Закрываю глаза и изо всех сил пытаюсь сообразить, как же мне теперь быть ведущей танцовщицей, если я вообще не умею танцевать.

Шон Барр в тот день на репетиции пробыл не слишком долго. Его почти сразу забрали два парня из университетской команды волонтеров. Просто подняли столик с нашим режиссером и вынесли из зала.

Харисс опять осталась за главную, и мы снова наши песни распевали писклявыми голосками. А в конце она сказала, что в среду на репетицию придут Дороти и колдуньи.

Я о них раньше не особо и задумывалась, а вот Олив с остальными гномами ждут не дождутся, когда можно будет посмотреть на новеньких.

Но мне не до того — все мысли только о том, какая же из меня получится ведущая танцовщица.

Интересно только, колдуньи страшные будут или нет?

Хотя этого никто еще не знает.

Да и какая сейчас разница?

Когда мы добираемся до дома, я иду в свою комнату и убираю коробку в чулан. Теперь я даже смотреть не могу на эти башмаки с колпаком. Они — живое напоминание о том, в какую лужу я села по вине миссис Чан.

Я говорю маме, что у меня болит горло, так что я сегодня лягу пораньше. Даже ужинать не спускаюсь. Зря, конечно, потому что правильное питание очень важно для роста, и я таким поведением сильно уменьшаю свои шансы хоть когда-нибудь вырасти.

К тому же от голода у меня начинает болеть живот.

Когда я просыпаюсь, за окном светит солнышко, но только легче мне от этого не становится.

Наоборот — только хуже.

А потом я вспоминаю, что в театре нам раздали листочки с именами и телефонами всех, кто участвует в постановке. Если кто-то и может мне помочь, то только Олив.

Я иду на кухню и звоню ей.

— Олив, это я, Джулия Маркс. Ну, из «Волшебника из страны Оз». Ты ведь меня помнишь?

— Джулия! Не говори глупостей — помню, конечно же!

Судя по голосу, настроение у нее хорошее. Еще бы — ведь не ее назначили ведущей танцовщицей.

— Олив, я решила отказаться от роли гнома и хотела с тобой об этом поговорить.

Это предложение я прочитала с листка бумаги, потому что уже не раз так бывало: хочу сказать что-то, а как до дела доходит — все мигом забываю.

И тут я слышу, как Олив аж задохнулась:

— Что?

Следующее предложение я на бумаге не записывала, так что выпалила его по памяти:

— Я очень занята, потому что мне надо писать письма подругам, Пайпер и Кайли, а еще очень большой список книг на лето задали, а я ужасно медленно читаю, к тому же еще новую прическу к школе хочу сделать, а этим вопросом уже сейчас надо начинать заниматься.

— Ясно, — говорит Олив, — а твои родители как к этому относятся?

— Я им не говорила еще, но они наверняка поймут. Папа так точно. Ему музыкальный театр совсем неинтересен — не то что маме. У нее даже клоунский костюм есть.

— Джулия, может, встретимся и все обсудим?

И тут я чувствую, что вот-вот заплачу. Но все же выдавливаю:

— Не знаю...

— Давай сейчас встретимся в «Дель Хофс»?

«Дель Хофс» — это такое кафе-мороженое, но и пиво с вином там тоже продают, потому что оно совсем рядом с университетом. Но я в «Дель Хофс», конечно, только за мороженым хожу.

— У меня куча дел. Я еще в комнате у себя хотела убраться...

И вовсе я ничего такого делать не собиралась. Просто мне это показалось хорошим оправданием. Взрослые любят, когда дети убираются.

— Я буду в «Дель Хофс» ровно в одиннадцать. Жду тебя там, Джулия.

Я едва слышно говорю «ладно» и опускаю трубку.

Потом закрываю глаза и, немного посидев в темноте и тишине, решаю, что у Олив найдутся для меня ответы. Она ведь член нашей труппы. Театральной труппы! Это тебе не кружок какой-нибудь, мы готовим настоящий профессиональный спектакль. Значит, через пару часов я выложу все Олив, и она поможет мне найти выход из всей этой ситуации.

Маме я говорю, что схожу к миссис Чан.

За эту ложь мне совсем не стыдно, потому что именно из-за мамы, заставившей меня идти на прослушивание, заварилась вся эта каша. Хотя даже не знаю, почему бы мне просто не сказать, что я иду повидаться с Олив? Вряд ли мама стала бы возражать. На мгновение задумываюсь, не взять ли велосипед, но потом отказываюсь от этой мысли — очень уж не люблю тащить его в горку. Мое бремя и без того сейчас велико.

Так бабушка Рукавичка иногда про людей говорит: «Их бремя и без того велико». Не знаю, зачем она это говорит, но сейчас мне эта фраза кажется очень подходящей.

Натягиваю свою блузку-крестьянку, джинсовые шорты и кожаные сандалии. Я уже заметила, что эта одежда становится моей постоянной, и скоро придется подыскивать что-то новое. Расту я медленно и поэтому сильно привязываюсь к одежде, почти ее не меняю, так что, наверное, уже стала похожа на какого-то мультперсонажа. Сама я такого бы не придумала — это папа мне как-то сказал: «В мультиках герои вечно одну и ту же одежду носят». Он имел в виду Барта Симпсона с его красной футболкой. А потом сказал, что у меня похожая ситуация с моим зеленым свитером. Я с тех пор его больше ни разу не надела.

Порой взрослые изо всех сил пытаются показать, что быть непохожим на других — это просто замечательно. Но если ты такой и есть, то почти сразу начинаешь чувствовать в них тайное недовольство.

Не думаю, что мой папа будет рад, если его дочка будет каждый день носить одну и ту же одежду.

По пути к «Дель Хофс» мне придется сделать изрядный крюк, потому что я не хочу показываться рядом с домом миссис Чан. Наверняка шьет мне сейчас что-нибудь удивительное, и, хотя правильнее было бы сразу ей сказать, что я ухожу из постановки, лучше я это сделаю после встречи с Олив. Горшок с башмаками и все остальное, что там миссис Чан еще сделает, и на Олив будут прекрасно смотреться.

Я прихожу в «Дель Хофс» за десять минут до назначенного времени, но Олив уже на месте.

Она сидит за маленьким столиком на уличной веранде, и я замечаю, что прохожие на нее глазят. Они это стараются делать незаметно, но я все отлично вижу.

От такого у меня перехватывает горло.

Я всем и каждому готова рассказать, что Олив — невероятно талантливая певица и танцовщица, что это попросту удивительная женщина, которая нисколько не растерялась, когда Шон Барр свалился с лестницы, и в музыкальных номерах она просто замечательный партнер.

Мне хочется в голос заорать: «ХВАТИТ УЖЕ ПЯЛИТЬСЯ НА ОЛИВ, БУДТО С НЕЙ ЧТО-ТО НЕ ТАК!»

Но я молчу.

И чувствую, как у меня вспыхивает лицо. Обычно такое случается, только когда я злюсь или мне очень стыдно. А сейчас, кажется, я одновременно чувствую и злость, и стыд.

Подхожу к столику, сажусь и не без труда выдавливаю:

— Привет, Олив. Спасибо, что пришла.

В ответ она только улыбается.

Потом приспускает свои солнечные очки и спрашивает:

— Мороженого хочешь? Я угощаю.

У меня с собой всего доллар семьдесят два — больше в кошельке ни цента. Хотела бы я сама купить два мороженных, да только не выйдет.

Мы заходим и берем две сахарных рожка с миндальным мороженым под шоколадной помадкой. По-моему, отличное сочетание — а еще больше я полюбила его с тех пор, как начала допивать остывший родительский кофе.

Потом возвращаемся на веранду, но я прохожу мимо столика у входа и иду к скамейке под самой стеной здания, которая спряталась в тени деревьев. Я не то чтобы убегая от кого-то — просто не хочу, чтобы на нас глазели.

Когда мы усаживаемся, Олив говорит:

— А мне все равно, что на меня смотрят.

Похоже, раскусила меня, но я все равно продолжаю притворяться:

— Да просто тут тенек. К тому же я крем от загара взять забыла.

Олив кивает, хотя наверняка все поняла.

Я думаю о том, что сейчас она будет говорить мне про целеустремленность и как важно суметь понять, чего именно хочет от нас Шон Барр. Скажет еще, наверное, что очень важно быть смелой и суметь отыскать в себе скрытые силы.

Я принимаюсь за свое мороженое и успеваю съесть его до последнего кусочка, а Олив по-прежнему молчит. Ни словечка ни проронила.

Доедает свое мороженое, встает и говорит:

— Увидимся на репетиции, Джулия.

Это не приказание и не вопрос.

Что-то само собой разумеющееся.

Просто факт.

Она встретится со мной на репетиции.

Олив склоняет голову к плечу, на миг закрыв от меня палящее солнце, а потом улыбается, разворачивается и уходит.

В моей голове проносятся тысячи вариантов ответа, а потом я сама себя удивляю:

— Ладно, — говорю, — увидимся на репетиции.

По пути домой я изо всех сил пытаюсь сообразить, что же такое произошло. Видимо, она в меня верит — и показала это, пригласив вместе съесть по мороженому.

Может, иногда и говорить ничего не надо, чтобы тебя лучше слышали.

Ведь это была самая громкая тишина, которую я слышала в жизни.

Я хочу, чтобы в моем альбоме осталось яркое напоминание об этом утре, и поэтому дома первым делом достаю из буфета банку оливок. Открываю ее, высыпаю все оливки в миску и убираю в холодильник (съев перед этим штук семь). Потом снимаю с банки этикету и отправляю жестянку в урну. На этикетке напечатано:

ЧЕРНЫЕ ОЛИВКИ БЕЗ КОСТОЧЕК — СУПЕРБОЛЬШИЕ

Я нахожу ножницы, отрезаю кусочки бумаги со словами «черные», «без косточек» и буквами «ки» и «ие», а потом подрисовываю буквы «ая». Получается вот что:

ОЛИВ — СУПЕРБОЛЬШАЯ

И это не шутка.

Я именно так сейчас чувствую.

Хоть роста Олив и невысокого, но в моей жизни она теперь занимает огромное место.

Я вклеиваю кусочки этикетки в свой альбом и ря-

дом красной ручкой вывожу дату. Жаль, что не додумалась прихватить из «Дель Хофс» салфетку или бумажный стаканчик — получилось бы еще памятной.

Но приходится работать с тем, что есть.

Миссис Вэнсил весь прошлый год нас этому учила. Она сказала, что решение любой задачи (по крайней мере, частичное) можно отыскать не далее чем в радиусе шести метров от себя.

Пускай и не лучшее из возможных, но все же.

Вряд ли это справедливо для любой ситуации — ну, например, если ты на космическом корабле и у тебя заканчивается кислород (а мне такой кошмар часто снится), или же застрял на нижней палубе «Титаника» в момент столкновения с айсбергом. И все же я понимаю мысль, которую миссис Вэнсил хотела до нас донести. Если хорошенько поглядеть, то порой все необходимое можно отыскать в собственном кухонном шкафу.

Два часа спустя я отправляюсь на репетицию.

Хоть и волнуюсь, но в машине стараюсь сидеть прямо, чтобы мама не стала задавать лишних вопросов. Я сразу включила радио, как будто мне очень хочется послушать музыку. Все равно сейчас ни о чем не смогу разговаривать, к тому же у меня ведь вроде как болело горло.

С помощью радио можно заглушить свои переживания не только в машине. Я думаю, что и в магазинах, ресторанах и даже в лифтах музыка играет для того же самого, она там вроде мягкой подушки.

Лучше бы и в школе учитель иногда вместо своих лекций включал приятную музыку. Чтобы гитара играла и барабаны тихонько постукивали в такт.

Да хотя бы во время математики. Лично мне это очень помогло бы разобраться со сложными уравнениями.

Хоть у кого спроси — каждый был бы рад, чтобы у жизни был свой саундтрек, как в фильмах.

Бухающие из приемника барабаны делают свое дело, и, когда мама подъезжает к театру, я уже не так переживаю из-за того, что стала ведущей танцовщицей. Музыка наполнила голову и рассеяла мои тревоги.

К тому же я начинаю думать, что, может, это ничего особенного и не значит — так, просто почетное звание. Ну вроде капитана команды.

Вокруг полным-полно людей с бессмысленными титулами.

Например, в школе есть Ученик месяца. Я им ни разу не становилась, но, если подумать, штука эта абсолютно бессмысленная. Все равно ведь никто не позволит тебе приходить в школу на полчаса позже или заказать в столовой пиццу на завтрак.

На этот раз я оставила колпак с башмаками дома, чтобы не напоминать, что я та самая, которая «проявила инициативу».

Уже от дверей зала я вижу Шона Барра, лежащего на своем столике. Только на этот раз он стоит не посередине сцены, а сбоку. Когда я вхожу, он здорова-

ется со мной по-простому, точно так же, как со всеми, и уже это радует.

Когда все в сборе (кроме Небраски Муни — Харрисс говорит, что она отравилась устричным пловом), Шон Барр вытаскивает мегафон — жмешь кнопку, и голос становится такой, будто ты вещаешь с корабля береговой охраны. Я прямо жду, что он сейчас крикнет: «Человек за бортом!»

Но вместо этого Шон Барр говорит:

— Все на сцену!

(Хотя звучит почти так же.)

Я держусь рядом с Олив, она — моя спасительная соломинка.

Из-за своей травмы играть на фортепиано Шон Барр явно не сможет, но рядом с инструментом уже стоит его новая помощница с нотами. Сам Шон Барр ими не пользовался, и тут я понимаю, что всю музыку он знает наизусть. Как же я раньше этого не сообразила? А ведь я знаю, как непросто играть на фортепиано, даже когда у тебя под носом распахнуты ноты наподобие путеводной карты.

Женщина принимается за первую песню, и мы начинаем распеваться. Думаю, получается неплохо, потому что Шон Барр говорит:

— А теперь встаем! По местам!

Мы с Олив встаем на свое место и ждем. Шон Барр дает пианистке отмашку, и мы начинаем первый танец, который должны были уже выучить. Но как же быстро все забывается! Я повторяю про себя:

«Левая нога, правая, поворот, толчок, вперед, назад, правую руку — вверх, левую — вниз...»

И окончательно запутываюсь.

Хорошо хоть, я такая не одна.

— Ладно, еще раз, — говорит Шон Барр. — Надо не только танцевальные па выполнять, но и позволить своему телу себя выразить.

Легко сказать.

Я пытаюсь планировать движения заранее, но и это не помогает.

И вдруг Шон Барр говорит:

— А теперь я попрошу Джулию Маркс, нашу ведущую танцовщицу, выйти вперед.

Ноги у меня мигом делаются как вареные макароны.

В ушах — тонкое звенящее жужжание, будто туда комары забрались.

Меня спасает Олив. Я слышу:

— Можно и я в качестве партнера выйду?

— Да, конечно, — кивает Шон Барр.

Олив встает вплотную ко мне и шепчет:

— Смотри на мои ноги и делай так же. Ни о чем не думай. Только ноги, Джулия.

Я киваю, потому что мое горло перехватило, и я вряд ли я из себя хоть что-то сумела бы выдавить. Но ходить я, кажется, еще могу, потому что оказываюсь перед Олив.

Шон Барр говорит:

— Повторяйте движения этой пары. О пении

пока не думайте. Сейчас наша единственная задача — двигаться вместе и поймать ритм.

Олив смотрит мне в глаза, голос у нее мягкий:

— Не пытайся забегать вперед. Не надо думать, что будет дальше. Просто копируй мои движения.

Копировать мне уже приходилось.

Я знаю, конечно, что заглядывать посреди контрольной в листок соседа неправильно, но делать такое мне случалось.

Однако сейчас я должна копировать совсем другое. Это очередное зеркальное упражнение вроде тех, что мы делаем на репетициях.

Начинается музыка, и я не свожу глаз с ног Олив. Будто во всем мире только ее лодыжки со ступнями и остались. Я забываю, что я на сцене и на нас смотрят все остальные гномы, Шон Барр и Харисс.

Все исчезло, осталась только Олив и движения ее ног.

А в следующий момент я понимаю, что музыка стихла, уступив место какому-то другому звуку.

Хлопки.

Потом голос Шона Барра:

— Так-то лучше, ребята!

Олив берет мою ладонь и сжимает в своей. Я чувствую себя так, будто только что обежала целый круг вокруг школы. И лицо пылает точь-в-точь, как после пробежки. Жужжание в ушах уже почти стихло. А потом Шон Барр говорит:

— А теперь давайте-ка еще раз.

Вновь начинает играть фортепиано, и я опять повторяю движения Олив. Только теперь время растягивается, и мне кажется, что прошло не меньше шести дней, пока из мегафона не раздастся:

— Сейчас перерыв, а потом снова займемся пением.

И это лучшие слова, что мне приходилось слышать в жизни.

Мы все садимся.

Мне хочется повалиться на бок и подтянуть колени к груди. Будь у меня одеяло и хоть что-нибудь вместо подушки, я спала бы уже через две минуты.

Но это еще не конец, мы просто батарейки подзаряжаем.

Во время пения мой секрет в том, что я стараюсь выглядеть так, будто пою громко, а на самом деле придерживаю голос. Так он растворяется в пении тех, кто умеет держать тон. А слова я знаю хорошо, потому что каждый вечер ставлю это песню перед сном и непроизвольно бубню ее, проснувшись на следующее утро.

Сегодня Шон Барр хочет, чтобы мы попробовали петь по-новому, напрягая горло, отчего голос звучит гораздо выше и резче. У Рэнди это получается блестяще — я могу расслышать его голос даже сквозь хор тридцать девяти других.

Кажется, Шон Барр тоже моего брата слышит.

— Сегодня я буду распределять роли, — говорит. — Мне нужны исполнители соло-партий мэра

страны гномов, следователя и трех членов Леденцовой лиги. Следователем будет Квинси.

Я перевожу взгляд на Ларри, потому что знаю, он тоже хотел бы получить отдельную роль. И выдаю, когда слышу:

— Ларри будет одним из членов Леденцовой лиги, а компанию ему составят Джаред Нэст и Майлз Бек.

Ларри вскидывает руки над головой, будто только что выиграл здорovenный приз. Джаред Нэст и Майлз Бек широко улыбаются.

А Шон Барр продолжает:

— Партию мэра я хочу отдать Рэнди Марксу.

Я подмигиваю Рэнди (хотя подмигиваю я не очень — чаще всего это выглядит так, будто мне что-то попало в глаз). Лицо у него хоть и радостное, но по большому счету не особо и изменилось. Может, он и так уже знал, что будет мэром. Мы ведь почти не говорим о репетициях дома — там слишком много других дел.

И тут я внезапно понимаю, что Олив осталась без роли.

Это же наверняка ошибка какая-то.

— Есть еще Колыбельная лига, — продолжает Шон Барр, — это будут три девочки — Дезире Кертис, Салли Эттель и Нина Слович.

Я сижу рядом с Олив и буквально чувствую, как от нее исходит горькое разочарование. Вся сжалась прямо.

А потом слышу:

— И вот еще что — я решил, что мне нужно несколько гномов, чтобы пополнить команду летучих обезьян. Парни еще только едут из Кливленда, но работать на стропах надо начинать уже сейчас. В команду летучих обезьян пойдут Олив Кортес и Джулия Маркс.

Летучие обезьяны?

Я не ослышалась?

И притом мы обе?

Олив наклоняется ко мне и говорит как можно тише (хотя и видно, что она невероятно рада):

— У нас целых две роли будет! Ну надо же!

От восторга я громко хлопаю, и все лица поворачиваются к нам. Наверное, есть все же у меня какие-то лидерские задатки, потому что в следующий миг все тоже начинают хлопать.

Шон Барр перекрикивает аплодисменты:

— Да-да, давайте поприветствуем наших будущих артистов-исполнителей на именные роли.

Вот кто мы теперь — артисты-исполнители на именные роли!

Шон Барр недавно говорил нам, что, хотя «актер» и «актриса» слова в общем-то неплохие, сам он предпочитает нас как можно чаще называть «артисты-исполнители». «Тут вам не клоунская школа!» — так он тогда сказал.

Про себя-то я решила, что место с таким названием должно быть очень интересным, но общий посыл поняла.

Интересно, что бы он сказал о мамином клоунском костюме из благотворительного магазина?

Поверить не могу, как стремительно все в театре может поменяться.

Еще этим утром я собиралась уйти из постановки и провести остаток лета за раздумьями над письмом Пайпер, а сейчас уже пережила свою первую репетицию в роли ведущей танцовщицы и даже повышение получила! Теперь и в других частях нашего шоу участие приму!

Вот что мы тут делаем — шоу, настоящее шоу! Я чувствую, как внутри меня все прыгает, а желудок прямо пляшет.

Шон Барр снова подносит мегафон ко рту:

— На сегодня все свободны. Остаются только перечисленные артисты на именные роли. Остальные пусть возьмут свои тексты и хорошенько поработают над произношением. У некоторых тут с ним серьезные проблемы. «Колдунья», «лгунья» и «глазунья» — это три разных слова! Практика, ребята, практика!

Все дети-гномы расходятся, и, признаюсь, я этого очень ждала. Потом мы, артисты-исполнители на именные роли, собираемся вокруг Шона Барра, и он откладывает мегафон в сторону. По-моему, он доволен. Я — так точно.

Шон Барр говорит:

— Квинси, ты следователь. Сможешь ирландский акцент дать?

Квинси гордо подбоченивается, выставляет грудь и говорит:

— Какой угодно! Белфастский, донегольский, из Дерри, Лимерика, Керри, из графства Клэр и Корка тоже!

Каждое из этих слов он выговаривает по-своему, непохоже на другие, и звучит впечатляюще, хотя я понятия не имею, что все это значит.

Шон Барр коротко кивает:

— Дашь обычного ирландца.

Тут Квинси сжимает кулаки и проводит серию боксерских ударов по невидимому противнику.

Получается, по-моему, смешно, но Шон Барр на него уже не смотрит.

Следующим указания получает Рэнди. Харисс вручает ему листок со словами, но оказывается, что мой брат их уже знает и тут же прекрасно пропевает партию.

Когда он смолкает, Шон Барр кивает и говорит:

— Справишься. Но в ближайший месяц воздержись от всего, что может поспособствовать росту. Еще чуть-чуть, и ты будешь слишком высоким для этой роли.

На лице у Рэнди появляется его обычная едва заметная улыбка, про которую бабушка Рукавичка говорит, что она хладнокровная. Но ведь кровь холодная только у рыб, а Рэнди не рыба. Ну или я чего-то не знаю.

Шон Барр переходит к другим исполнителям. Де-

вочкам из Колыбельной лиги он говорит, что они будут на сцене в пуантах и что придется ходить на цыпочках. Тут выясняется, что Дезире Кертис, Салли Эттель и Нина Кович занимаются балетом, и это не составит для них никакой сложности.

Выходит, их выбрали специально.

И почему, спрашивается, ведущей танцовщицей назначили меня, а не одну из них? Девочки улыбаются, и каждое их движение мне теперь кажется гораздо более выверенным и точным, чем еще минутой назад. А кроме того я замечаю, что в сравнении с остальными детьми у них гораздо более миниатюрное телосложение.

Интересно.

Мне эти девочки очень нравятся, и я наверняка смогу с ними сойтись поближе. Вот только проблема в том, что любая дружба ставит перед тобой выбор — нельзя одновременно подсесть к двум группам людей на перерыве.

И сейчас я выбираю Олив и Ларри с Квинси, потому что с ними гораздо больше смогу узнать о мире.

Отпустив всех остальных исполнителей на именные роли, Шон Барр поворачивается к нам с Олив.

Рэнди говорит, что подождет меня снаружи, на парковке. Видно, что Ларри с Квинси хотели бы остаться, но Шон Барр жестом просит их уйти.

Внезапно рядом с нами появляются два парня из университетского персонала, которые во время репетиций занимались переноской реквизита и управляли прожекторами. Только теперь их трое, и, судя по всему, новичок тут главный, потому что Шон Барр говорит только с ним.

Зовут его Джанни. Фамилии я так и не услышала. Шон Барр объясняет, что Джанни заведует технической стороной нашей постановки.

Джанни поворачивается к нам с Олив и улыбается.

— Рад знакомству, девочки, — говорит, — сколько весите?

Я гляжу на Джанни и молчу.

Вообще-то я понятия не имею, сколько во мне килограммов, потому что редко встаю на весы. Рост мой уже давно не менялся, так что, думаю, вешу столько же, сколько было, когда последний

раз взвешивалась. А сколько именно — не помню.

Я вообще с цифрами не дружу. Увидела и забыла.

Олив с меня ростом, только пофигуристей. Может, сказать, что я столько же вешу, сколько она, минус пара килограммов за счет разницы в фигурах?

Но Олив тоже молчит. Мы обе не отвечаем и просто рассматриваем новенького.

Прическа у него из тех, что называют хвостом.

Волосы густые, перетянуты красной резинкой. Может быть, из-за того, что я устала на его хвост, Джанни и сам о нем вспомнил и снял свою резинку, так что длинная кудрявая грива рассыпалась по плечам.

Распущенными его волосы мне нравятся больше, но вслух я такого ни за что не скажу, потому что мы едва познакомились. Тут он говорит:

— Давайте сегодня примеркой подвески ограничимся.

Может, счел, что будет невежливо пытаться нас дальше, раз уж мы с Олив ничего про свой вес не сказали.

Тут два других парня приносят нечто вроде клубка автомобильных ремней безопасности.

Джанни ко мне поворачивается и говорит:

— Может, с малышки начнем?

И самое странное, что я ни капельки не обижаюсь на то, что он назвал меня малышкой. Мне это даже нравится. Отвечаю:

— Малышка готова!

Тут и Олив улыбнулась.

Шон Барр, который наблюдает за всем этим со своего столика, тоже как гаркнет:

— Малышка готова!

И по тому, как они все переглядываются, я понимаю, что отныне и навеки буду для всех тут Малышкой.

Джанни вытаскивает из вороха один ремень и показывает мне, куда поставить ноги. Потом смотрит на Шона Барра и говорит:

— Надо еще сделать поправку на вес ее костюма, а как рассчитаем угол подвеса, можно уже и замедление с хореографией обсуждать. Весит она, думаю, где-то с четверть от предельно допустимого.

Я понятия не имею, о чем он говорит, но звучит очень внушительно.

После того как я продеваю ноги в петли ремней, Джанни подтягивает стропу и пристегивает ее к карабину, который мне даже не видно — судя по ощущениям, он у меня где-то между лопаток. Потом пропускает еще по ремню в подмышки. Все концы он закрепляет на спине.

Спрашивает:

— Как ощущения, Малышка?

Я не знаю, стоит ли говорить ему правду, потому что чувствую себя угодившей в паутину мухой. Хотя я и могу двигать руками и ногами, но тело стянуто намертво.

И все же я широко улыбаюсь и говорю:

— Малышка в порядке!

Джанни переключает свое внимание на Олив и берется запеленывать ее в ремни и стяжки. Когда он обращается к Олив, голос у него звучит как-то по-другому:

— Когдаотрегулируем подвес под ваши размеры, добавим ткани, и будет мягче.

Олив кивает. На ее лице я вижу радость, особенно в глазах.

А сама стою и думаю, что, не будь мы с ней такими маленькими, нам никогда не выпал бы удивительный шанс участвовать в этой постановке. И с Джанни не встретились бы, а судя по лицу Олив, это знакомство ей тоже в радость.

После того как мы упакованы в то, что Джанни назвал одноточечным подвесом, подходят два других парня и цепляют к крюкам на наших спинах тросы.

Шон Барр откинул было голову на подушку, но вдруг морщится от какой-то неожиданной мысли:

— Малышка же несовершеннолетняя. Ее родители согласие подписывали?

Харисс бросается проглядывать свои бумаги.

Я встречаю:

— Мы с братом еще в первый день отнесли все формы домой. Мама их заполнила и все подписала.

Похоже, мои слова всех успокаивают.

Наверное, Шон опасается разных несчастных случаев из-за своего падения с лестницы. Джанни наклоняется к нам и говорит:

— Не волнуйтесь, маленькие дамы, вы в хороших руках. Я заведовал всем закулисным «Питера Пэна» в Сан-Франциско. Три месяца как заведенные с ребятами там бегали.

Я улыбаюсь. Представить себе не могу, чтобы кто-то вздумал устроить трехмесячный марафон по холмам Сан-Франциско. Но если Джанни смог вдохновить на это целую толпу людей, уважения он определенно заслуживает.

А потом Джанни одной левой рукой поднимает меня за крюк на спине. Стропы туго облегают тело, и я не без труда сдерживаю так и рвущийся из меня возмущенный возглас: «ЧТО ВЫ ДЕЛАЕТЕ?»

А еще я чуть было не выпаливаю восхищенное: «ОГО! А ТЫ СИЛЬНЫЙ!»

Раскидываю руки в стороны, словно крылья самолета, и наклоняю тело сначала влево, а потом вправо.

Отлично получается.

Шон Барр приподнимается на своем столике и говорит, глядя на меня:

— Да Малышка рождена для полета!

Джанни прикрепляет к крюку на моей спине трос, и я вижу, как два других парня отступают. На руках у обоих перчатки, они сжимают конец троса, уходящий к потолку, в невидимую для меня высь.

Джанни говорит:

— Там наверху противовесы, Малышка. Висят на кошковых мостках — лесах подвесных, где крепится вся техническая дребедень.

Интересно, почему эти леса называются кошкаными мостками — то ли первым по ним кот пробежал, то ли, чтобы туда суметь забраться, нужно быть цепким, как кошка.

От вопроса я решаю воздержаться. Он явно не дурацкий, но вряд ли это лучшее время для того, чтобы выяснять точное значение нового слова в моем театральном словаре.

В кошачьих владениях прямо у меня над головой копошится какой-то мужчина. Я слышу голос:

— Трос готов. Простой блок.

Двое парней на сцене поднимают лица кверху. Один говорит:

— Держу.

Джанни кивает и говорит:

— Оттяжной трос ставить не будем. Это простой подъем.

Парни тоже кивают. Олив смотрит на нас в оба — даже не мигает, чтобы ничего не пропустить.

У моего уха раздается спокойный голос Джанни:

— Малышка, я отпускаю, — потом добавляет, — будь готова, сейчас дернет.

Я чувствую, как его рука выпускает крюк, но я остаюсь висеть в воздухе, а потом вдруг подскакиваю на метр вверх.

Полетом это не назвать — болтанкой разве что. На мгновение я кажусь себе попавшейся на удочку рыбой. Кто-то наживил на крючок червя, а я его проглотила. Только этот трос тащит меня не к рыбаку,

сидящему в лодке с дубинкой в руке, а возносит высоко в воздух.

Мои руки все еще распростерты, и я кричу вниз:

— Я летучая обезьяна!

Снизу доносится голос Шона Барра:

— Обезьяны не умеют говорить, Малышка!

Кричу, удивляясь собственной смелости:

— А эта умеет!

Я вижу их всех под собой, и они смеются. Я понимаю, что впервые в жизни смотрю на мир сверху.

А все смотрят на меня снизу.

Бабушка Рукавичка всегда говорит, что жизнь — это длинная череда уроков, и, если ты как следует не выучил первый, следующая контрольная по этой теме будет гораздо сложнее.

И прямо сейчас я постигаю важнейший из уроков: то, что казалось отвратительным сегодня, завтра может оказаться восхитительным.

Я боялась, что меня заставят учиться танцам, а вместо этого я учусь летать.

Ясное дело, я не смогу так же пронестись над своей улицей, но я чувствую, что, наверное, до конца жизни теперь буду мечтать, чтобы меня вновь спеленали и подняли в воздух на тросе.

И мне ничего не придется вклеивать в свой альбом, чтобы запомнить этот день.

После того как нас с Олив еще несколько раз по-всякому поднимают в воздух, мы начинаем понимать, как тут все устроено. К счастью, мне удастся

отнестись ко всему профессионально, без приступов страха и тошноты со рвотой.

Даже не знаю, сколько времени мы так летаем, потому что происходящее меня невероятно захватывает, и мои внутренние часы останавливаются. Однако наступает момент, когда Шон Барр говорит:

— Давайте закругляться, мы и так уже изрядно девушек задержали.

Нас с Олив спускают на сцену, и, кажется, никто не сомневается, что для первого раза мы отлично отрепетировали роли летучих обезьян.

Мы снимаем подвесы, и Джанни говорит, что мы выглядели «на стропе» вполне уверенно. А потом нам говорят, что мы теперь еще и по вечерам будем репетировать, отдельно от гномов. Придется сказать маме, что я буду заканчивать позже, чем Рэнди.

Я же на два года старше, так что с дополнительной нагрузкой должна справиться.

Вот бы поскорее Кайли с Пайпер обо всем рассказать! Хотя я так до сих пор и не отправила ни одного письма Пайпер в лагерь, а Кайли по-прежнему ездит по своим полям.

Когда Джанни замолкает, Олив шепчет мне:

— Теперь в резюме об этом можно написать. Впечатляюще смотреться будет.

Я киваю, хотя никакого резюме у меня нет.

А если когда-нибудь будет, обязательно вклею его в свой альбом. И резюме Олив, наверное. И про мужчину с женщиной, которые работают на кошки-

ных мостках, надо будет написать. Нам сказали, что их зовут Флинн и Тоби. Очень смахивает на имена парочки собак. Но они оба мне очень понравились.

Джанни подходит и без особых церемоний принимается измерять мою спину и ноги рулеткой. И тут я впервые замечаю, что у Олив руки и ноги очень короткие. Рост у нас совершенно одинаковый, но у меня все это явно подлиннее будет. Только тогда я понимаю, почему она выглядит иначе, чем остальные люди. И дело тут совсем не в ее 144 сантиметрах роста. Наверное, я и раньше все это видела, но осознала только теперь, из-за беспристрастных цифр, которые выдала мерная рулетка. Очень часто я не замечаю того, что прямо-таки в глаза бросается.

Джанни записывает все, что ему нужно, а потом говорит:

— Спасибо, дамы. Это был прекрасный первый день, а?

Я отвечаю:

— Спасибо, Джанни. В твоих руках я чувствовала себя в полной безопасности.

Тут все вокруг начинают смеяться, а я ведь серьезно говорю — хотела, чтобы по-взрослому прозвучало.

Не скажу же я им правду — было, мол, невероятно увлекательно, но еще и очень-очень страшно, между прочим, и этот их подвес удобным никак не назовешь. И хоть бы один поинтересовался, прежде чем в воздух меня вздергивать, не нужно ли мне в туалет.

Мы с Олив уже направились к выходу, как вдруг Шон Барр нас окликает. Он явно устал, потому что непростое это дело — ставить спектакль, лежа на одном месте.

Он говорит:

— Малышка, у нас в штате есть костюмер — не Адриан Гринберг, конечно, но со швейной машинкой справится.

Я только улыбаюсь, потому что мне все больше нравится быть Малышкой.

А он продолжает:

— Что там с той дамой, которая сшила тебе колпак и башмаки?

Я не сразу отвечаю, потому что вопрос непростой. Да я на самом-то деле и не знаю, что там с ней. Говорю только:

— Она рядом со мной живет, чуть дальше по улице.

Шон Барр закрыл глаза — наверное, чтобы собраться с мыслями. Потом открывает и говорит:

— Я тут подумал — может, твоя подруга согласится нам помочь? Для костюмов у нас есть отдельный бюд-

жет, можем и на специалиста раскошелиться. Пусть для начала на летучих обезьянах себя попробует.

Я даже не представляю, что миссис Чан на это скажет. Сейчас-то она, скорее всего, доделывает мой гномий костюм. Откуда мне знать, обрадуется она такому предложению или нет.

Я говорю:

— Может, Олив со мной пойдет и ее спросит?

Шону Барру мое предложение нравится, потому что он говорит:

— Да, это лучше лично обсудить, а не по телефону. К тому же в моем нынешнем состоянии сам я к ней наведаться вряд ли смогу. Так что Олив, пожалуй, это и поручим.

Олив молчит.

Я прослеживаю ее взгляд — по-прежнему смотрит на Джанни. Он как раз взобрался на стремянку и возится с тросом. Очень он талантливый, мне кажется.

И я говорю:

— А еще лучше, если вместе с Олив и Джанни с ней поговорил бы. Если миссис Чан согласится помочь, ей нужно понять, что делать с крюком на спине, а Джанни ведь в этом специалист.

Тут Олив изо всех сил закивала:

— И правда, Джулия, отличная идея!

Шон Барр только плечами пожал:

— Конечно. Он у нас на зарплате, скажу — пойдет.

Вижу, что Олив очень рада.

И тогда я, чтобы закрыть вопрос, говорю:

— Ну так я миссис Чан позвоню, и мы обо всем договоримся.

На самом деле звонить ей будет мама. Я ведь еще ребенок. Там так много рассказать надо будет, что я в жизни столько не запишу.

А потом добавляю:

— Я вам потом всю информацию сообщу, Шон Барр. Можете на меня рассчитывать.

Наш режиссер улыбается. Он это делает нечасто, а ведь улыбка меняет все его лицо. Глаза аж блестят. Ему бы почаще улыбаться, очень ему это идет.

И тут я чувствую, что самое время задать вопрос, который у меня уже давно вертится на кончике языка. Я спрашиваю:

— А это не чересчур для меня, что я не только ведущей танцовщицей буду, но еще и летучей обезьяной? Может, назначите на танцы кого-нибудь другого...

И смолкаю неуверенно.

Шон Барр качает головой. Это не «да» и не «нет». Он говорит:

— Ведущая ты в том смысле, что показываешь пример. И только. Просто всем остальным даешь понять, как надо делать.

А я все так же неуверенно:

— Ладно, конечно. Только танцую-то я не очень...

Шон Барр смеется и говорит:

— Ты к делу подходишь с душой, Джулия, вот что самое главное.

Поднимает свой толстый блокнот и добавляет:

— Время от времени можешь в мои заметки заглядывать — много тайн узнаешь. Как насчет этого?

Тут с лестницы спускается Джанни, и я вижу, что он прислушивается к нашему разговору. Брови вскинул и говорит:

— Ну, Малышка, теперь тебе точно не о чем волноваться.

Шон Барр подмигивает и говорит:

— Ну все, замётано. Ты отличная девчонка.

Я такого ни от кого еще не слышала, и звучит это просто замечательно. Жаль, что Рэнди уже ушел — он бы точно всем в семье рассказал о нашем разговоре. Но он уже ушел. Распевает, поди, сейчас какую-нибудь очередную песню.

И тут мне ужасно хочется, чтобы Шон Барр понял, что сделал правильный выбор, когда доверился мне, и поэтому я говорю:

— Вы первый, кто смог меня по-настоящему отвлечь от мыслей о Рамоне.

И в следующий момент я понимаю, что сделала большущую ошибку. Только бы он не вздумал меня расспрашивать, потому что я запросто могу расплакаться, если придется рассказывать о любимом псе тому, кто его ни разу не видел.

Но мне и тут везет — Шон Барр только кивает,

а в следующий миг два подсобных рабочих поднимают и уносят его столик для пикника. Такая уж у них работа — вещи с места на место переносить. Интересно, думали они, что придется носить режиссера? Хотя если ты подсобный рабочий в театре, будешь носить все, что тут ни найдется.

На прощание Олив машет рукой Джанни. Я делаю то же самое.

По пути на выход Олив спрашивает меня:

— А кто такой Рамон?

Мне раньше стоило подумать, что она может все услышать.

— Мой пес, — говорю. — Он умер четырнадцатого марта.

А потом добавляю:

— Хорошо хоть не четырнадцатого февраля, а то я больше никогда в жизни не праздновала бы Валентинов день.

— А по-моему, вокруг этого праздника слишком много шума, — говорит Олив.

Я не совсем понимаю, что она имеет в виду, но говорю:

— Да, точно.

Мама уже ждет меня на парковке.

И, судя по лицу, достаточно давно.

Рэнди сидит на переднем сиденье — это, конечно, непорядок, но я так рада своей новой роли летучей обезьяны, что даже не хмурюсь. Поворачиваюсь, обнимаю Олив и говорю ей:

— Я постараюсь узнать, когда можно будет поехать с Джанни к миссис Чан.

Олив кивает:

— Звони, как будет ясность, — и шагает прочь по тротуару. Мне кажется, что при каждом шаге она слегка подпрыгивает. Странное поведение для взрослого, хотя если ты при этом размером с ребенка, то можно себе позволить кое-какие вольности.

После расставания с Олив я первым делом прогоняю Рэнди с переднего сиденья и сажусь на свое место рядом с мамой.

Потом рассказываю всю историю с летучими обезьянами и говорю, что теперь мне придется ходить еще и на вечерние репетиции. И первый же мамин вопрос меня весьма разочаровывает:

— А это вообще безопасно? Мне как-то не по себе, что тебе придется висеть на тросах.

— Ну конечно безопасно! Джанни целых три месяца занимался «Питером Пэном» в Сан-Франциско, и сюда его пригласили, потому что отличный спец в своем деле.

Рэнди с заднего сиденья спрашивает:

— А кто это?

— Полетами заведует. Примерял на нас с Олив одноточечный подвес.

Рэнди кивает, будто все понял. Впрочем, я ведь и сама хоть этот одноточечный подвес и надевала, но знать не знаю, что именно название означает.

Мама говорит:

— Такие вещи сначала надо обсуждать с родителями. Я еще понимаю, что подругу твою использовать решили...

Я ее перебиваю, хоть это и невежливо:

— Ее Олив зовут.

— Ну да, я понимаю еще, что Олив привлекли, она взрослая. Но ты-то еще ребенок.

Мне совсем не нравится, как звучат ее слова, и я очень хочу, чтобы мама поняла, насколько для меня это важно.

Я изо всех сил стараюсь, чтобы мой голос не стал тонким и плаксивым, как бывает всегда, когда я расстроена.

— Это совершенно безопасно, и к тому же они спросили, подписывала ли ты бумаги, а ты еще в первый день это сделала и все сдала.

Мама не сдается:

— Я же не знала, что подписываю согласие на то, чтобы моего ребенка запускали в воздух.

— А тебя правда запускали в воздух? — это Рэнди встревает.

— Нет. Не было ничего такого. Там три человека — один на земле, а двое других сверху, в таком специальном месте с кошачьим названием, и Джанни все время держал меня за трос. А Шон Барр всем этим руководил, он вообще суперпрофи, приехал сюда из Пиджен-Фордж.

Наверное, я говорю убедительно, потому что мама вроде как успокоилась.

Она делает глубокий долгий вдох с выдохом, а потом смотрит на меня:

— Ладно. Кажется, я просто чего-то не поняла. Так тебе понравилось? Ты сама-то этим хочешь заниматься?

— Ужасно хочу! Всю жизнь!

Не знаю, зачем я последние слова сказала.

Я не из тех, кто особо задумывается о будущем. Я вовсе не хочу до конца жизни болтаться на подвесе, но если благодаря этому я буду постоянно общаться с Олив, Шоном Барром, а теперь еще и с Джанни, то, может, стоит и подумать о такой карьере.

А еще мне нравится, что люди меня по-доброму называют Малышкой. И то, что у меня своя особенная роль.

И тут у меня в голове будто лампочка щелкает, и я вспоминаю миссис Вэнсил, которая нам без конца рассказывала про наш потенциал. Я смотрю на маму и стараюсь говорить как можно уверенней:

— Я чувствую, что участие в этом шоу — да к тому же в двух ролях, — а еще то, что я учусь летать и работать на тресе, позволяет мне сполна раскрыть мой внутренний потенциал.

Судя по звонкому удару биты о мяч — хотя в данном случае это мамин резкий вдох, — я свой крученный послала точно в яблочко.

Мама жмет на тормоз, хотя впереди ни светофора нет, ни каких-нибудь знаков. Нас даже слегка дернуло от такой резкой остановки. Потом мама на меня

смотрит, и я вижу по ее глазам, что она за меня ужасно волновалась, но теперь во взгляде проступает облегчение:

— Хорошо, Джулия, будешь летучей обезьяной.

Я сжимаю кулак и вскидываю в воздух. Гол!

И мне так радостно становится, что я даже кричу:

— Да! Я летучая обезьяна!

А тут Рэнди с заднего сиденья наклоняется и буднично так говорит:

— Ну а я — мэр страны гномов.

Ужин начинается с маминого объявления о том, что я учусь летать.

После такого даже мой старший брат Тим вступает в общую беседу, чего, кажется, уже несколько лет не случалось (ну ладно — скорее несколько недель). Его интересует, как именно я буду держаться в воздухе. И первый вопрос у него такой:

— А промежность-то от подвеса не болит?

Я отрицательно качаю головой, хотя внутренняя сторона бедер и подмышки у меня и правда после полетов отчетливо ноют.

Но слово «промежность» я ненавижу.

Есть целый перечень слов, которые я терпеть не могу — то ли из-за их звучания, то ли из-за значения. «Половозрелость», например. Противное слово, как ни посмотри.

А еще «слизь».

Я их избегаю как могу, и как же хорошо, что всегда можно подобрать другие слова на замену. Вот почему так важно изучать свой язык. А может, его и вовсе именно для этого изобрели.

А вот любимых слов или букв у меня нет — только самые нелюбимые. Буква «з», например. Злая

она какая-то. Да и в школе мне частенько тройки ставят — поэтому, может, и букву невзлюбила. И словечки еще все такие неприятные — «зоб», например, или «зависть». Завистливый человек чаще всего будет нехорошо относиться к окружающим. Миссис Вэнсил не раз Симоне Бушинг говорила, чтобы та Поппи Рафф, которая отличница, не завидовала, а лучше бы сама за ум взялась.

После первой порции спагетти я прошу добавки. Мы их всегда на голубых тарелочках с перегородками едим. Этот сервиз когда-то у бабушки Рукавички стоял, но потом она нам его отдала и сказала: «Я теперь только на себя готовлю. Забирайте!»

Я сперва решила, что она шутит, а оказалось — нет, и теперь у нас в буфете стоит семь таких тарелок. Но всего их было восемь, так что, выходит, она одну себе оставила.

Тим еще что-то спрашивает про мои полеты, но про «промежность» больше не вспоминает — спасибо и на том.

Он, кажется, даже немного жалеет, что рост у него обычный, а значит, в спектакль его не возьмут.

— Может, даже, — говорит, — приду на тебя поглядеть, обезьяна гномья.

Мама смотрит на него, будто инопланетянина увидела, а потом говорит:

— Еще бы ты на сестру с братом посмотреть не пришел! Там весь город будет!

Тим на нее в ответ уставился эдак бессмысленно,

по-коровьи. Бабушка Рукавичка этот взгляд называет «Тимовым патентованным», то есть будто бы так никто больше не умеет, а только он.

Но я не завидую такому его умению — что хорошего в том, что твое лицо становится похожим на картонку? Тут в разговор вступает папа:

— Младших брата и сестру надо поддерживать, Тим.

И я добавляю:

— Ты туда еще и потому придешь, что ведь это потрясающее зрелище, которое ставит сам Шон Барр.

Тим безучастно жует свои спагетти, а потом вдруг говорит:

— Джулия, будь любезна, передай гренки с чесноком.

А на столе нет ничего такого. Но шутка, по-моему, хорошая, так что я делаю вид, что беру со стола невидимую тарелку и протягиваю ее Тиму:

— Только подгоревшую не бери, я ее сама съем.

Тут уж Тим не смог свой бессмысленный взгляд удержать и рассмеялся. Аккуратно принял невидимую тарелку, второй рукой салфетку как будто снял и подносит гренку к носу:

— О, чесночка вдоволь, как я люблю!

Тут уже и все остальные засмеялись.

Мы еще немного подурачились, а потом мама встала из-за стола и пошла на кухню.

— Ваша взяла, — говорит, — пойду вытащу хлеб

из морозилки и сделаю чесночные гренки. Будут вместо десерта.

Тим глядит на меня и говорит тихонько:

— Не переживай, приду я посмотреть на твои полеты, Джелли.

Он меня так раньше называл, а теперь перестал — Джелли.

Звать меня, конечно, Джулия, но ему в детстве легче было выговорить «Джелли». И тут я чуть было не взялась рассказывать, что отныне мое сценическое имя — Малышка, но все же вовремя сдержалась.

Как-то не хочется, чтобы все в доме стали называть меня Малышкой Джелли. А такое запросто может случиться. Так до конца жизни можно в мармеладках проходить*.

После того как мы убрали со стола, мама звонит миссис Чан и договаривается о встрече. Я ее переговоров не слушаю, потому что в это время по телевизору идет интересная передача. Мама мне уже потом говорит, что миссис Чан будет рада нашу тройку принять.

И тогда я звоню Олив, а она обещает передать все Джанни.

Мама предупредила мисс Чан, что я приду обсудить что-то по костюмам, а со мной еще несколько

* Джулия боится, что ее начнут называть Jelly Baby (дословно «желейный малыш») — а это очень распространенная в Америке торговая марка мягкого сахарного желе.

людей, которые, как она выразилась, «заняты в постановке».

Я гном, летучая обезьяна и ведущая танцовщица. А теперь еще и за костюмы вроде как ответственная с красешку. Миссис Чан, должно быть, решила, что я важная шишка в этой постановке.

Вот так и бывает, когда за что-нибудь возьмешься — дело за делом, и понеслось.

Мне бы это с миссис Вэнсил обсудить, да только сейчас лето, к тому же и учительница у меня в следующем году будет другая. В общем, пора мне перестать копить темы для обсуждения с ней.

Можно было бы поговорить с бабушкой Рукавичкой, но она уехала на всю неделю со своей лучшей подругой Лоис на рыбалку, ловить лосося. Кроме бейсбола бабушка обожает рыбачить, хотя для меня это большей частью невероятная скука. А когда рыба на крючок попадет, то тут уже не скука, а сущее преступление с деревянной дубинкой в качестве орудия убийства и множественными дробящими ударами.

И тут я вспоминаю кое-что важное — на прошлогодний Хеллоуин Стивен Бойд наряжался обезьяной.

Как я вообще могла такое забыть?

Хотя лето ведь в самом разгаре, дел выше крыши — даже о Рамоне некогда подумать, не говоря уже о парне по имени Стивен Бойд, который приносит завтраки в школу в зеленой холщовой сумке

с белыми ручками (что, между прочим, гораздо экологичней, чем каждый день новый бумажный пакет брать).

Однако теперь тот факт, что Стивен Бойд однажды был обезьяной, заиграл для меня новыми красками.

И тут же возникает вопрос: а в фильме «Волшебник из страны Оз» все обезьяны самцами были или как?

А хотя бы и так, мне-то что?

Если подумать, то, когда ты видишь настоящую обезьяну (в зоопарке, например), сложно понять — самка это или самец. Я, например, не смогу определить, слишком уж у них шерсть густая. Да и не особо мне интересно разглядывать эти места у животных. К тому же у нас в городе и зоопарка нет, если не считать огороженную территорию в Хендрикс-парке, где лось с тремя оленями бродят в грязи.

И не сказать, чтобы они выглядели там счастливыми — даже когда я им морковки приношу.

Воспоминание о Стивене Бойде наталкивает меня на мысль поискать картинки с летучими обезьянами.

И тут меня поджидает сюрприз.

Я ведь их всегда представляла страшными и злобными помощниками Злой колдуньи, а теперь вижу на экране маминого компьютера, что у летучих обезьян есть шляпы и яркие разноцветные курточки. Вместо штанов — серые лосины в обтяжку вроде

низа детской цельной пижамы с ножками. А на спине — большие крылья с кучей перьев.

В общем, наряд как у старинных заводных обезьянок, которые начинают бить в тарелки, когда поворачиваешь ключ. У бабушки Рукавички есть такая.

Возьму-ка я эти картинки с собой на встречу с миссис Чан — вдруг это поможет ее заинтересовать? Она как-то сказала мне, что зачастую искусство — это неожиданность. Я тогда вообще не поняла, что она имела в виду, а теперь подумалось вдруг, что вся штука в том, как неожиданно странно эти обезьяны выглядят. Птицеобезьяны эдакие.

Я отправляюсь к себе в комнату и беру гномьи башмаки, которые миссис Чан для меня сшила. Выношу их на улицу, где еще по-дневному тепло, и сажусь на стул. Только сперва переворачиваю подушку, потому что точно знаю, что там попадают ухвертки.

Хоть ухвертка меня еще ни разу и не кусала, клещи у нее выглядят очень грозно. Впрочем, если так подумать, я вообще не слышала, чтобы ухвертка хоть кого укусила. Если в следующем году будем писать доклады о насекомых, я, пожалуй, ухверток и выберу — вдруг все на них напраслину возводят, обвиняют в том, чего они никогда и не делали?

Я вдеваю ноги в свои гномьи башмаки. Отлично сидят.

Смотрю на звезды и задумываюсь о птицеобезьянах и прочих помесях. Я сюда часто с Рамоном при-

ходила, особенно когда у него пучило живот. А это нередко случалось, потому что я за ужином его подкармливала пищей со стола.

Но его больше нет, а я не хочу закисать в этих грустных воспоминаниях. Но печальные мысли из головы выгнать получается только тогда, когда я берусь сосредоточенно размышлять о новом питомце.

Сейчас не лучшее время для того, чтобы заводить новую собаку.

По крайней мере, папа с мамой говорят так каждый раз, когда я к ним с этим подхожу.

Правда, пока что я спрашивать перестала — испытываю новую стратегию молчания. Предыдущая то не сработала. Ну а раз будущий питомец пока что может жить только у меня в голове, можно не мелочиться. Почему бы не завести животное-гибрид?

Отличным вариантом был бы вербленот — полуверблюд-полуенот.

Или медведь, который притом наполовину пони и не станет возражать против седла.

Я сворачиваюсь на стуле уютным клубочком. До сих пор благодаря своим размерам на такое способна.

Лежа так, с прижатыми к груди согнутыми коленями, я гляжу на свои прекрасные башмаки.

Я гном и к тому же летучая обезьяна.

А если закрыть глаза, то под боком у меня и Рамон появляется.

Днем у нас, как обычно, репетиция, но с утра папа должен отвезти меня к доктору Бринкману, ортодонту.

Мне этого ужасно не хочется, но выбора нет. Все мои взрослые зубы уже на месте. Зубов мудрости пока нет, но они появятся только к концу школы или уже в колледже. По крайней мере, так мне сказали.

Зубы у меня большие, что само по себе весьма любопытно — я-то маленькая. Выходит, у моей маленькой головы полон рот большущих резцов. Это бабушка Рукавичка так их называет.

Собственные передние зубы она потеряла еще в молодости, когда в колледже играла в бейсбол, так что вверху у нее протезы. Но выглядит неплохо. Бабушка говорит, что это у нее такие мосты и что они надеты на настоящие зубы. Если бы мне пришлось давать вещам названия, я ни за что эти штуковины не окрестила бы мостами, ведь под ними нет ни капли воды (ну разве что слюну водой считать).

Сидя в везущей меня к врачу машине, я думаю о том, что мне надо бы радоваться, ведь у родителей есть деньги на то, чтобы сделать мне красивую улыбку.

Но я не радуюсь.

Я просила родителей повременить с этим делом, пока мы не закончим «Волшебника из страны Оз», но они даже слушать не стали. Сказали, что у ортодонта свое расписание работ у меня во рту.

Этот ортодонт ни мне не друг, ни театру.

Все в мире знают, что во рту у гнома или летучей обезьяны попросту не может быть брекетов.

Как я скажу об этом Шону Барру? Эдак он и вовсе не захочет меня на сцену пускать, когда все это железо во рту увидит.

Папа заезжает на парковку перед клиником мистера Бринкмана. Я говорю:

— Можешь в машине посидеть. Я ведь там уже дважды была.

— Уверена?

Я киваю, а потом говорю:

— Я позвоню, как выйду.

— Мы тобой гордимся, милая, — говорит папа. — Ты же знаешь это, верно?

Я не знаю, чем именно во мне он гордится, но все же говорю:

— Спасибо, пап.

И тут он отчего-то вдруг грустнеет:

— Так быстро растешь... Брекеты уже. Неужели правда?

Учитывая, что расту-то я как раз не быстро, мне не без труда удастся сдержать весьма выразительный взгляд. Но только я не хочу, чтобы он себя почув-

ствовал занудой, и поэтому наклоняюсь и целую его в щеку. От папы всегда вкусно пахнет. Чем-то вроде тыквенного пирога.

Он говорит:

— Сделай всех, Джулия!

Я рада, что удержалась от еще одной попытки его уговорить, чтобы с моими зубами повременили. Ни к чему нам друг перед другом унижаться.

Приняв такое решение, я ощущаю себя прямо-таки взрослой, но это чувство сразу меркнет, едва я вхожу в здание.

Первым делом женщина за конторкой просит меня почистить зубы. Я это только что делала дома, но тут, похоже, не станут на слово верить.

Чувствую, что все это дело не с той ноги начинается. Никогда, кстати, не понимала смысла этого выражения, пока не занялась танцами. Теперь-то я знаю, что и правда можно не с той ноги пойти. Лично со мной такое по несколько раз за репетицию случается.

Когда я выхожу из туалета со своей новенькой зубной щеткой в руке (похоже, мне теперь ее придется забирать с собой), женщина говорит, что нужно сделать еще несколько рентгеновских снимков. Другая медсестра ведет меня в маленькую комнатку без окон.

Будь мне все это хоть сколько-нибудь интересно, я бы обязательно задала уйму вопросов, например: «А что это вы делаете?» Но я молчу.

От рук медсестры пахнет какой-то химией. Она говорит мне одно-единственное слово, но повторяет его целых восемь раз:

— Кусай.

И я кусаю. Мои зубы сминают кусок картона, ну или пластмассы. Не знаю точно, потому что даже не смотрю на то, что вытаскивают у меня изо рта. Потом женщина накрывает меня тяжелым пластмассовым одеялом с железными пластинами внутри и уходит давить ногой на педаль, чтобы через мою голову прошел поток электромагнитных волн.

Ну или вроде того.

Вот только как вся процедура может быть мне на пользу, если сама эта женщина отсюда так поспешно вышла?

После рентгена зубов она делает то же самое с моим левым запястьем.

Странно. Я бы все-таки поинтересовалась, зачем все это, но только по-прежнему совсем не в настроении для беседы, да и она явно спешит. Я слышала, как за стеной кто-то сказал, что доставили ланч, — может, потому и суетится. Про греческий салат что-то говорили. Я бы ей сказала, что спешить некуда, потому что греческий салат точно не остынет, но это было бы невежливо. Представляю, как она разозлится, если все придется переделывать.

И вот теперь я сижу одна в смотровой и думаю — интересно, а тем, кто работает в таких местах, зубы-то вообще нравятся? Ну, сами по себе. Им вооб-

ще интересно возиться с зубными болезнями? Или это просто такая же работа, как, например, мытье машин, но только подготовка посерьезнее? А что они делают, если у человека изо рта скверно пахнет?

Мой брат Тим говорил, что у Рамона из пасти воняет, но это неправда. От него пахло так, как и должно пахнуть от собаки. Другое дело человек, который сперва наестся лука с чесноком, а потом даже рот не прополощет.

К тому же собаки не могут жевательную резинку против дурного запаха себе в пасть кинуть.

И тут у меня появляется новая мысль: интересно, а скольким взрослым их работа нравится?

Вот миссис Вэнсил, думаю, уроки проводить очень нравится — кроме разве что тех случаев, когда дети ее не слушают. А такое по несколько раз в день случается.

На работе у папы бывать мне не приходилось, так что я даже не знаю, что он там вообще делает. Я, если честно, вообще не представляю, как он там устраивает свои страховочные дела. Надо полюбопытствовать при случае, как у него проходит обычный день на работе.

Я почти уверена, что моей маме ее работа нравится, вот только из-за своего инвентарного учета она находится в постоянном напряжении. По крайней мере, то и дело на него жалуется. Она часто приходит с работы с блестящим от пота лицом и расплыв-

шейся тушью и выглядит поэтому хуже обычного. Я, чтобы ее не обидеть, не говорю, что она в такие дни на снота смахивает.

А вот Шон Барр, думаю, свою работу обожает.

Интересно, бывает ли такая работа, чтобы есть абрикосы, гулять со старым псом, а в конце дня улечься на траву (и чтоб только что подстриженная была), уставиться в небо и мечтать?

Я для такой прямо создана.

Мои мысли о работе мечты прерывает появление женщины в белом халате. Не банном, конечно, а медицинском. Судя по тому, что я видела по телевизору, они этот свой медицинский стиль уже много-много лет не меняют.

Вот бы каждую осень новые модели халатов по всем больницам развозили.

Я бы для начала попробовала заменить пуговицы молнией. Потом пару ленточек на рукава добавить и кружева. И чтобы каждый год цвет менялся.

Миссис Чан наверняка смогла бы такой халат сшить, что врачам стало бы веселее. Изоленту бы в дело пустила и перья.

Я поворачиваюсь к женщине и даже нахожу в себе силы изобразить полуулыбку (но зубы не показываю):

— Мне нужен доктор Бринкман. Я его жду.

Женщина отвечает:

— Это я.

Я ничего не отвечаю, потому что в два предыду-

ших своих визита видела здесь мужчину, и звали его тоже доктор Бринкман. Что с ним за эти полгода стряслось? Мир сейчас ой как быстро меняется.

— Тут нас, Бринкманов, двое, — говорит между тем женщина. — Со мной вместе мой брат работает.

Тогда ясно. Может, и мы с Рэнди однажды дантистами станем или ортодонтами. Сейчас такое и представить сложно, но всякое может случиться. А вот вообразить, чтобы мне пришлось зубы лечить на пару с Тимом, я вообще не могу, так что даже не буду и пытаться.

— А когда вы с братом решили, что будете одним делом заниматься? — спрашиваю я. — Или вы оба с самого детства хотели людям в рот заглядывать?

Доктор Бринкман качает головой:

— У нас мать была дантистом. Нам на роду было написано зубами заниматься.

Надо будет позже обдумать эту идею о том, что на роду что-то может быть написано, потому что я не совсем поняла — то ли это мама их с братом заставила дантистами стать, то ли имеется в виду, что вся семья обречена лечить зубы из-за какого-то древнего проклятья. Она бы еще это роком назвала.

Мои родители в такие штуки не верят.

Я хочу показаться приветливой, поэтому говорю:

— Рентген мне уже сделали. Даже руку просветили — по ошибке, наверное.

— Рентген запястья тебе сделали для того, чтобы

досконально диагностировать возраст твоего скелета. Он может отличаться от хронологического.

Я пытаюсь сделать вид, что все понимаю, но от словосочетаний типа «досконально диагностировать» у меня голова идет кругом. Как и от «хронологического».

Я говорю:

— Пока снимки печатают, скажите, пожалуйста, а нельзя ли установку брекетов немного отложить?

Доктор Бринкман улыбается.

Я успеваю решить, что это хороший знак, но тут она отвечает:

— Мы их уже и изучить успели. Мне только по запястью твоему еще кое-что посмотреть надо.

Я говорю:

— Вот бы вам на это месяц понадобился.

Доктор Бринкман поднимает очки на лоб. Наверное, они ей для работы со всякими мелочами нужны — например, у меня во рту, а пока она хочет меня целиком получше рассмотреть. Я бы улыбнулась, но знаю, что фальшивые улыбки у меня плохо получаются.

— Тебе не стоит брекетов бояться.

Я отвечаю:

— Я и не боюсь, просто они мне могут все испортить. Я в спектакле университетского театра играю — буду гномом в «Волшебнике из страны Оз». Полупрофессиональная постановка.

И тут я вижу, что меня наконец хоть кто-то ус-

лышал, потому что доктор Бринкман улыбнулась (а зубы, надо сказать, у нее отличные) и спрашивает:

— И сколько же времени тебе нужно?

— Чуть меньше шести недель, — говорю.

Доктор Бринкман поднимается с кресла и говорит:

— И почему дантистов так часто считают бесчувственными? Мы люди очень даже участливые.

Я говорю:

— Так можно все на начало сентября перенести?

— Никаких проблем, Джулия. Скажи администратору, что в следующий раз мы с тобой сразу после Дня труда^{*} встречаемся.

— Спасибо, доктор Бринкман!

Наверное, я чересчур уж громко крикнула для такой маленькой комнаты, потому что она поворачивается и вскидывает правую руку. Таким жестом обычно просят остановиться.

И тогда я шепчу:

— Спасибо вам огромное. И брату привет передавайте.

Решила уже, что она сейчас выйдет, а доктор Бринкман вдруг говорит:

— Эл Фрэнк Бам... Человечище!

Я киваю, будто во всем с ней согласна, а потом тоже вскидываю кулак в воздух, словно мы с ней только что решающий гол забили и одержали победу.

^{*} Д е н ь т р у д а — национальный праздник в США, который отмечается в первое воскресенье сентября.

А уж когда она выходит, тут и я задумываюсь — кто такой вообще этот Эл Фрэнк Бам?

В машине я рассказываю папе эту прекрасную новость, и надо сказать, он за меня искренне радуется.

— Джулия, — говорит, — ты явно обладаешь силой убеждения.

Звучит забавно, потому что на него самого мои аргументы не подействовали. Но я все равно киваю. А потом снова задумываюсь, кто же такой этот Эл Фрэнк Бам. Явно кто-то особенный.

Может, доктор Бринкман с ним встречается?

Мы в школе учили испанский, так что я знаю, что «эль» означает артикль или же местоимение «он». У меня отлично получается разговаривать с испанским акцентом, а вот значение слов я запоминаю плохо. А уж со спряжениями глаголов все совсем грустно.

Затем, видно, дети и ходят в школу. Не то чтобы у нас выбор был, но миссис Вэнсил не раз говорила, что образование — ключ ко всем дверям.

Дома я сажусь к компьютеру и принимаюсь за поиски. Никакой не Эл Фрэнк Бам он, оказывается.

Л. Фрэнк Баум, вот как.

Сложно правильно имя расслышать, если раньше знать его не знал.

А узнаю я вот что: родители своего сына называли Лайман Фрэнк Баум, но имя Лайман ему не нравилось, так что он просил всех называть его Фрэнком.

Не знаю, зачем он оставил букву «Л» в имени — родители, наверное, заставили.

А вот самое главное — Л. Фрэнк Баум написал пятьдесят пять повестей, включая «Удивительного Волшебника из страны Оз»!

Так вот почему доктор Бринкман его вспомнила! Значит, она интересуется не одними только кривыми зубами.

Я участвую в постановке знаменитого произведения, каждый день общаюсь с университетскими студентами и профессионалами театра, но только сейчас впервые узнала имя того, кто за всем этим стоит — Л. Фрэнк Баум.

И вот в чем я теперь уверена — писателям всегда достается короткий конец палки.

Хотя это, пожалуй, еще одно откровенно неудачное выражение (но вовсе не потому, что в нем есть слово на букву «к», которое мне напоминает о том самом, отвратительном).

Нет у палки длинного и короткого конца. Конец острым может быть или тупым, а значит, и хорошим или плохим в зависимости от того, что тебе надо делать — врага ткнуть, например, или маршмеллоу над костром поддержать.

Но короткий конец...

В этом смысл будет, только если у тебя есть две палки — длинная и короткая. Так что выражение звучать должно так: «им короткая палка достается».

Я бы подумала обо всем этом еще немного, да голова, боюсь, разболится. У меня такое бывает, когда пытаюсь сосредоточиться на бессмысленных вещах.

И тогда я снова возвращаюсь к невеселым мыслям о Л. Фрэнке Бауме. Услышав слова «Волшебник из страны Оз», большинство людей вспомнят Джуди Гарленд, а никак не человека, который написал восемьдесят три рассказа и больше двухсот стихотворений.

Он даже в Голливуд отправился писать сценарии для фильмов, вот только тот, что лег в основу знаменитого фильма по книге Баума, написал кто-то другой. Хотя тогда ведь еще не умели снимать фильмы со звуком, так что оно и к лучшему, наверное, что подзадержались.

А вот и самое, наверное, главное, что я вычитала про Л. Фрэнка Баума — он был мечтательным ребенком, который часто болел.

Мне очень нравится, что он был мечтателем.

Притом, наверное, еще и невысоким — вот и выдумал своих гномов, потому что знал про людей с ростом меньше среднего не понаслышке. Правда, я тут же обнаруживаю, что росту в нем было метр восемьдесят пять.

Тогда я решаю поискать в интернете про невысоких писателей и обнаруживаю, что М. Барри, который написал «Питера Пэна», был ростом всего метр пятьдесят семь. Потому-то, может, и писал о тех, кто не хочет взрослеть.

Интересно вообще узнавать такие важные детали о писателях. Обязательно расскажу Шону Барру, что я читала про Л. Фрэнка Баума. Он говорит, что по мере подготовки спектакль воспринимается все глубже, и каждый день все больше узнаешь о том, что делаешь.

И вот я узнаю сегодня, что в начале всего был человек, которому пришла в голову идея, и он эту идею записал, а потом одно за другим пошло до самого сегодняшнего дня, когда я попросила ортодонта взяться за выпрямление моих зубов попозже.

А человек тот, в начале всего, был писателем.

Мне от такого нового моего знания радостно, и я очень хочу поделиться им с Шоном Барром.

Ничто так не радует взрослого, как ребенок, который сам по себе берется что-то изучать.

К нам в дом приходит Олив.

Она — моя первая взрослая подруга.

Учителя, родственники или родители моих друзей не в счет, потому что им законы нашего общества велют быть со мною приветливыми. Эти законы хоть и неписанные, но люди их исполняют.

Ну взять хотя бы прическу.

Нет такого закона, чтобы ты обязательно стригся. Но стричься надо.

И белье менять регулярно.

Со временем эти законы понемногу меняются. К лучшему, надеюсь, — хотя мне-то откуда знать?

Жаль, что Пайпер с Кайли не увидят, как Олив сегодня выглядит. Она подобрала очень элегантный наряд и смотрится совсем по-другому, чем на репетициях. На ней ярко-желтый сарафан и бледно-голубые сандалии на пробковой платформе сантиметров восьми, наверное, высотой.

Не представляю, как она вообще в них ходит?

И не сказать, чтобы она теперь надо мной возвышалась, но у меня невольно возникает чувство, будто Олив за ночь выросла и меня разом обогнала. В этом сарафане, сандалиях и с золотыми кольцами

в ушах она гораздо больше похожа на взрослую, чем раньше.

Я таращусь на нее во все глаза, хотя это и невежливо, а потом говорю (но так, чтобы это по-хорошему прозвучало):

— Господи ты боже мой, Олив!

Олив улыбается, и тут я понимаю, что она еще и губы накрасила красной помадой. И улыбка уверенная такая — я бы даже сказала, сильная.

Я говорю:

— Зайдешь?

Олив смотрит на телефон:

— Джанни уже на месте. Написал только что. Чуть дальше по улице стоит.

Значит, заходить ей и правда не стоит, так что я кричу через плечо:

— Я к миссис Чан!

В ответ ни звука.

У мамы сейчас телефонный разговор с менеджером по продажам, и до нее в такие моменты не докричишься. Рэнди ушел в боулинг играть. Где Тим, я и знать не знаю, а папа машину моет. Ну а Рамон здесь больше не живет, и у меня тут же невольно мелькает мысль: а где же он тогда? Наверное, в собачьем раю, где бы тот ни находился.

Я захлопываю дверь и показываю Олив налево:

— Она там живет.

Наверное, Олив уже давно освоила эти пробковые ходули, потому что она умудряется шагать бы-

стрее меня, а ведь я надела свои самые удобные сандалии.

Вскоре мы встречаем Джанни. Он сидит в пикапе, припаркованном прямо перед садом миссис Чан, и при виде нас опускает стекло:

— Здравствуйте, дамы.

Сегодня его волосы стянуты в хвост, и я этому рада — так Джанни выглядит более собранным.

Олив сбавляет шаг, и хорошо, что так, а то мы будто спортивной ходьбой занимались. Она поднимает руку и машет Джанни. Я тоже.

Миссис Вэнсил говорила, что каждому из нас нужен образец для подражания. Для нее, думаю, это была Элеонора Рузвельт. Наша учительница явно питала слабость к этой женщине, которая много-много-много лет назад была женой президента Америки. Элеонора Рузвельт была общественной деятельницей, носила нелепые шляпки и помогала тем, кого игнорировали окружающие. Все это я узнала на наших уроках истории.

Рядом со столом миссис Вэнсил висит фотография Элеоноры Рузвельт, и я очень часто глядела в ее черно-белые глаза, когда теряла суть происходящего на уроке (особенно часто это случалось на математике).

Если уж в математических действиях заплутал, лучше всего поскорее выкинуть из головы все цифры, чтобы не громоздились там, как пластиковые стаканчики в урне у выхода из столовой.

До встречи с Олив моим образцом для подражания была Элеонора Рузвельт.

Сейчас все изменилось.

Теперь я знаю, что гораздо лучше, когда тот, кому ты подражаешь, живой, и ты с ним знаком. Так ты куда как больше полезного узнаешь. Элеонора Рузвельт мне по-прежнему нравится, но с Олив ей никак не сравниться.

Да и никому другому тоже.

Когда мы подходим к пикапу, Джанни уже стоит на тротуаре. На нем голубые брюки и белая рубашка с воротником. Очень профессионально смотрится. Под мышкой у Джанни зажат блокнот, а в руке он держит сумку. Тут я и вспоминаю, что забыла прихватить картинки с летучими обезьянами. Хоть бы он взять догадался.

— Вы обе сегодня просто очаровательны. Прекрасный сарафан, Олив. Отличные носки, Малышка.

Олив улыбается, и я вместе с ней.

Ее одежду сложно не заметить, а вот то, что Джанни и мои носки угадал, это для меня очень приятный комплимент. Я эти носки уже месяца два как купила в книжном магазине на подарочный сертификат, который мне Бен и Анна подарили, друзья родителей. Думали, наверное, что я книгу выберу, но в этих магазинах еще много такого есть, что может стать отличным подарком.

Я спрашиваю Джанни:

— А что в сумке?

Мне и правда интересно, а еще я спрашиваю, чтобы не было неловкого молчания. Олив, вижу, вся вспотела — зря все-таки она на эдакой подошве так быстро бегают.

Джанни говорит:

— Подвес захватил, чтобы показать твоей подруге.

Тут-то я вспоминаю, что мы не просто так собрались, а по делу — убедить миссис Чан сделать нам костюмы. Я поворачиваюсь, иду к входной двери и на ходу бросаю:

— Говорить буду я.

Не знаю даже, с чего это у меня вырвалось. Я ведь еще ребенок. Наверное, тоже хочется участвовать во всем на равных.

Сзади смех раздается.

Что ж, хоть людей повеселю.

Я нажимаю на кнопку звонка в тот самый миг, когда дверь распахивается.

Миссис Чан стоит на пороге.

На ней костюм летучей обезьяны.

Мы все замираем, но Олив с Джанни явно сильнее удивились, чем я. Я-то про эту женщину уже кое-что знаю, так что прихожу в себя первой:

— Вы уже, наверное, знаете, зачем мы тут.

Миссис Чан распахивает дверь пошире и говорит:

— Добро пожаловать, заходите. Я вас ждала.

Я вступаю в дом, Олив с Джанни идут следом.

Олив никак не может отвести глаз от миссис Чан. Она не стала наносить на лицо грим, но, если не счи-

тать этой мелочи, костюм полностью готов. Значит, ничего страшного, что я забыла дома фотографии из фильма.

Олив говорит:

— У вас изумительный костюм.

— Спасибо, — откликается миссис Чан, — времени было немного, но получилось, кажется, неплохо.

— Преуменьшаете! — восклицает Джанни.

Мы идем в гостиную, где миссис Чан накрыла стол.

Вокруг бледно-лилового чайника на черных бумажных салфетках с золотыми звездами стоят фиолетовые чашки. Я вижу горку крекеров рядом с каким-то белым пушистым облачком, пронизанным полосками зеленого и голубого.

Сыр (если это, конечно, он) такой же белый, как ноги бабушки Рукавички, когда она надевает купальник. Она никогда не загорает.

Чуть дальше стоит миска с самыми крошечными огурцами, которые мне когда-либо приходилось видеть. Дальше тарелка с конфетами в обертках из разноцветной фольги и блюдо с круглыми печеньями в россыпи черных семечек. А может, это и не печенье вовсе, а тоже крекеры.

Бабушка Рукавичка всю эту картину назвала бы головокружительной.

А я — сбивающей с толку.

Но только миссис Чан в своем костюме выглядит куда как удивительнее, чем все то, что она сегодня выставила на стол.

Я сажусь на мятно-зеленый стульчик и очень рада, что миссис Чан усаживается рядом со мной. Олив с Джанни остается плюхнуться на пушистый оранжевый диван. Я жду, пока они оценят окружающую обстановку, и не разочаровываюсь.

— Потрясающий столик, — говорит Джанни.

Миссис Чан кивает:

— Спасибо. Я его сама сделала.

— И всех кукол на стенах тоже, — добавляю я, — да и вообще почти все, что тут есть.

Джанни с Олив обводят комнату глазами.

— Я правда потрясен, — говорит Джанни.

А Олив просто изумленно вертит головой по сторонам.

Мне от всего этого становится совсем хорошо. Я странным образом ощущаю собственную причастность к великолепию дома миссис Чан — ведь это же я привела сюда своих новых друзей.

Необычность миссис Чан и меня делает необычной.

Мне надо обязательно все это хорошенько обдумать дома, чтобы понять, как и дальше такое проводить — быть необычной, ничего необычного при этом не делая.

А потом Джанни говорит:

— Так расскажите же нам про ваш костюм.

Миссис Чан осматривает свой наряд и говорит:

— Крылья можно снять. Я не знаю, как вы планируете крепить трос.

Олив спрашивает:

— Вы профессиональный костюмер?

Костюмер. Мне нравится это слово, и я предвкусываю ответ миссис Чан. Жаль только, что я сейчас не в своих колпаке и башмаках.

— Есть небольшой опыт, — отвечает миссис Чан. — Я много лет назад швеей начинала. Потом была балериной и хореографом в Лондоне, дизайнером одежды в Нью-Йорке, ну а напоследок ставила кое-какие визуальные эффекты в Лос-Анджелесе.

Мне приходится себя буквально стиснуть в кулак, чтобы тут же не вскочить с воплем: «Так что ж вы тогда в этом городишке маргаритки на Оук-стрит выращиваете?»

К счастью, Олив спрашивает это за меня:

— А здесь вы как оказались?

Плечи миссис Чан поднимаются, она едва заметно поджимает губы, а потом, спустя несколько секунд (притом явно не самых приятных), говорит:

— Я приехала сюда, чтобы быть ближе к дочери.

Я уже немного знаю миссис Чан, но такое выражение на ее лице вижу впервые. Выглядит так, будто перед ней только что поставили полный поднос слизняков.

Нам всем становится неловко, потому что больше она не говорит ни слова.

Мне хочется сказать что-нибудь вроде «Как ваша дочь поживает?», но я молчу и надеюсь, что вот-вот

будут какие-то пояснения, да только миссис Чан просто сидит и отсутствующе смотрит в окно.

Тогда я решаю получше рассмотреть пол.

И тут же обнаруживаю, что ковер, оказывается, изукрашен силуэтами морских коньков, а ведь я их обожаю.

— Надо же, — говорю, — никогда еще не видела ковра с морскими коньками.

— Он очень старый, — отзывается миссис Чан, — турецкий.

— Самцы коньков носят яйца в сумке у себя на брюшке, — сообщаю я всем. — Как кенгуру. Все на себя берут.

К счастью, такая самоотверженность морских коньков уводит нас от обсуждения дочери миссис Чан и возвращает к костюмам летучих обезьян. Это потому, наверное, что и коньки, и обезьяны — животные.

Олив с Джанни рассматривают швы костюма, а потом миссис Чан снимает шапку, чтобы мы и ее могли разглядеть получше. Олив держит ее, словно королевскую корону.

А у Джанни не меньший восторг вызывают крылья, которые будто бы прямо от спины идут, а на самом деле крепятся на две соединенные между собой лямки.

Костюм вообще буквально напичкан разными пуговицами, молниями и даже липучками.

Мне интересно, где миссис Чан раздобыла все эти

перья для крыльев, но я решаю попридержать свои вопросы.

Джанни вытаскивает из сумки подвес, и, к нашему общему удивлению, выясняется, что миссис Чан уже работала с такими штуками. Она показывает, как, по ее мнению, стоит пропустить стропы под крылья и потом спрятать под курточкой. Даже отверстие под крюк в спине костюма уже проделала.

Просто потрясающе.

Наконец Джанни начинает:

— Миссис Чан...

— Прошу вас, — прерывает она, — зовите меня Ян.

А я ведь до сих пор и не знала ее имени. Даже не думала, что у нее еще что-то может быть, кроме фамилии. Взрослым без имен даже лучше, потому что порой они бывают нелепыми. Лично я буду ее по-прежнему называть миссис Чан.

— Ян, — говорит Джанни, — в бюджете постановки есть деньги на костюмы, и мы пришли спросить, не согласитесь ли вы принять участие в спектакле.

Мы все ждем.

Тут бы ему, думаю, самое время выложить на стол картинки с костюмами Адриана Гринберга. Но нет.

Сперва миссис Чан разливает чай по фиолетовым чашечкам. Потом аккуратно кладет на край каждого блюдечка по крекеру (или печенью) и передает первую чашку Олив. Я получаю следующую, а потом и Джанни. Наконец миссис Чан наливает чай себе и отпивает маленький глоточек.

Лучше бы миссис Чан холодным кофе угощала — с ним у меня побольше опыта будет. В чае нет ни молока, ни сахара, поэтому нечему заслонить тот печальный факт, что на вкус эта жидкость напоминает смесь горькой травы с грязью. Я бы выплюнула все обратно в чашку, но так делать нельзя.

Мы всё ждем. Наконец она говорит:

— Это интересное предложение. Но деньги тут ни при чем.

Я делаю здоровенный глоток и говорю:

— Отлично! Я знала, что вы согласитесь!

Но миссис Чан не сводит взгляда с Джанни. Она говорит:

— Я согласна сделать костюмы только при одном условии, и речь не о деньгах.

Джанни кивает:

— Конечно.

— Чего вы хотите? — это Олив.

Я тоже не хочу остаться в стороне и встречаю:

— Просто скажите, что делать!

Миссис Чан отставляет чашечку и встает из-за стола. Потом делает несколько шагов от своего чудного столика и замирает в потоках солнца из обращенного в сад окна. Поднимает руки, так что крылья у нее за спиной распахиваются, и говорит:

— Я хочу быть одной из обезьян. Хочу участвовать в шоу.

Вот это поворот.

Мы все молчим.

Она всерьез, что ли? Ей сколько лет-то?

Я бы в жизни не согласилась подвесить бабушку Рукавичку на стропы, а она явно будет помоложе миссис Чан.

Олив переводит взгляд на меня, потом на Джанни, а затем снова поворачивается к миссис Чан.

Джанни пристально смотрит на хозяйку дома.

— Я не могу говорить за режиссера, — наконец произносит он, — но постараюсь поддержать вас всем, чем смогу.

Миссис Чан опускает руки и возвращается на свой стульчик, аккуратно поправив крылья, чтобы не помешали сесть. Она улыбается — но так, будто изо всех сил пытается не рассмеяться в голос. И говорит:

— Я вас не подведу.

После этого Джанни с Олив допивают свой чай, то и дело благодарно кивая. А я даже не притворяюсь, что хоть сколько-нибудь заинтересована в угощении, и чашка моя так и остается на блюде.

Я лихорадочно пытаюсь понять, что же все это означает.

Все молчат, так что я решаюсь задать вопрос и говорю:

— Миссис Чан, а когда у вас день рождения?

Миссис Чан слегка наклоняет голову — совсем как насторожившийся из-за чего-то Рамон. Ну, например, если он услышал скачущую по забору заднего двора белку. Потом отвечает:

— Седьмого августа.

— Отлично, — говорю, — семерка — прекрасное число!

Я сама не понимаю, что хочу сказать. По мне, так нет чисел лучше или хуже. У меня от всех них одни только неприятности.

Но миссис Чан видит меня насквозь, потому что говорит:

— Мне семьдесят шесть лет.

Я улыбаюсь так, что, наверно, все зубы видать.

И Олив с Джанни тоже.

Это улыбки искреннего удивления.

Я думаю о том, что есть, наверно, ограничения для полетов над сценой, но тут миссис Чан берет печенье и говорит, вонзив нож в самую середину белого облачка с зеленым и голубым:

— Голубого сыра с крекерами не хотите?

Значит, это все-таки были крекеры.

И тут я ляпаю:

— Нет, спасибо, от него потными ногами пахнет.

После этого мы особо не задерживаемся.

Джанни говорит, что ему пора в театр, какую-то посылку со светом принимать — в смысле, с осветительным оборудованием. Это мне Олив на ухо шепнула.

Перед уходом Джанни фотографирует мисс Чан на свой телефон.

Фото получается отличное.

А я между тем аккуратно сворачиваю одну из черных салфеток с золотыми звездами и, пока никто не

видит, заправляю ее себе в носок. Это не кража — салфетка ведь бумажная, да и чай капнул на нее пару раз, так что миссис Чан ее все равно бы выбросила.

После этого мы прощаемся.

Джанни записывает номер телефона миссис Чан и обещает ей позвонить. Мы выходим через сад на улицу. Джанни открывает пассажирскую дверь своего пикапа для Олив.

Перед тем как залезть внутрь, она кидает на сиденье свою сумочку и садится сверху. Сумочка у нее большая — почти как те, в которые люди собирают вещи, когда летят куда-то на самолете. Усевшись, Олив расправляет платье, и сумочка исчезает. Теперь она кажется гораздо выше и больше не похожа на ребенка.

Интересненько.

Олив хлопает по сиденью рядом с собой:

— Залезай, Малышка.

Мне пока рановато носить такую большую сумочку (да еще с кожаными ручками, как у Олив), но на будущее я этот трюк запомню.

Вот почему так важно иметь образец для подражания. И серьги-кольца я себе тоже обязательно куплю, когда вырасту.

Миссис Чан выходит к калитке, чтобы проводить нас.

Она до сих пор не сняла свой костюм и стоит прямо в нем рядом с целой гроздью красных цветов. Не знаю, каких именно, — когда ко мне в голову попада-

ют названия цветов и растений, они мигом проваливаются в бездонную черную пропасть.

Миссис Чан поднимает руку, чтобы нам помахать, и луч света пронзает распахнувшееся правое крыло, делая его оранжевым.

Картина удивительная.

Джанни заводит двигатель, мы все машем, и машина отъезжает.

Пикап едет по улице, а там, где дорога сворачивает под холм, Джанни жмет на тормоз и паркуется у обочины. Мы только что проехали мой дом, но я даже не шелохнулась, мы все в каком-то оцепенении. И тут Олив начинает смеяться. За ней Джанни.

А раз они смеются, значит, и мне можно.

И вот уже мы все трое хохочем и никак не можем остановиться. Раньше мне не раз приходилось слышать про смех, от которого можно сложиться пополам — и теперь я понимаю, что это ничуть не преувеличение.

А потом Олив спрашивает:

— Что вообще только что произошло?

Джанни говорит:

— Кажется, мы заполучили нового члена трупы.

— А кто, — спрашивает Олив, не прекращая смеяться, — расскажет все Шону Барру?

И тут я, не желая отставать от общего веселья, кричу:

— Малышка!

Сперва я и правда решила, что рассказывать нашему режиссеру про нового семидесятишестилетнего члена труппы предстоит мне одной.

Да только это оказалась шуткой. К Шону Барру мы поедem все вместе. Это куда как интереснее, чем визит к миссис Чан! Я еду по делу с двумя взрослыми!

Но без разрешения родителей тут никак.

Я иду в дом. Мама по-прежнему говорит по телефону про какие-то декоративные камни и засухоустойчивые растения. Короткий кивок — вот и весь ответ на листок бумаги, который я вешаю прямо перед ней на шкаф.

Там написано:

*Я уезжаю со своими друзьями Олив и Джанни
к нашему режиссеру. Потом позвоню.*

Я почти уверена, что реакция была бы точно такой же, напиши я что-нибудь вроде:

Я уезжаю на Северный полюс. Вернусь к ужину.

Пожалуй, и Рэнди можно было бы с собой взять, но он смотрит черно-белый фильм про пиратов, так что я решаю не мешать.

К тому же я хочу быть единственным ребенком в этом приключении. Вспомнив о салфетке, вытаскиваю ее из носка, бросаю на свою кровать и выбегаю на улицу.

Когда я подхожу к пикапу, Джанни с Олив весело болтают. Джанни включил радио, а Олив рассказывает ему какую-то историю, в которой есть скейтборд, попугай и пирог с лимонным безе. Жаль, что я пропустила начало, потому что Джанни явно очень интересно, да к тому же я такие пироги люблю.

Я залезаю на переднее сиденье, и Олив пододвигается поближе к Джанни, как будто хочет освободить местечко для меня. Вот только мне столько точно не нужно. Похоже, она просто хочет оказаться поближе к Джанни. При этом она спокойно удерживается на своей сумочке. Меня такая ловкость впечатляет, но я молчу.

— Ну что, Малышка? — спрашивает Джанни. — В путь?

— Ага, — говорю. — Мама занята своим учетом. Конец месяца не самое веселое времечко, когда ты зарабатываешь на жизнь продажами брусчатки.

Джанни это нравится, потому что он говорит:

— А ты мудра не по годам.

И тут Олив говорит будто из динамика:

— Убедитесь, пожалуйста, что ваши ремни безопасности пристегнуты и надежно закреплены на талии.

Точь-в-точь стюардесса!

Я подхватываю:

— Мои ремни пристегнуты, а столик и спинка кресла приведены в вертикальное положение.

Год назад я летала самолетом на семейную встречу в доме тети Вив и дяди Шермана. Они живут в Солт-Лейк-Сити. Я еще, помню, расстроилась, что нигде в тех краях Пеппер-Лейк-Сити не оказалось*.

Ну а Джанни теперь наш пилот, и он говорит:

— Взлет разрешаю.

Он жмет на газ, причем явно сильнее обычного, потому что пикап буквально срывается с места. Вряд ли это опасно, но все же я рада, что мама занята телефоном и нас не видит.

Спустя несколько мгновений Джанни включает радио на полную. Этой песни я не знаю, но почти сразу гремит куплет — целый хор истошно скандирует: «Раз-два-три, ты на нас посмотри — мы очень круты, как ни крути!»

Хоть они и музыканты, но урок физкультуры тоже запросто смогли бы провести.

Песня странным образом захватывает нас, и мы все трое начинаем выкрикивать припев:

* Солт-Лейк-Сити переводится с английского как город соленого озера, или город озера соли, ну а Пеппер-Лейк-Сити — город перечного озера, или город озера перца.

— Раз-два-три, ты на нас посмотри — мы очень круты, как ни крути!

Всегда удивлялась тому, насколько цепляющей может оказаться самая простенькая песня. Мама с папой часто включают одну такую из стареньких, называется «Да будет так». Кажется, здорово их успокаивает.

Может, весь фокус в том, что любая большая и захватывающая идея по сути та же маленькая и простая, только надо уметь подать ее правильно?

Я бы эту теорию обдумала хорошенько, но сейчас для этого не время, потому что мы все втроем распеваем в голос: «Раз-два-три, ты на нас посмотри — мы очень круты, как ни крути!» Не хочу голову забивать мыслями, слишком уж мне весело.

В уголке зеркала заднего вида я замечаю отражение Олив, и, кажется, я в жизни еще не видела никого настолько счастливого. Песня заканчивается, и мы поскорее выключаем радио, чтобы можно было дальше распевать припев. Выучить-то его проще простого — там всего дюжина слов. Однако и это дело понемногу начинает надоедать, но тут Джанни останавливает пикап перед мотелем на Одиннадцатой улице.

Я мимо этого места миллион раз, наверное, проезжала, но сейчас обращаю на него внимание впервые. На желтой деревянной вывеске у входа серыми квадратными буквами выведено: «Мотель "Бухта"».

Интересное название, особенно если учесть, что

никакого моря в окрестностях нашего города отродясь не бывало. Мы почти в ста километрах от побережья, а в самом городе только и есть что речка да искусственное озеро. И никаких бухт. Может, это у хозяина такая фамилия? Я знавала одну женщину, которая работала в библиотеке, ее Сьюзан Бухт звали. Очень доброй была. Или, может, это лошадь так копытами топает — бухт-бухт-бухт... Или нет?

Лошадей я боюсь вообще-то. Мне мама как-то рассказала, что в детстве ее подругу, Ди Ди Эдисон, злой жеребец прямо в голову лягнул.

— Мотель «Бухта»? — говорю. — Здесь Шон Барр остановился?

— Это хороший мотель, с пансионом. Мы тут все живем, — говорит Джанни. Наверное, они в моем голосе услышали разочарование.

С каким таким пансионом, думаю, — старички тут, что ли, живут? Но спрашивать не стала, потому что рассматриваю здание.

«Бухта» эта похожа на маленькую букву «п». Всего два этажа, на обоих номера, а посреди двора круглый бассейн. Причем вода в нем зеленая — то ли специально, то ли фильтры со стенками давно не чистили. Но когда я подхожу ближе, то вижу, что все бортики украшены рядами крошечных изумрудных стекляшек и чуть ли не светятся от этого. Красота!

Дети бассейны любят. Я на воду как взглянула, так и оторваться не могу. Хочу Олив за руку потя-

нуть, но ее возможность искупаться не особо интересует. Она сам мотель рассматривает, а потом говорит:

— Роскошь какая, прямо модерном вест, середина прошлого века!

Середина прошлого века очень давно была — тогда, видно, его и построили. Я в ответ на ее слова согласно киваю. Вот только ни аппарата с газировкой здесь нет, ни надувных игрушек в бассейне. Да и людей что-то не видеть.

Зато слышно, как где-то работает телевизор и жужжит пылесос.

Прямо перед нами ресепшен, но за стойкой никого нет. Дальше прачечная со стиральной машиной и сушилкой, которая как раз работает. А перед ней на длинном столе — большущая груда одежды. Так лежит, не сложенная. А на самой вершине этой кучи чьи-то трусы. Неловко, конечно.

У нас дома если сухое белье из машинки вытащил, изволь его сложить. Потому-то я к стиралке с сушилкой лишний раз стараюсь не подходить.

Я до сегодняшнего дня в мотелях бывала только вместе со всей семьей. Большие такие здания с огромными парковками, длинные коридоры с коврами, автоматы со льдом на каждом этаже и работники за компьютерами в фойе. Там еще обычно музыка играет, и стоят стойки с картами и рекламой всяких местных развлечений.

Джанни идет прямо во внутренний дворик,

который хоть и выложен плиткой, но не так, как я привыкла. Плитка не обычная, красная, а горчичного цвета, и положена наискосок. Интересно смотрится.

Джанни останавливается у двери с номером семь и стучит.

Никто не откликается, так что Джанни стучит еще раз, погромче.

— Кто там? — раздается голос Шона Барра.

— Это Джанни. Со мной еще Олив и Малышка.

И тут я вдруг думаю, что лучше бы он меня Джулией назвал. Тогда я с остальными была бы вроде как на равных.

Мы снова слышим Шона Барра:

— И зачем ты их сюда привел?

Голос у него усталый и не очень-то дружелюбный. Не понял, наверное, что мы стоим и все слышим.

Джанни оглядывается на нас и пожимает плечами. Потом снова к закрытой двери поворачивается:

— Можно войти? Мы с костюмером встречались, и теперь с вами поговорить надо.

Шон Барр говорит что-то, но так быстро, что я не могу разобрать. Будто несколько слов в одно слились. Наконец мы слышим:

— Заходите.

Джанни поворачивает ручку и толкает дверь.

Вдоль стены комнаты Шона Барра тянется вереница маленьких круглых окошек, совсем как на корабле. Я тут же понимаю, что хочу к себе в комнату

такое же. Из круглого окна на мир как-то сосредоточеннее смотрится.

От окон я перевожу глаза на комнату, чтобы хорошенько ее разглядеть — и первое, что вижу, это книги. Тут их целые груды.

Я рада, что Шон Барр любит читать. Бабушка Рукавичка говорит, что интересного человека видно по обложкам — и это она не про одежду.

У меня самой книг в комнате немало, но большую часть из них я не прочла. Это все подарки. Выходит, я не слишком интересный человек. Хотя, если у тебя интересная бабушка и такие же родители, ты и сам, наверное, не безнадежен.

Шон Барр в этом городе даже не живет, а все равно привез с собой уйму книг — толстых, в твердых обложках, и потоньше (это, наверное, пьесы). У стены стоит хлипкий столик с компьютером, а под ним — маленький урчащий холодильник. Дальше — раковина металлическая и электрочайник с вилкой в розетке. А рядом с изящными чашечками и блюдами на этом же столике стоит один из тех пластмасовых медвежат, в которых продают мед. Мне такие очень нравятся.

Но самое интересное я обнаруживаю в углу. Это чемодан из великолепной кожи с медными застежками и вычурной ручкой. По его центру проходит толстая кожаная лента, а углы укреплены причудливой строчкой. Тут я не удерживаюсь и говорю:

— В жизни не видела чемодана красивее.

Шон Барр лежит на кровати, но не навзничь. Чуть наклоняется, чтобы взглянуть между Олив и Джанни, и говорит:

— Это «Свейн Эдени Бригг лакшери транк».

— О!

— Из Англии.

Я киваю. Больше никогда этих слов не вспомню. А чемодан никогда не забуду.

Шон Барр полулежит, опершись спиной на подушки. На нем спортивные штаны персикового цвета и белая рубашка, а на носу очки. Вот только рубашка расстегнута, и я впервые замечая, что у него есть небольшое брюшко. А кожа загорелая, так что, наверное, он время от времени загорает у местного бассейна. На груди — треугольник волос, похожих на белые вьющиеся проводки.

— Похоже, у нас проблемы, — говорит он. — Вон какой вы делегацией явились. Значит, что-то не так.

Джанни смотрит на Олив, на меня и говорит:

— Мы виделись с костюмером. Она невероятно талантливая и готова сделать для нас столько костюмов, сколько понадобится.

— Что ты говоришь! — Шон Барр оживает и смотрит поверх своих очков.

Никогда этого выражения не понимала — Джанни сказал то, что сказал, так зачем переспрашивать?

Я жду. А Джанни продолжает:

— И еще одна хорошая новость — она в деньгах не слишком заинтересована.

Теперь Шон Барр его уже прямо-таки ест глазами. Приподнялся на своих подушках, но потом, видно, ему новая мысль в голову пришла:

— Но если бы все было хорошо, вы бы сейчас не стояли с такими лицами.

Все точно так, как он говорит на репетиции: «Наши тела способны выразить свои чувства без всяких слов».

Олив делает к нему шаг:

— Она тоже хочет в постановке участвовать.

— Кто? — Шон Барр переводит взгляд на Олив.

— Миссис Чан, — говорит Джанни.

— Костюмер, — уточняет Олив.

— Моя соседка! — это уже я спешу добавить.

Шон Барр на миг замирает и переспрашивает:

— Костюмерша хочет участвовать в спектакле? Только не говорите, что она на роль Дороти глаз положила! У нас с Джиллиан Моффат контракт!

— Нет-нет, — говорю я, — не Дороти. Миссис Чан даже никаких слов не просит.

Шон Барр улыбается, в глазах у него появляется искорка, и он восклицает:

— Отлично! У нас в сценах с Изумрудным городом уйма места есть, туда кого угодно можно поставить. В хор ее определим. Вообще не вопрос!

— Не получится, — говорит Джанни.

— Она летучей обезьяной хочет быть, — добавляет Олив.

Шон Барр перестает улыбаться, а на лбу у него появляются складки.

— Ладно, Джанни, — говорит он, чуть помолчав, — ты у нас по этим делам спец. Она потянет? Сможет со стропами работать? Что не так? Слишком тяжелая, что ли?

Джанни вертит головой:

— Да нет, тут не в весе проблема.

Шон Барр начинает злиться и повышает голос:

— Так в чем тогда?

Тут уж я от дверей голос подаю:

— Ей семьдесят шесть! Совсем старушка!

Все трое ко мне повернулись и смотрят.

И я добавляю:

— Но она в отличной форме! А еще очень хорошая. Очень-очень!

У Шона Барра аж очки с носа соскочили. И сам он изменился. Теперь он уже в одной лодке с нами, потому что все знает.

— А мне семьдесят семь, — говорит.

Удивительно! Я, конечно, знала, что он старый, но чтоб настолько!

Наверное, после какого-то возраста ты уже просто старый, а точная цифра значения больше не имеет.

Шон Барр молчит. Ему есть о чем подумать, особенно с учетом того, что они с миссис Чан почти ровесники. Я замечаю, что лицо у него налилось краской.

— Не годится она в летучие обезьяны.

— Вы же даже еще ее не видели, — возражает Олив.

Шон Барр уставился на Олив и говорит:

— И не собираюсь.

Такие его слова Олив явно задевают, она прямо-таки встрепенулась:

— Это дискриминация! Я каждый день с таким сталкиваюсь, все только и делают, что на меня свысока смотрят! Это называется хайтизм*!

Разве есть такое слово? Я хоть примерно и понимаю, что оно значит, но только впервые слышу.

Шон Барр поднимает руку, останавливая ее:

— Нет тут никакой дискриминации.

Олив делает глубокий вдох:

— Нет, дайте я докажу.

И этого я тоже не понимаю. Доказывают обычно теоремы на геометрии. Хотя, может, я не расслышала, и Олив сказала «я доскажу»? Тогда все ясно — хочет свои слова до конца сказать, как роль на сцене, и чтобы ее не прерывали.

Может, об этом речь?

Не знаю. Но и выяснять это сейчас явно не стоит.

Олив с лёту доказывает (или досказывает):

— Раз есть предвзятость, значит, есть и дискриминация!

* Х а й т и з м — слово образовано от англ. height (рост) и обозначает дискриминацию, то есть пренебрежение или, наоборот, чрезмерно навязчивое внимание к людям слишком низкого или слишком высокого роста.

Тут уж я не выдерживаю:

— А предвзятость — это что?

Она резко поворачивается ко мне. По лицу вижу, что она рада моему вопросу:

— Это когда люди заранее составляют себе мнение о чем-то и действуют, исходя из него.

Не сказать, чтобы я поняла, но все равно внимательно слушаю. Одно ясно — Олив за словом в карман не лезет и речи умеет произносить хорошо.

Да еще эти сандалии высоченные. Правда, у меня при взгляде на них возникает такое чувство, будто Олив того и гляди потеряет равновесие и шлепнется на пол. Это как смотреть на гоночные машины, которые носятся по трассе, словно сумасшедшие, — волей-неволей начинаешь ждать, когда какая-нибудь из них на повороте врежется в стену.

Я такое по телевизору смотреть не люблю, а вот Тиму нравится.

Голос Олив звенит от эмоций:

— Когда люди на меня смотрят, то они сначала видят коротышку, которая ниже их, а уже потом только замечают, что я женщина и цветная.

Тут она, конечно, права. Я сама, когда мы встретились, первым делом ее рост оценила — подумала еще, что она ребенок.

Но вот то, что она цветная, я до сегодняшнего дня даже не подозревала.

Теперь приглядываюсь. А ведь и правда, волосы

черные-пречерные и кожа смуглая. Я раньше думала, что это просто сильный загар.

Я пытаюсь вспомнить фамилию Олив, но не могу. Наверное, мне и правда ее рост заслонил все остальное. И какой же она, интересно, расы? Латинской? Может, из индейцев? Индия? Филиппины?

Одно я знаю точно — детективом мне, когда расту, не бывать. Слишком многого не замечаю.

А Олив тем временем опять начинает говорить:

— Когда я сегодня встретилась с Ян Чан, то прежде всего увидела очень живую и интересную женщину. Возраст там вообще ни при чем. Я уверена, что ее стоит пригласить на прослушивание.

Шону Барру, похоже, все это надоело. Он пока не кричит, но уже на грани.

— Ты закончила? — спрашивает.

— Пожалуй, — кивает Олив.

— Тогда сядь. — Голос Шона Барра было бы слышно во всех концах нашей здоровенной школьной столовой.

Олив делает несколько шагов к единственному стулу с гнутыми ножками возле окна и опускается на него. Джанни подходит к ней поближе, и это очень славный способ поддержать человека. А уж ей-то как приятно, наверное, наконец усестись.

— Я с тобой согласен, — начинает говорить Шон Барр. — Мир полон предрассудков и живет во власти частных мнений и суждений, которые со временем превращаются в неписанные законы. Вот по-

тому-то мы и занимаемся театром. Мы помогаем людям по-новому взглянуть друг на друга и на самих себя.

Я опять забываюсь и вслух говорю:

— А я этого не знала.

Джанни опускает лицо, и я вижу, что он старается сдерживать улыбку. Но я же серьезно говорю, а не шучу!

Но Шон Барр меня не слышит — слишком занят своими мыслями. Голос звенит, словно инструмент в руках у музыканта, и заполняет всю комнату:

— Вот поэтому мы и творим искусство.

У меня после школьного курса «Искусство оригами» это слово связано только с вырезанием и бумажным конструированием (хотя разве можно поделку из листа бумаги называть «конструкцией»?).

А благодаря «Искусству лепки» — со здоровенными комами глины, которые нам выдавали в школе, чтобы мы слепили из них что-нибудь. Потом эти поделки отправлялись в супергорячую печь, а на следующем уроке, неделю спустя, их можно было забрать. Результат всегда оказывался гораздо хуже, чем я себе представляла, потому что за неделю можно невесть что успеть навоображать про свою поделку.

В общем, искусство для меня — это только когда руками что-то делаешь.

Выходит, я ошибалась.

Шон Барр смотрит прямо на меня и говорит:

— Художники, поэты и артисты призывают нас

сосредоточиться на том, что мы видим, слышим и осязаем. Притом они прекрасно знают и про предвзятость, и про дискриминацию. Для борьбы со всем этим они и встают по утрам из своих постелей.

Но это еще не все.

— Я всю свою жизнь, каждый божий день, борюсь с дискриминацией. Мне незачем объяснять, каково это — чувствовать себя не таким, как все. И дискриминация по возрасту — последняя из тех, на которые я напарывался в жизни. Неужели ты думаешь, что мне не довелось с ней столкнуться, когда я решил приехать сюда, в этот городок, на целых семь недель, чтобы ставить наше шоу?

Порой, когда человек говорит что-то явно очень важное (пускай ты даже сказанного и не понял), не остается ничего другого, кроме как дать ему понять, что его услышали.

Я начинаю хлопать.

Думала, что Олив с Джанни ко мне присоединятся, но они не стали.

Олив только плечами пожала.

Джанни поворачивается к Шону Барру и говорит:

— Мы пригласим миссис Чан на пробы. Если сможет выдержать подъем в подвесе, включаем ее в труппу. Костюм для себя она уже сделала.

Тут у Шона Барра появляется еще одна важная мысль, и он говорит Джанни:

— Убедись, что у нее с сердцем нет проблем.

У Рамона были, поэтому он на папино кресло

тогда и залез. Ему инстинкт подсказал забраться в безопасное место перед тем, как случится что-то плохое.

Надеюсь, что, если у миссис Чан были бы проблемы с сердцем, она бы об этом знала. Подвес в пяти метрах над сценой никак не назовешь безопасным местом.

Шон Барр отворачивается к одному из круглых окон и замирает. Волнуется, наверное, представляя, как семидесятишестилетняя женщина будет летать над сценой. Он поднимает книгу, которую читал, и я вижу обложку — «Джо Тернер пришел и ушел».

Никогда про такую не слышала. А написал ее Август Уилсон.

И тут мне вдруг становится ужасно жаль, что родители меня назвали Джулией, а не Августой. Отличное же имя.

Но я родилась в феврале, и дотянуться до августа им воображения не хватило*. Хорошо хоть Февралией не назвали. Такое имя быстро сокращается до прозвища, и звали бы меня тогда просто Фев.

Думаю, человек с таким именем может оказаться большим вруном.

Мы быстро прощаемся с Шоном Барром и выходим в солнечный полдень. Солнце как будто стало светить еще ярче, наверное, потому, что в номере у нашего режиссера царил полумрак. А может, еще

* В английском языке имя Джулия (Julia) созвучно с месяцем июлем (July).

и потому, что мы узнали что-то новое, и теперь нашим взглядам открыто больше.

Я не очень понимаю, что именно только что произошло, но петь «раз-два-три, ты на нас посмотри — мы очень круты, как ни крути» почему-то не хочется.

У нас теперь другое настроение. Мы сами стали другими. Может, каждый сейчас по-своему раздумывает об искусстве.

Я смотрю на здание мотеля, и у меня возникает такое чувство, будто оно сложено из кирпича, а изнутри до самых краев заполнено разными мыслями и идеями. Это, наверное, потому что я знаю про Шона Барра, который там внутри со всеми своими книгами и пьесами, и еще про Джанни — он ведь тоже живет там со своими штуками, благодаря которым люди могут летать.

Когда мы подходим к пикапу, Джанни распахивает перед Олив дверь. Раньше он такого не делал. А она закидывает свою сумку внутрь и на этот раз ничего не скрывает, а просто берет и садится сверху.

И тут я понимаю, что ничего не прихватила для своего альбома на память о мотеле «Бухта», а я очень хочу запомнить этот день.

— Стойте, — говорю, — я кое-что забыла.

Выпрыгиваю из машины и бегу обратно во внутренний дворик. Озираюсь и вижу, что на ресепшене мотеля по-прежнему пусто, так что не у кого попросить открытку или фирменный листок. А дверь в прачечную распахнута настежь, так что я туда и иду.

И тут кое-что нашлось. На донышке перевернутого голубого ведра лежит спичечный коробок, а на нем написано:

Гриль-бар «Желтый кирпич»

А когда переворачиваю коробок, то оказывается, что этот гриль-бар ого-го как далеко отсюда — аж в Канзасе!

Это как какой-то знак свыше. Даже знамение. Ну или просто невероятное совпадение с нашим «Волшебником из страны Оз». Я беру коробок, сую в карман и бегу к пикапу.

Олив с Джанни я про свою находку ничего не рассказываю. В маленьких секретах нет ничего плохого.

Но когда я наконец усаживаюсь, то чувствую, что и у них, кажется, появился какой-то свой секрет. Негромко между собой разговаривают, и я успеваю слышать конец фразы: «...только сначала ее отвезем».

Наверное, хотят съездить поесть мороженого или еще где-нибудь поболтать о дискриминации и искусстве, а я мешаю.

А может, и вовсе сыграют партию в мини-гольф.

И на здоровье, я не против. Мне и так повезло, что я большую часть этого дня была вместе с ними.

До дома ехать всего ничего, но я не переставая гляжу в окно на все то, что уже тысячу раз видела в нашем городе, но ни разу не замечала.

Мне теперь любопытно, что творится за окнами

квартир на Волнат-стрит или кто стоит у кассы цветочного магазина на улице Фэрмонт.

Сколько же там людей, сколько историй за всеми этими дверями и стенами! Гадать не перегадать! К тому же мне очень интересно, сколько всего у нас в городе круглых окон.

И вот еще — а сердце у любого человека может дать сбой?

Шон Барр сказал, что люди по утрам встают из своих постелей ради искусства. Хотя, может, я что-то и перепутала, но он точно сказал, что все мы — артисты.

Уж сам он — так наверняка.

Я должна постараться замечать как можно больше в мире вокруг меня.

Когда я возвращаюсь домой, вижу, что Рэнди возится на кухне — вздумал испечь пирог. Правда, не совсем сам — взял готовую смесь, что продают в коробке, и добавляет в нее воду, масло и яйца. Мама ему даже духовку разрешила включить. А сама по-прежнему в кабинете разговаривает по телефону — наверное, уже о капельных системах для полива.

Я исследую кухню дальше (только глазами). Перед Рэнди стоят две миски и две коробки с готовыми смесями — одна для шоколадного торта, а другая для белого.

Я сажусь за кухонную стойку и гляжу, как Рэнди переливает часть теста то из одной миски, то из дру-

гой в круглые формы. Затем он берет ложку и медленно проводит ею по выложенному в формы тесту.

— Ты что делаешь? — спрашиваю.

— Мраморный торт. Я развел две коробки, так что должно хватить на шесть слоев. Тут теста на два обычных торта.

— А что, день рождения у кого-то?

— Конечно, — говорит. — У кого-то сегодня точно день рождения. Не в нашем доме, да только почему бы и чужой хорошенько не отпраздновать?

Я бы с ним еще поболтала, но мне надо поскорей заняться альбомом. К тому же Рэнди и без меня явно не заскучает.

Чем Рэнди как младший брат хорош, так это своей независимостью.

Местный детский сад находится от нас в восьми кварталах, и, когда Рэнди пошел туда, моей обязанностью было забирать его и приглядывать за ним, пока Тим не вернется из школы. Дельце вроде бы простое, да только Рэнди никогда не ходил по прямой. Вечно то кота погладить остановится, то поглазеть на муравьев. И ни за что не заставишь спешить.

Я всегда старалась прийти домой побыстрее, потому что меня там ждал Рамон. Захожу в дом и первым делом бегу в нашу прачечную, ставлю стул и снимаю с верхней полки коробку с говяжьими палочками. Они у нас хранились в прачечной.

— Еда! — кричу, и Рамон вокруг меня носится кругами, а потом нетерпеливо усаживается.

После того как я битую неделю без толку пыталась подгонять Рэнди, я решила и ему пообещать угощение.

— Нам, — говорю, — побыстрее надо домой, чтобы вы с Рамоном оба поскорее получили свое угощение.

Тут уж он будь здоров зашагал! Поесть Рэнди всегда любил. Зашли в дом; я — за угощением для Рамона, а Рэнди меня догоняет.

— А мне? — говорит.

Я думала ему печенье дать, ну или что-нибудь вроде того, а он возьми да и потребуй говяжьё палочку. И ведь она ему понравилась!

Все замечательно шло до самого Хеллоуина, когда у меня разболелось горло. Мама осталась дома, ну и за Рэнди в детский сад тоже она пошла. Приходят домой, он давай угощение кланчить. Мама пошла на кухню, а Рэнди побежал в прачечную.

— Мне Джулия эти дает, — тычет он пальцем в коробку с говяжьими палочками.

Мамино «Джулия!» за квартал от нас, наверное, было слышно.

А Рэнди мне за все время только один раз пожаловался, что они слегка соленые. Ему нравилось! А сколько веселья было, когда он себя воображал собакой, стоя на четвереньках рядом с Рамоном и выпрашивая угощение!

Не я это все придумала!

А теперь он на кухне химичит, белый торт с шо-

коладным смешивая. Не хочу оказаться виноватой, если опять что-то пойдет не так.

В своей комнате я кладу салфетку с коробком на альбом и уютно сворачиваюсь в постели.

Мне надо многое обдумать.

Видно, что Джанни нравится Олив как-то особенному. И это тем более интересно, что Ларри с Квинси от нее прямо-таки без ума, а Олив этого будто и не замечает.

Не то чтобы я планку занижала, но, думаю, самой мне легче будет подружиться с тем, кому я и так уже нравлюсь. Ну, это когда время придет.

Джанни не местный, к тому же ему приходилось работать со знаменитыми людьми — потому, может, Олив с ним интересней. А может, в сравнении с ним Ларри и Квинси просто ростом не вышли.

Или же Олив всему миру хочет доказать, что может понравиться парню ростом за метр восемьдесят. И, думаю, в этом нет ничего плохого. Но миссис Вэнсил как-то говорила, что в нынешнем мире для многих известность чуть ли не важнее всего, вот люди и готовы на что угодно, лишь бы покрасоваться перед окружающими.

Только если вдруг все захотят красоваться перед другими, то в конце концов некому будет на них любоваться.

Проблемка.

А еще когда красуешься, то о других людях перестаешь думать.

Надеюсь, мы наш спектакль устраиваем не для того, чтобы покрасоваться.

А может, и для этого.

Хороший актер, который творит настоящее искусство, вряд ли станет красоваться — в отличие от плохого.

Ну ладно, а как одного от другого отличить?

Если искусство — это не листки бумаги, из которых делаешь картину в три цвета и три геометрические фигуры, если искусство помогает людям увидеть себя и мир в новом свете, то, наверное, это именно то, чем я хочу заняться, когда вырасту.

Интересно, можно ли этим заработать на жизнь?

Надо вклеить что-нибудь в альбом, чтобы не забыть эту мою мысль об искусстве и потом ее еще обдумать.

Лучше всего у меня выходит сосредоточиться, когда глаза закрыты (вот только не заснуть бы, как часто случается, когда я пытаюсь мысленно разобрать что-нибудь важное).

В конце концов я решаю, что у искусства есть две стороны, первая — это чувствовать разное, а вторая — его творить.

Я открываю свой альбом и, оставив место под черную бумажную салфетку с золотыми звездами и коробок из канзасского гриль-бара «Желтый кирпич», пишу:

Самый, может быть, важный для меня теперь вопрос — что такое искусство?

А ответ может быть таким: смесь воображения с эмоциями.

Или нет.

Вполне возможно, что искусство сразу и не поймешь — для этого нужно время.

А еще, может, только творец знает, что такое искусство, а мы, остальные, нужны для того, чтобы искусство чувствовать.

Или наоборот.

Наконец я решаю, что, если не прекратить обо всем этом думать, у меня точно разболится голова. И все же я определенно чего-то добилась. А еще в альбоме появилась отличная новая страница, потому что я впервые что-то на ней записала.

И тут я понимаю, что уже очень давно сижу в комнате, потому что снизу поднимается аромат пирога Рэнди, а потом раздается и его голос:

— Есть желающие отпраздновать чей-нибудь день рождения?

Репетиция сегодня особенная.

Шон Барр на ноги встал! Правда, он едва ходит, но зато уже не лежит, а значит, и носить его больше никому не нужно.

Я машу ему рукой и занимаю место в первом ряду — здесь начинается каждая наша репетиция. В ответ Шон Барр не машет, а вскидывает руку с большим пальцем.

Я отвечаю тем же и вижу, как некоторые другие дети делают то же самое.

Театральные дети те еще повторяшки. Хотя, может, это как раз потому, что они театральные.

Шон Барр сидит в специальном кресле. Я таких еще не видала. На сиденье лежит подушка, похожая на здоровенный пончик или на детский надувной круг для плавания. Пластмассовая, круглая, пустая внутри и с дыркой посередине.

Когда Шон Барр опускается на стул, он закрывает глаза, весь сморщившись, будто вот-вот скажет: «Больно-то как».

Но день сегодня особенный не только потому, что наш режиссер смог встать на ноги. Сегодня нас ожидает встреча со звездами шоу.

Первыми новичками на репетиции становятся студенты, которые будут играть роли Страшилы, Трусливого Льва и Дровосека.

На самом деле, конечно, правильно будет его называть «Железным Дровосеком», но никто этого не делает.

Дровосека будет играть Джо Кароско. Страшилу — парень по имени Ахмет Бульгу, а Трусливого Льва — Райан Мецлер.

Мне нравятся все трое, а особенно — Дровосек Джо.

Все гномы поднимаются на сцену, и нас просят усесться на сцене по-турецки. У кого-то лучше получается, у кого-то — хуже. Взрослые думают, что дети только и мечтают так сидеть, но на самом деле это не так уж и удобно. По крайней мере, для меня. Колени у меня при этом задираются как-то совсем уж высоко. Олив говорит, что, видимо, у меня недостаточно гибкие бедра. Советует заняться йогой.

Я меньше всего хочу таскать за спиной коврик и обряжаться в суперобтягивающие штаны, так что это точно не мое. И все же я делаю вид, что занятия йогой — отличная идея.

Когда все возвращаются на свои места, Шон Барр говорит:

— Мы долго ее ждали, и вот она наконец-то здесь. Наша Дороти с нами! Позвольте представить вам Джиллиан Моффат!

Он смотрит в сторону кулис (это те места по

бокам сцены, которые не видно из зала), и оттуда выходит женщина. Похоже, она там спряталась за-
года, потому что явно знает, как красиво выйти на
сцену.

Мне хочется ее от всего сердца поприветствовать
(я много раз слышала по телевизору: «Давайте от
всего сердца поприветствуем...»), и я принимаюсь
хлопать. Вслед за мной то же самое делают и все
остальные гномы.

Как бы мне ненароком не заболеть жаждой вла-
сти, потому что, когда все принимаются делать то
же, что и ты, прямо-таки дух захватывает. Может, я в
конце концов стану военной. Оружие я не люблю, а
вот когда все за тобой что-то повторяют, это ужасно
приятно. Ну, или я просто хочу быть главной.

Джиллиан Моффат не из студенток.

Она будет играть роль четырнадцатилетней де-
вочки (или сколько там было Дороти из книги), а
на самом деле ей, наверное, лет под тридцать. Но с
виду очень даже похожа на подростка, потому что
худенькая и, кажется, очень гибкая. И двигается как
подросток, то и дело вертит головой, и голос у нее
звонкий и высокий.

— Спасибо! — говорит Джиллиан. — Для меня
большая честь стать членом этой труппы. Я уже ра-
ботала с Шоном раньше и уверена, что впереди у нас
большое захватывающее путешествие!

Мне кажется, что «захватывающее путеше-
ствие» — это пронестись по американским горкам

или полчаса гонять по дюнам на багги. Джиллиан между тем поворачивается к кулисам и говорит:

— А еще я хочу представить вам очень важного члена нашей труппы, — и тут она зовет: — Коко!

Мы смотрим, как из темноты закулисы к ней несется терьер. Собачка эта один в один Тотошка из фильма. Джиллиан наклоняется, и собачка ловко прыгает ей прямо на руки.

Тоже, видимо, замечательная актриса.

Джиллиан говорит:

— Это мой спутник и партнер Коко Моффат.

Мы все принимаемся отчаянно хлопать.

Кажется, Шону Барру это все окончательно надоедает, потому что он вскидывает руки в воздух и говорит:

— Ладно, прекрасно! При случае каждый может назвать Джиллиан свое имя. Но вас много, так что всех она вряд ли запомнит.

— Но я попробую! — машет нам Джиллиан.

Вслед за этим Шон подходит (притом очень медленно) к фортепиано со своим пластмассовым пончиком в руках и говорит:

— Ну, а теперь давайте с крайнего.

Это значит, что мы начинаем с самого начала шоу. Он мог, конечно, просто сказать «а теперь с самого начала», но у театра свой язык, который позволяет нам ощутить себя профессионалами.

Мы окружаем фортепиано и поем, а партию Дороти на этот раз исполняет уже не Шон Барр, а

Джиллиан. Мне еще предстоит к этому привыкнуть. Она отлично поет, вот только мне почему-то кажется, что у Шона Барра песня Дороти получалась гораздо лучше.

К тому же я не могу отвести глаз от Коко. Страшно отвлекает.

Пес из знаменитого фильма «Волшебник из страны Оз» был керн-терьером. Я это два дня назад вычитала в интернете. Если бы не шоу, я это бы вряд ли когда-нибудь узнала, да только все равно быстро забуду. А если и запомню, то, скорее всего, что-нибудь вроде «терьер Карен». Так уж у меня мозги работают (ну или не работают).

Когда приходит время перерыва, я слышу, как один из рабочих говорит, что Коко платят за роль. Вряд ли, конечно, это правда, но как бы все тут ему не стали завидовать. А вообще, сразу видно, что забываются об этом песике по-особенному.

В самом конце перерыва Харисс созывает гномов и говорит нам целую речь про Коко. Нам разрешается смотреть на нее и даже иногда гладить, но строго запрещается брать на руки, уводить на прогулку или приносить из дома угощения. На Коко надет специальный жилет, так что она считается служебной собакой и может сопровождать Джиллиан всюду, куда бы та ни пошла.

А я очень рада, потому что уже давно переживала о том, каким образом Шон Барр решит вопрос с Тотошкой. Коко прекрасно знает, как вести себя на

сцене — правда, для нее это означает бóльшую часть времени сидеть рядом с Джиллиан.

Если бы я уже не выбрала себе Олив в качестве образца для подражания, то наверняка принялась бы копировать Джиллиан во всех мелочах.

Кроме Джиллиан в этот день на втором часу репетиции мы знакомимся еще с одним новичком — Волшебником. Он тоже не из колледжа, а работает в банке, так что можно назвать его банкиром. Похоже, основная работа его совсем не радует — вот и надеется слегка развеяться с помощью нашей летней постановки.

А зовут его Кевин.

Петь ему и вовсе не придется, потому что в роли Волшебника страны Оз этого вообще нет.

К тому же Кевин и сам сразу заявляет, что петь он все равно не умеет, и я тотчас чувствую к нему симпатию — похоже, мы с ним одинаково бесталанны.

Но выглядит он замечательно. У Кевина длинные и почти совсем белые волосы. Говорит, что у них в семье все рано седеют. Может, они родня Эйнштейну? У того ведь тоже на голове была целая седая копна — вот только не представляю, чтобы он пошел работать в банк.

Голос у Кевина раскатистый — наверное, ему часто у себя в банке приходится гаркать: «Следующий!» Ему 41 год, и он не женат. Это все Харисс кому-то рассказывала, а я случайно подслушала, когда мыла руки в туалете после того, как случайно вяпа-

лась в свежую краску. К счастью, она почти вся сразу отмылась.

В спектакле, кроме того, будут еще две колдуньи. Но они приходят только к самому концу репетиции, так что мы поем без них.

И я стараюсь от них обеих держаться подальше.

Злая колдунья сразу же говорит нам, что собирается вжиться в образ и поэтому все время будет злой. Ее зовут Китти — и это никакая не шутка, а самое настоящее имя*. И то, что она будет недружелюбной, тоже не шутка. Если бы она сказала, что хочет со всеми нами подружиться, я бы обязательно подарила ей какую-нибудь безделушку с кошечкой «Hello Kitty» — наклейку там или брелок. Но с таким отношением пусть и не надеется.

Добрая колдунья торопливо здоровается со всеми и уходит на улицу разговаривать по телефону. Ее зовут Дана, и у нее в сентябре свадьба — наверное, только об этом и думает. А еще я слышала, как Ларри говорил Квинси, что ее пригласили на какую-то роль в фильме, и Дана теперь очень волнуется о том, чтобы одно другому не помешало.

Колдуньи все время держатся вместе, хотя по сценарию они совсем не подруги. Чуть позже я вижу, как они шушукаются перед театром в тени больших деревьев. Я достаточно долго знаю Кайли с Пайпер,

* Такое имя действительно редкость, чаще это слово используют как прозвище, потому что в переводе с английского оно означает «кошечка».

чтобы понимать, как выглядит дружба со стороны — похоже, у этих двоих целая куча совместных планов.

А вот еще один театральный секрет, который я узнала только потому, что оказалась здесь этим летом: волосы у Джиллиан Моффат короткие, но для спектакля ей как-то прикрепляют к голове пару длинных кос, в которых она прямо-таки вылитая Дороти из фильма.

В самом конце репетиции Джиллиан поет для нас «Где-то над радугой».

У нее прекрасный голос, к тому же во время песни на глазах выступают слезы, будто она чувствует, что весь мир затих и прислушивается к ней. Джиллиан приникает к фальшивому забору, который закрепили на торчащих из сцены штырях, и смотрит прямо на нас.

А позади нее, когда осветители установят свои прожектора, еще и радуга подниматься будет.

Своей песней Джиллиан произвела на всех сильное впечатление.

Ларри с Квинси ближе к концу даже прослезились.

Олив, судя по лицу, тоже понравилось, но не настолько.

После того как репетиция гномов завершена, начинается получасовой перерыв. Я остаюсь отрабатывать роль летучей обезьяны и стараюсь держаться поближе к Олив.

Джиллиан с Коко и колдуньи исчезают, но Олив говорит, что нам лучше никуда не ходить — причем

не только в кофейню, но даже в гримерку, где очень удобные стулья. Мы можем понадобится в любой момент.

И она права.

Появляется Джанни с нашими подвесами и говорит, что нам нужно много чему научиться, так что чем раньше начнем, тем лучше. Оказывается, кроме нас будет еще три летучие обезьяны, но они работают за деньги и приедут из Кливленда к самой премьере. Это профессионалы. Их главного зовут Никко (не знаю уж, обезьянье это имя или его настоящее, человеческое). Никко будет выполнять все самые сложные трюки — например, приземляться рядом с колдуньей. Так что нам отведена роль вспомогательных обезьян. Но Олив говорит, что эти роли все равно будут поважнее, чем у хористов, и я этому рада.

Мы начинаем с отработки подъема над сценой.

— Как окажетесь в воздухе, — говорит Джанни, — мы вас сначала качнем в сторону, а потом — пролет над сценой. К этому надо привыкнуть.

Я киваю с таким видом, будто уже много раз носилась над сценой на подвесе.

А потом вдруг думаю о своем младшем брате, Рэнди. Он ведь пытался полетать на самом деле. Это было его мечтой — ну или как минимум фантазией. Так может, это он должен был стать летучей обезьяной, а не я?

Но я тут же отправляю эту мысль подальше. Надеюсь, больше она у меня в голове не появится.

А потом в голову приходит еще одна мысль — не сказать чтобы особо важная, но все же: ведь гораздо правильнее будет называть этих обезьян не летучими, а крылатыми.

Я во всех этих делах становлюсь таким специалистом, что впору всем тут же объявить о своей находке и о том, как надо правильно говорить. Но потом я решаю, что пусть говорят, как говорят, потому что, во-первых, поправлять кого-то дело скучное, а во-вторых, если потом из-за этого что-то придется переделывать, на меня же все и взвалят.

Тут приходят коллеги Джанни, и мы принимаемся за дело.

Работа это сугубо техническая, и для общей безопасности все надо делать как можно медленнее и по многу раз.

Я не особенно хорошо умею делать что-то медленно.

Да и одно и то же без конца повторять не люблю.

И вот что я усваиваю по итогам дня.

1. Взмыть в воздух не так уж сложно.
2. Пронестись над сценой с разведенными руками и поджатыми ногами — тоже.
3. Приземлиться в нужном месте — ужас как непросто.

Тут потребуется уйма практики.

Этим и займемся.

Дома я первым делом отрезаю себе здоровенный кусок мраморного торта Рэнди. Он хоть и вчерашний, но еда нередко становится только вкуснее, когда немного полежит. Мамины спагетти, например. Да и ее арахисовое печенье тоже.

Я жую торт и думаю о двух вкусах у себя во рту. Странно, но не особо-то они отличаются друг от друга. Может, если сверху покрыть глазурью, то третий вкус помог бы отделить первые два друг от друга.

А может, эта мысль оттого, что я просто очень люблю глазурь.

Я жую и думаю о Джиллиан-Дороти и Коко-Тотшке. Думаю о Волшебнике Кевине и колдуньях Дане и Китти. А вот о Льве, Дровосеке или Страшиле я и не вспоминаю, потому что слишком мало успела с ними пообщаться. Еще думаю о Джанни, ну и, конечно, о Шоне Барре.

Потом решаю сходить к миссис Чан и поговорить о предстоящих пробах. А может, она и вовсе уже передумала участвовать в спектакле. Так бывает, когда люди долго чего-то хотят, а потом желание их раз —

и сбывается. И становится ясно, что не было в этом желании никакого смысла.

Я очень волнуюсь за миссис Чан — а вдруг она рухнет из-под потолка на сцену, а то и вовсе врежется в меня или Олив?

Она же прекрасно могла бы сыграть в хоре Изумрудного города — и на сцене появится, и станет частью представления. Такой вариант мне нравится куда как больше.

Подвес, конечно, штука не слишком удобная. Я это вчера миссис Чан говорить не стала, чтобы ненароком не обидеть Джанни.

А торт Рэнди послужит отличным поводом для визита. Я заворачиваю кусок в вощеную бумагу и отправляюсь по улице, нажимаю кнопку звонка и тут же удивляюсь: миссис Чан открывает так быстро, будто день-деньской стоит у двери.

А может, она, как Рамон, — услышала меня еще за несколько кварталов.

Я как-то делала доклад на эту тему. Одна из причин того, что собаки отлично слышат на расстоянии вчетверо большем, чем люди, это восемнадцать различных мышц, которые спрятаны у них в ушах. Они умеют поворачивать уши под наилучшим углом к источнику звука.

А у людей во внешней части ушей вряд ли найдется и одна-единственная мышца. У нас они просто как место для украшений да упор для дужки очков, чтобы не спадали. Вот было бы интересно, умеют ли

двигать ушами. Да только такому не научишься на физкультуре, сколько ни потей.

Я протягиваю кусок торта миссис Чан:

— Это вам. Домашний.

Я не берусь объяснять, что его испек Рэнди, потому что миссис Чан все равно не знает моего брата, да и нет его тут, чтобы можно было похвалить.

То, что миссис Чан встречает меня не в костюме крылатой обезьяны, я воспринимаю как добрый знак. На ней обтягивающие желтые брюки и явно великоватая, не по размеру, белая рубашка, которая, похоже, когда-то принадлежала мужчине. Некоторые любят носить такие рубашки незаправленными и без галстука. Ей идет.

— Заходи, Джулия.

— Я вам бисквитно-шоколадный торт принесла. Двойной вкус, но без глазури.

— Сама испекла?

Я молчу дольше, чем следовало бы, потом говорю:

— Это из нашей духовки, да.

Мы проходим прихожую и идем по коридору на кухню. Мне здесь нравится. Сухие растения свисают с потолка, и при виде кучи деревянных мисок на полках становится как-то приятно.

— Выпьем чаю с твоим пирогом?

Если она про ту самую гадость, что на вкус, как цветы наполоам с землей, мне бы и отказаться, но я решаю быть полюбезнее и говорю:

— Если хотите.

Миссис Чан идет к холодильнику и вытаскивает оттуда стеклянный кувшин:

— У меня еще козье молоко есть.

Тут мне внезапно и грязные цветы показались не худшим вариантом. Да кто вообще пьет козье молоко? Как его добывают-то?

Мы, конечно, на Параде питомцев наряжались козами, было дело, но как из этого животного добыть молоко — ума не приложу. Мне случалось рассмотреть вблизи пару коз, и пахло от них как от целого грузовика потных носков.

— Чай с тортом это замечательно, — говорю.

Миссис Чан отставляет свой козий кувшин и принимается готовить чай. Потом выкладывает мой торт на тарелочку и разрезает его на два очень аккуратных и красивых кусочка. Я-то его уже ела дома, но миссис Чан этого не знает, да и просто смотреть, как она одна ест, будет невежливо.

Я думала было, что чай мы станем пить прямо здесь, на кухне, но вот все готово, миссис Чан загружает здоровенный красный поднос и идет к дверям, что выходят во двор. Я — за ней.

Выходим на узенькую галечную дорожку, которая уводит за дом. С улицы этой части двора не видно, так что здесь все для меня в новинку.

А тут еще один сюрприз — у миссис Чан, оказывается, есть утки! Я, конечно, знаю, что некоторые ради яиц кур заводят, но уток?..

Прямо передо мной — маленький пруд с травя-

нистым бережком и деревянным домиком вроде конуры. Наверное, утятник.

Те три утки, которых я вижу, белые как снег.

Одна стоит посреди травы и копается в земле своим ярко-оранжевым клювом. Перетряхивает землю как заведенная, и лапищами — такими же оранжевыми, как и клюв, — топает, словно мультяшный персонаж. Цветом что клюв, что лапы — чисто тыква. До изумления яркие.

— У вас еще и утки есть?

Миссис Чан опускает поднос на круглый железный столик, рядом с которым стоит пара стульчиков.

— Только торта им не давай.

А утки, похоже, человеческий язык понимают не хуже нашего, потому что после ее слов все три разом поворачиваются к нам. Бросают все свои дела (хотя у двоих и дел-то никаких не было) и идут к нам.

А ходят они смешно.

Миссис Чан руку в воздух поднимает и говорит:

— Нет! Потом.

Но утки не слушаются. Хоть и помедленнее, но по-прежнему топают к нам. А головы при этом дергаются туда-сюда. Включи сейчас кто-нибудь музыку, я бы решила, что это они так танцуют.

Миссис Чан становится похожа на миссис Вэнсил в начале урока после завтрака, когда никто не слушается. Резко в ладони хлопает и говорит:

— Вы слышали. Потом!

При хлопке утки так и замирают. Потом сбивают-

ся в кучку и вновь начинают перебирать лапами. Но уже не к нам идут, а друг за другом, по кругу.

Я поворачиваюсь к миссис Чан:

— У вас потрясающие утки!

— Я знала, что они тебе понравятся, — отвечает. — После чая дам тебе для них угощение.

Мне очень хочется поскорее их покормить, так что я в один миг съедаю свой торт и выпиваю столько цветочного чая, сколько в меня влезает. И он как будто уже не такой отвратительный на вкус, как накануне. Распробовала, что ли?

И так бывает.

Представляю, как сижу с Кайли и Пайпер в нашей школьной столовой, а потом невзначай вытаскиваю термос и наливаю себе чашечку зеленого чая. Они от такого фокуса поумирают на месте.

Из-за уток мне очень сложно сосредоточиться на чем-то другом, и я благополучно забываю, что вообще-то пришла отговорить миссис Чан участвовать в пробах на роль крылатой обезьяны.

— А у них перья не выпадают? — спрашиваю. — Вот бы мне перо утиное.

— Зачем? Хочешь им попробовать писать?

— Нет, для альбома моего про лето. А перьями я не пишу.

Миссис Чан меня понимает. То, что она умеет шить башмаки и костюмы, вовсе не значит, что все вокруг такие же мастера. Пару минут спустя она доедает торт и уходит в дом.

Я остаюсь наедине с утками.

Так, наверное, бывает в тюрьме, когда надсмотрщик выходит со двора на минутку — утки мигом перестают копошиться на месте и выступают в мою сторону.

Я бы, может, и испугалась, но ведь это домашние утки, так что они наверняка знают свое место. Я хлопаю в ладони, как миссис Чан, да только я тут не главная, и они это прекрасно понимают.

Спустя мгновение все трое уже копошатся у меня в ногах, выискивая крошки.

— Торт весь съели, — говорю.

Но они не слушают.

Теперь я могу хорошенько рассмотреть их перья — и сложная же это штука! Не представляю, откуда утиному мозгу знать, как вырастить эдакую конструкцию. Стебель в центре кажется сделанным из того же материала, что мои собственные ногти, но дальше идут узоры настолько аккуратные и вычурные, что мне вдруг захотелось, чтобы на голове у меня вместо вечно перепутанной копны каштановых волос тоже росли перья.

Похоже, во время еды мне на правую сандалию упала крошка торта, потому что самая крупная из уток внезапно щиплет меня за ногу.

— Отстань! — кричу.

Она отскакивает, и, правду сказать, даже не знаю, кто при этом испугался больше — утка или я.

К счастью, появляется миссис Чан, и утки мигом

забывают обо мне, словно я просто третий стул. Сбегаются к своей главной.

И тут я впервые понимаю, что своей одеждой миссис Чан напоминает утку — мешковатая белая рубашка сверху и обтягивающие желтые брюки снизу. Правда, будь они ярко-оранжевыми, сходство стало бы еще сильнее, но и в желтых брюках миссис Чан очень похожа на большую маму-утку.

— Джулия вам сейчас даст угощение, — говорит она уткам. — Не обижайте ее.

Те, похоже, слегка растерялись. То на меня посмотрят, то на миссис Чан, но внимательнее всего глядят на ее руки с бананом, несколькими маленькими морковками и болгарским перцем.

— Они это любят? — спрашиваю.

— Очень любят.

Миссис Чан садится на стульчик и очищает банан, а потом протягивает мне:

— Разломи на маленькие кусочки. Утки их просто обожают.

Могла бы и не говорить!

Теперь, когда у меня в руках банан, утки принимают отчаянно толкаться у моих ног. Видать, банан будет повкуснее, чем слизняки — ну или что они там в грязи выискивают.

Я бы покормила их с руки, да боюсь, что вместе с бананом они мне и палец откусят, так что бросаю несколько кусочков на землю. Утки сбиваются в кучу-малу, и мне приходится бросать все новые кусоч-

ки, потому что они того и гляди кинутся друг на друга, если всем не хватит угощения.

Миссис Чан дважды хлопает в ладоши и говорит:
— Ладно, успокоились.

Утки как будто успокаиваются, но всего на несколько мгновений, а потом снова превращаются в пернатых психов.

Когда с бананом покончено, мы переходим на морковь. Овощи уткам тоже по душе, но заметно меньше. А заканчиваю кормление кусочками болгарского перца, который у них явно не значитися в первой тройке любимых блюд.

Я бы очень хотела завести утку, но родители почти наверняка не позволят. Я и представить себе не могу, чтобы они на заднем дворе выкопали пруд и поставили домик — хотя все необходимое мама могла бы достать на работе со здоровенной скидкой.

Но нам явно понадобится больше одной птицы, чтобы утка не чувствовала себя одинокой. Им, похоже, нравится толкаться в толпе.

У уток миссис Чан есть имена, но они китайские, так что я забываю их сразу же, как услышала. На уток ведь не наденешь ошейники с именными бирками (хотя вообще-то выглядело бы это очень мило).

Когда утки понимают, что обед закончен, они заходят в пруд и принимаются бодро по нему плавать.

У меня такое чувство, что они буквально чувствуют наши взгляды. А может, это просто пустые фантазии.

Но выглядят они очень довольными.

Теперь у меня по две репетиции в день, так что приходится менять уже и домашнее расписание. Мама ведь нас из театра забирает в свой перерыв, а он у нее только один.

Рэнди говорит, что может оставаться на вторую репетицию, так что папе или маме придется ездить в театр только один раз, но я на это говорю (причем громче, чем стоило):

— Нет! Шон Барр на репетиции посторонних не пускает, а ты гном.

От сказанного у меня почти сразу становится скверно на душе, особенно когда вижу, как Рэнди утыкается взглядом в ковер, будто увидел там что-то очень важное.

Я его обидела.

А ведь я ни о Рэнди, ни о маме и лишних поездках не думаю — только о себе.

Но я все равно не извиняюсь и не обещаю поспрашивать, можно ли Рэнди оставаться на вторую репетицию. Я хочу остаться там единственным ребенком, и хочу так сильно, что ради этого готова быть эгоисткой.

Я жду.

Мама молчит.

И Рэнди тоже.

Тогда я говорю, стараясь, чтобы это прозвучало помягче:

— Мам, я могу спросить Олив — может, она согласится меня отводить домой. Тогда тебе не нужно будет дважды ездить.

И я улыбаюсь, да так старательно растягиваю губы, что они почти что прилипают к зубам.

Есть несколько фотографий, где я так делаю, и видок, надо сказать, так себе. Надо будет потренироваться, чтобы выглядело слегка порасслабленной и натуральней.

Я пытаюсь мысленно воспользоваться теми инструментами, что дал нам Шон Барр, — высвободить чувства из самой своей серединки.

Вот только то, что сейчас застыло у меня на губах, называется чувством вины.

— Да уж, у нас в отделе сейчас самая горячая пора, так что я точно четыре раза в день с работы уезжать не смогу.

— Конечно, — говорю, — я постараюсь все устроить.

От маминого взгляда мне становится как-то совсем уж неуютно.

Она отлично умеет читать мои мысли, и под таким взглядом фальшивую улыбку никак не удержишь.

А потом у меня появляется новая мысль:

— Так ведь миссис Чан тоже, наверное, будет участвовать в спектакле. Вот с ней бы я домой и ездила.

Маме эта идея очень нравится.

— Она тоже играть будет?

Тут Рэнди поднимает глаза от ковра. Даже если он еще обижен, по нему уже не скажешь.

— Для гнома она слишком высокая, — говорит.

Я рассказываю о пробах на роль крылатой обезьяны и говорю, что, если повезет, она сделает большую часть костюмов, а еще миссис Чан отличный водитель, ну и, конечно, живет прямо на нашей улице.

Мама решает, что это отличный вариант.

— Может статься, — говорит, — что она по своим костюмным делам будет приезжать на репетицию пораньше — и вас смогла бы прихватывать. Папа тогда забирал бы Рэнди, а мне и вовсе никуда ехать не придется.

Вот оно классическое: «дай палец — откусят руку», ну, или «дашь сантиметр — готовь и километр». Хотя второе выражение тоже какой-то любитель преувеличивать выдумал. Если ты дашь кому-то лишнюю пару сантиметров, он у тебя никогда не попытается под шумок километр выпросить. Ну вот не хватает, например, какой-нибудь девочке нескольких сантиметров бечевки, чтобы на посылке завязать бант. А продавец говорит: «Еще несколько сантиметров надо? Да пожалуйста». И тут девочка: «Да мне вообще-то километр нужен».

Кому вообще может понадобиться бечевка в километр длиной?

В любом случае я не стану просить миссис Чан возить нас еще и на репетицию, а пока что просто киваю — мол, дальше видно будет.

А потом поднимаюсь к себе в комнату, чтобы посидеть с альбомом. Я принесла от миссис Чан белые утиные перья и хочу приклеить их на отдельную страницу.

Чуть позже спускаюсь на кухню и съедаю восемь абрикосов.

Теперь живот наверняка разболится, да только ничего тут не поделаешь — при виде абрикосов я попросту теряю голову. Лучший фрукт на свете. Хорошо хоть они бывают только летом, а то бы меня совесть весь год напролет мучила, как сейчас, потому что я слопала в одиночку всю миску и никому не оставила.

А на бутерброд, который приготовила мама, сил уже не остается, так что я с радостью отдаю его Рэнди — он свой съел и хочет еще. Хоть ругать не будут, что не доедаю и перевозжу пищу. Для нашей мамы нет хуже преступления.

Нет, ну убийство явно будет похуже, но мама, я думаю, небрежное отношение к еде считает первой ступенькой к убийству.

Спустя два часа она возвращается с работы, чтобы отвезти нас на репетицию. Мама, конечно, замечает, что все абрикосы исчезли, но наверняка думает,

что мы с Рэнди съели по четыре штуки каждый. А я молчу.

Попав в театр, я почти сразу забываю, что собиралась просить миссис Чан возить меня домой с репетиции. Олив уже тут, и она без конца озирается по сторонам.

Наверное, ищет Джанни.

Но его сегодня в театре нет — по крайней мере, на сцене.

Когда репетицию проводит Шон Барр, время всегда летит стремительно — он не дает нам сидеть на месте и постоянно сыплет полезные подсказки.

Когда он говорит, все смотрят в оба. Мы — как утки, которые замирают при хлопках миссис Чан. Тоже отлично знаем, кто тут главный.

Сегодня миссис Чан должна прийти на примерку.

А Рэнди отвезут домой родители парня по имени Джин. Он обо всем договорился сам, так что мне волноваться не о чем. Хотя я и не начинала. Я только надеюсь, что Рэнди не решит, будто мне на него наплевать, потому что это не так. Просто я не умею одновременно удерживать в голове уйму событий, включая и то, когда и с кем он собирается ехать домой.

Вполне возможно, что мать из меня получится скверная. Чтобы быть родителем, надо одновременно держать в голове множество всего. Во всяком случае, так мама говорила папе, когда он забыл забрать Тима с вечера Союза молодых христиан.

Мы с Олив сидим на краю сцены и болтаем ногами. Роста мы с ней одного, но ноги у меня длиннее.

Олив, наверное, думает как раз о росте, потому что вдруг говорит:

— Не забывай, Шарлотта Бронте была ростом всего метр сорок пять.

— Не забуду, — говорю.

И решаю не добавлять: «А кто это?»

В школе у нас есть много девочек, которых зовут Шарлотта, но ни одной Бронте я что-то не припомню. Но все равно говорю с серьезным видом:

— Шарлотта Бронте никому не позволяла на себе ездить.

К счастью, Олив меняет тему:

— А в королеве Виктории тоже и полутора метров не было.

Я киваю. Про королеву Victорию я слыхала, но знать о ней ничего не знаю.

Олив говорит с сочным британским акцентом:

— Что-то мы не веселы.

Я подхватываю:

— Да, не веселы.

Олив хихикает.

А я повторяю «что-то мы не веселы», пытаюсь скопировать ее акцент, и даже удивляюсь тому, как хорошо получается.

Олив говорит:

* Бронте Шарлотта — знаменитая английская поэтесса и романистка (1816–1855).

— А ты отличный имитатор! Это ж настоящий талант! Поработала бы над ним.

Раньше я и не думала об этом как о чем-то выдающемся, хотя бабушка Рукавичка всегда смеется, когда я изображаю голоса братьев. То, что Олив считает это чем-то замечательным, просто чудесно, потому что я ведь до сих пор не отыскала своего подлинного таланта.

Я все еще болтаю ногами, когда дверь черного входа распахивается и входит миссис Чан. Она не только в костюме крылатой обезьяны, но и в гриме, причем настолько правдоподобном, что я даже не сразу ее узнаю. На лице миссис Чан что-то вроде маски, так что узнать ее можно только по глазам, а рот, нос и все-все остальное принадлежит самой настоящей обезьяне.

Я молча таращу глаза.

Олив тоже.

А потом слышу:

— Привет, Джулия. Привет, Олив.

Самое же удивительное, что чем ближе она к нам подходит, тем больше становится похожа на обезьяну.

— Миссис Чан! — испуганно вскрикиваю я. — Даже страшно!

— Для того и делалось, — откликается она.

Я спрашиваю:

— Как вы такую морду сделали?

— Мне друг помог, Стен. Это поролон с латек-

сом. Он как-то работал в парке развлечений «Ноттс Берри Фарм» в Калифорнии, помогал на Хеллоуин мероприятия организовывать.

Я понятия не имею, о чем это она, но все равно важно киваю и говорю:

— Стен силен.

— С новыми материалами, — она добавляет, — должно получиться еще лучше. Эту он сделал из того, что в гараже завалилось.

Мне становится интересно, где живет этот самый Стен и как выглядит изнутри его гараж. А еще — сможет ли Стен и мне сделать такую же маску, ведь я тоже обезьяна.

Интересно как!

Миссис Чан усаживается рядом со мной на складной стул, и тут же появляется Джанни. В руках у него подвесы. Сзади идет один из помощников — его, кажется, зовут Пинат. У него на плече покачивается какой-то скрученный матрас, длинный, как бревно. Пинат опускает его на пол и раскатывает. Выглядит как отличное местечко, чтобы вздремнуть.

При появлении Джанни Олив тут же поднимается.

Я делаю то же, ведь она — мой наставник.

— Приветик, Джанни, — говорит она, а сама задорно так улыбается.

И я очень похожим голосом повторяю:

— Приветик, Джанни!

Услышав это, Джанни смеется, а миссис Чан улы-

бается. Олив оборачивается и смотрит на меня как-то не слишком ласково. Потом шепчет:

— Не копируй меня.

Еще минуту назад это было талантом, а теперь уже будто что-то плохое.

А я ни за что на свете не хочу расстроить Олив. Подхожу к миссис Чан и говорю своим обычным голосом:

— Вы готовы поработать на стропе?

Тут все сразу вспоминают, для чего пришли, и разом забывают о моем мастерстве копирования чужих голосов.

Я вижу, что Олив меня простила — ну или просто очень рада, что Джанни пришел.

А он подходит к миссис Чан и говорит:

— Грим у вас, конечно, первоклассный.

Она кивает:

— Это Стен. Он профессионал.

— Не сомневаюсь!

А потом из-за кулис осторожными шажками выходит Шон Барр.

— Вижу, — говорит, — наши ряды пополнились опытными исполнителями!

Это он про миссис Чан.

Он еще не уверен, сможет ли она играть, но, думаю, костюм с гримом говорят сами за себя. Шон Барр подходит ближе, он похож на переваливающегося с боку на бок пингвина.

— У меня тут была производственная травма,

теперь лечусь. Оттого и походка такая. Меня зовут Шон Барр. Рад познакомиться.

Миссис Чан протягивает ему руку, которую облегает что-то вроде серой перчатки до самого плеча, выше которого начинается мех. Шон Барр руку ей не пожимает, а наклоняется и легко касается пальцев миссис Чан губами.

Это совсем не тот Шон Барр, которого я знаю.

Она говорит:

— Ян Чан, приятно познакомиться.

— Приятно и мне, — откликается Шон Барр.

Глядя на миссис Чан в костюме крылатой обезьяны, в жизни не угадаешь, сколько ей лет. Может, она специально так пришла, чтобы сразу снять все вопросы о возрасте и дискриминации.

Похоже, знакомство у них началось хорошо.

А потом Джанни помогает миссис Чан натянуть один из подвесов. Подходят два других специалиста по стропам, и вскоре миссис Чан поднимают в воздух над тем, что, как я теперь знаю, называется «страховочный мат».

Никто не хочет рисковать.

Бабушка Рукавичка не раз говорила, что соперничество хорошо, например, в пинг-понге или хоккее, а вообще в жизни лучше без него. А как-то еще добавила, что те взрослые, которые постоянно стремятся с кем-то соревноваться, просто тупицы. Хотя и дети, говорит, тоже могут чересчур уж увлекаться соперничеством (ну и тупицами быть).

Когда очень хочешь чего-то для себя, то так же сильно хочется, чтобы вместе с тобой это желанное заполучили и другие.

Я смотрю на миссис Чан и надеюсь, что у нее все получится. Но когда она поднимается в воздух, я испытываю странное чувство.

Я думаю, оно пришло из пещерных времен, когда острых камней для орудий на всех не хватало, и приходилось соперничать, чтобы выжить. Со временем люди перебрались в хижины, а потом в квартиры, но инстинкт этот в нас живет до сих пор.

Очень скоро мы понимаем, что миссис Чан очень даже годится на роль крылатой обезьяны.

Я, правда, не сказала бы, что она держится в воздухе заметно лучше меня или Олив.

Но только я не хочу с ней соперничать, так что и оценивать лучше не буду. Скажу только, что ей не надо учиться приземлениям точно в указанное место, а я еще только работаю над этим.

Шон Барр сияет, когда миссис Чан соглашается сделать костюмы крылатых обезьян и участвовать в постановке. Остальные обезьяны, которые пока еще в Кливленде, уже прислали свои мерки, так что она сделает костюмы и для них.

Вскоре мы с ней уже едем домой. Я думала, что при всех необычностях миссис Чан и машина у нее будет особенной, но это самый обыкновенный серебристый автомобиль с серыми сиденьями.

Но зато ужасно весело сидеть в машине с челове-

ком в костюме крылатой обезьяны. На светофорах люди машут нам и библикают. У меня такое чувство, будто я оказалась на параде рядом с какой-нибудь звездой родео или той девушкой из нашего городка, которая занимается бегом на дальние дистанции и сумела дойти до Олимпийских игр. Я получаю свою долю предназначенных соседу улыбок и чувствую себя просто замечательно.

Но дома мне становится грустно, что я лишила Рэнди таких ярких переживаний, ведь ему это все тоже ужасно понравилось бы. Хотя он сейчас только и делает, что болтает про своего нового друга Джина. При этом у них, кажется, и общего-то ничего не было, пока сегодня мама Джина не отвезла Рэнди домой. Они просмеялись всю дорогу и даже засхали в «Ферму Берти» за клубничным молочным коктейлем.

Все в этом мире взаимосвязано. Я ведь вовсе не пыталась найти Рэнди нового друга — просто вела себя эгоистично, но в итоге все вышло так, как вышло.

Теперь миссис Чан будет возить меня домой после репетиций, а Рэнди до конца лета станет ездить с Джином.

Я далека от мысли, что можно добиться чего-то хорошего, если будешь думать только о себе, но сегодня все именно так и вышло.

Мама возвращается с работы очень довольной, потому что ей не пришлось никуда отлучаться и она

успела сделать все свои дела. А папа решил устроить нам сюрприз и по пути с работы заехал в «Итальянскую кухню Нэнси и Дэна» за пиццей. Мы ее редко едим, потому что стараемся покупать только здоровую пищу.

К сожалению.

Будь я главной, мы бы ели пиццу с утра до вечера.

А Рамон любил доедать хрустящие краешки, так что и он в этом со мной согласился бы.

Я так устала за день, что ухожу спать рано. Даже зубы решаю не чистить, хоть это и негигиенично.

И все же, несмотря на все хорошее — что миссис Чан будет в нашем шоу, что Рэнди нашел нового друга, а папа купил пиццу с фрикадельками и пепперони, — едва оказавшись под одеялом, я сразу же начинаю тосковать по Рамону. Как же он любил поспать! Едва семь пробьет, и он сразу на боковую.

Папа как-то сказал, что отдать ненужную вещь — это вовсе не великодушие. А вот если она тебе нравится — совсем другое дело. Ну, например, когда ты свой сэндвич с тунцом не хочешь есть и на школьном завтраке отдаешь его соседу, не надо себя после этого считать щедрым и великодушным.

Может, тебя вообще воротит от одного только запаха тунца.

Но если ты отдашь другу свой любимый шоколадный батончик, который точно ему понравится, ты и правда что-то оторвал от самого сердца.

Папа сказал еще, что самое ценное, что можно

отдать, это время. У него вечно полно дел — поэтому, может, и сказал. Хотя я о том же спросила еще у Олив, и она сказала, что чем старше становишься, тем сильнее понимаешь, как это верно. Это, наверное, потому что времени остается все меньше, а значит, и ценишь его больше.

А еще всем очень нравятся деньги, и, если их раздавать, мигом прослывешь щедрым и великодушным.

Правда, если у тебя их столько, что отданного и не заметишь, — тогда, наверное, это ты уже пускаешь пыль в глаза.

Я буду по-настоящему великодушной, если смогу отказаться от деревянной фигурки Рамона. Ну или его ошейника.

Закрываю глаза и, уже засыпая, чувствую под боком деревянного Рамона, который вдруг начинает превращаться в живого — да еще на подвесе.

Нас обоих поднимают над кроватью тянущиеся из окна металлические стропы. Оказывается, они крепятся к звездам — это становится ясно, когда мы начинаем подниматься все выше в темно-голубое ночное небо. И вот уже мы с Рамоном несемся по небу над расстилающимся внизу городком.

Смотрим вниз и видим улицы, кроны деревьев и пятнышки света от вывесок и окон.

Проносимся над «Бухтой», что выстроили в середине прошлого века в стиле модерн, и ее светящимся зеленым бассейном.

Мы парим на невидимых крыльях, мы несемся вдаль без малейшего усилия.

Точно то же чувствуешь, когда любишь кого-то или что-то всей душой.

А потом я открываю глаза и вижу падающие из окна лучи утреннего света. Подушка от них совсем теплая.

Деревянная фигурка Рамона и его ошейник на тумбочке, где им и полагается быть.

Наверное, папа с мамой заходили поцеловать меня перед сном и навели порядок.

В начале второй репетиции я рассказываю Шону Барру и миссис Чан обо всем, что узнала про Фрэнка Л. Баума.

Они слушают меня с улыбкой.

— Баум жил много-много лет назад, — говорю, — но у него было могучее воображение, благодаря которому в его рассказах появились изобретения, известные нам сегодня под названием мобильных телефонов и телевизоров.

Это фраза из «Википедии», я выучила ее практически наизусть.

Шон Барр говорит:

— Да ты что? Правда?

Я киваю. Хорошо, что он не просит подробностей, потому что я знать не знаю, в каких рассказах упоминаются эти изобретения. И, чтобы окончательно закрыть тему, я говорю:

— Но лучше самому посмотреть — так лучше запоминается.

Миссис Чан это явно нравится:

— Можно очень многое узнать, когда тебе по-настоящему интересно.

Шон Барр не отстаёт:

— Но самое главное всегда узнаешь уже после того, как решил, что знаешь все.

Я не знаю, что ещё умного на все это ответить, поэтому говорю наоборот:

— Но и вовремя замолчать уметь надо.

Шону Барру и миссис Чан эта моя последняя фраза больше всего, кажется, понравилась.

Но самое важное, чему меня пока что научили этим летом, это вовсе не петь, танцевать или четко брать метки. И даже не напрягаться всем телом и широко распахивать руки, когда вишу на подвесе. Нетерпеливо дожидаться начала музыки или отсчитывать секунды до выхода на сцену для первого нашего музыкального номера.

Главное из того, что я усвоила, — это как весело проводить время с местными студентами.

Невероятные ребята!

Причем заняты они вовсе не на одной только сцене, а везде, какую работу ни возьми. Дел ведь выше крыши — та же билетная касса, в которую нужны кассиры. Потом ещё осветители, подсобные рабочие, специалисты по стропам, потом парикмахерские дела, грим, отдел художественного оформления... Ну, не такой отдел, как в магазине, — просто так тут называют отдельные группы со своими задачами.

А все вместе мы — театр!

Ребята-оформители ходят в рабочих комбине-

зонах и вечно заляпанных краской ботинках. Самая татуировки не люблю, но у них вижу постоянно. Еще золотые сережки, шарфы и причудливые шляпы.

И вот что еще скажу — оказывается, чипсы с соевой можно есть в любое время дня. Студенты эту острую штуку даже на завтрак готовы поглощать.

А еще очень любят донатсы с кофе, спринг-роллы и мятные леденцы.

Они оттого, наверное, такие свободные, что рядом нет родителей, и никто им не говорит, что и как делать. И притом еще не взрослые, так что начальников над ними тоже нет — ну, если только профессоров за начальников не считать.

Учитель ведь не начальник, а, прежде всего, помощник. На твою жизнь он, конечно же, влияет, но только у него нет такой власти, чтобы заставить тебя заправлять постель или доест рыбные палочки (допустим, ты их терпеть не можешь).

Я уже две недели хожу на репетиции и уже почти и думать позабыла о чем-то другом — например, альбоме или письме Пайпер. Даже Рамона стала реже выглядывать, а так быть не должно. Просто перестала видеть его во всех привычных местах, где он мне мерещился раньше.

Может, начала привыкать к пустоте, а может, ее заполнили все эти новые события.

Но и плохое кое-что есть — Олив уже не такая веселая, какой была до появления Джиллиан и Коко.

По-моему, они с Джиллиан запросто подружались бы, да только есть одна большая проблема — Джанни.

Он им обеим нравится.

Я ведь еще маленькая, парня у меня никогда не было, так что я вообще ничего во всем этом не понимаю. В классе у нас много девочек, и вполне возможно даже, что мы с ними на одного мальчика заглядывались — да только я же никогда не думала об этом.

Да и Стивен Бойд даже не подозревает, что я на него глазею, когда становится скучно.

У взрослых все по-другому.

Похоже, люди совсем теряют голову от этих переживаний. Взрослые считают, что детям надо прививать порядок — чтобы руки поднимали по команде, в линейку строились, а потом ждали, пока их вызовут. Вот только глядя на то, как взрослые идут вразнос из-за своих чувств, я начинаю думать, что им сперва самих себя не мешало бы привести в порядок.

Я давно заметила, что какую ни возьми песню на радио, почти каждая — про эту самую эмоциональную проблему: любовь, мол, сразила. Самое что ни на есть подходящее слово, если меня спросите. Не подступила любовь, не наполнила и даже не охватила.

Нет.

Сразила.

И люди, кого она сразила, падают и в разные стороны разлетаются.

О том, как все было, я вот что знаю: до появления

Джиллиан Джанни с Олив вместе поужинали, сходили в кино и даже покатались на каноэ.

Вот с каноэ это они лучше всего придумали, потому что парень с девушкой только тогда садятся в одну лодку, когда нравятся друг другу.

Я бы обо всем этом и не узнала, если бы Олив не рассказала.

Вот только не знаю, моторных лодок это тоже касается или только тех, что с веслами? Мне бы сразу и спросить, но вопрос этот в голове возник уже позже.

— Мы взяли каноэ, — рассказывала Олив, — и поплыли. Закат, все так романтично.

Я эту картину представляла как наяву, пока она не сказала «романтично».

Вот этого я не поняла и до сих пор понять не могу.

Это же самая обычная взятая напрокат лодка с двумя пассажирами. У меня по этой части есть опыт — знаю, что надо обязательно надеть спасательные жилеты и что в самый неподходящий момент тебя обязательно окатит водой. А еще знаю, что гребля кажется интересным делом только до тех пор, пока сам за весло не возьмешься. Все равно что листья без конца граблями сгребать, а потом плечи ноют.

Может, просто это не мое.

Так вот, Олив рассказала, что видела, как Джанни познакомился с Джиллиан. Он, говорит, сразу резинку снял и волосы свои распустил, а потом поздно-

ровался с Джиллиан и обнялся. А ведь они даже не были знакомы, только-только встретились.

В театре, как я уже убедилась, умеют показать свои чувства. Тут все гораздо ярче, чем в обычной жизни. Поэтому и взрослые здесь чаще обнимаются, и дети чересчур громко хохочут.

Это их первое объятие Олив сразу не понравилось. А они еще долго потом разговаривали — я так думаю, что про общих знакомых по всей стране и в разных шоу, где им довелось поработать.

У Шона Барра наверняка всюду есть театральные друзья — не то что у нас.

Ну вот, наверное, Джанни с Джиллиан и порадовались, что у них есть что-то общее.

В тот день, когда появилась Джиллиан, мы с Олив доставали подвесы из тележки, а она возьми и скажи:

— Ревность — это смертельный яд, который пьешь день за днем.

Я первым делом поглядела на свой стакан с холодным кофе без кофеина — решила, что это она говорит про нашего разносчика еды. Он, когда делают заказы, невнимательно слушает и постоянно что-то путает.

Но нет. Это она говорила про свои чувства, про Джанни и Джиллиан.

Как в воду глядела! Три дня спустя Джиллиан обронила, что они с Джанни катались на каноэ!

Денек, конечно, тот еще выдался.

Будь я поумней, все бы сделала, чтобы не оказаться втянутой в эти драматические дела.

Кстати сказать, впервые на моей памяти хоть какое-то выражение полностью соответствует реальной жизни. Ведь это факультет драматического искусства университета организует нашу драматургическую постановку, а тут еще у нас и эта личная драма нарисовалась.

Так что да, я по самые уши увязла в драматических событиях.

Грустно это, но вместе с тем наблюдать за взрослыми мне нравится.

Олив сказала, что нам надо сосредоточиться на постановке, а все остальное не имеет значения. Но я-то вижу, что на душе у нее невесело.

После того как заканчивается репетиция сцен с крылатыми обезьянами, нас отпускают домой. Олив всегда уходит сразу, а миссис Чан ненадолго подсаживается к Шону Барру, так что и я поскорее усаживаюсь рядом.

Стараюсь не шуметь и слушать, о чем они там разговаривают.

Чаще всего, конечно, о спектакле. Миссис Чан много чего знает. Она мне сказала как-то, что надо учиться на мелочах. Большое, мол, и так всякий заметит — ну, например, что актер текст забыл или не в ту сторону пошел на сцене.

Я, чтобы не рассеиваться, теперь стараюсь мысленно описывать все, что происходит вокруг. Это

непросто, конечно, особенно если ты одно и то же рассматриваешь по многу раз. Наперед знаешь, что должно произойти, и ничего тебя не удивляет.

Но я стараюсь каждый раз на все смотреть по-новому. Как могу, концентрируюсь. Первой необычностью, которую я заметила, было то, что справа от сцены подсветка не такая яркая, как накануне, — одна лампочка перегорела.

А однажды вижу вдруг, что во время песни про Изумрудный город все гномы встали слишком близко друг к другу, и надо бы им слегка подражаться.

Или слышу, что кто-то чересчур громко голосит и выбивается из общего тона.

Сперва я обо всем увиденном и услышанном молчала, но Шон Барр как-то сказал:

— Малышка, я хочу, чтобы ты рассказывала мне обо всем, что видишь. Ты моя дополнительная пара глаз, лучше меня улавливаешь всякие мелочи. Я ведь всего лишь стареющий гаер с прогрессирующей макулодистрофией.

Я понятия не имею, что это значит, а у миссис Чан спросить забыла.

Хотел, наверное, сказать, что очки надо чаще надевать. Ну или что он уже старенький, как будто я и без того не знаю.

Теперь, когда Шон Барр поворачивается к нам с миссис Чан и спрашивает: «Ну, как вам?», я ему сразу говорю, если что-то заметила.

Удивительно, как Шон Барр без конца нахо-

дит способности сделать нашу постановку еще лучше. Постоянно дает полезные советы и Джиллиан, и Джо-Дровосеку, и Райану-Льву с Ахметом-Страшилой.

А больше всех он, по-моему, любит колдуний. Особенно Китти. То и дело к ней подходит и шепчет что-то на ухо. Не знаю уж, что такое говорит, но Китти в последнее время ходит какая-то испуганная, и я так думаю, это из-за Шона Барра.

Вот бы его к нам в школу директором!

На уроках миссис Вэнсил по истории нам как-то надо было выходить к доске и рассказывать про кусочек Гражданской войны. Жаль, что в тот день в классе не было Шона Барра — он бы мне сразу сказал:

— Помедленней, Малышка, помедленней. Не таторь.

А потом еще:

— Громче говори, чтобы тебя в конце класса слышно было. Но только не кричи — направляй голос.

И еще напомнил бы, чтобы я волосы не перебирала. Я так часто делаю, когда волнуюсь. Хотя я такая не одна. В общем, будь в тот день в классе Шон Барр, одноклассники мои узнали бы про Мэри Тодд Линкольн* гораздо больше.

* Тодд Линкольн Мэри — супруга президента США Авраама Линкольна.

Премьера все ближе, и мы уже репетируем без перерывов, проигрывая спектакль раз за разом. Это называется сплошной прогон.

А сегодня у нас большое событие — впервые репетируем с оркестром. Но я так привыкла петь под фортепиано, что теперь никак не могу сосредоточиться.

Но музыканты — удивительные люди. У них свой особый письменный язык, и этот язык — музыка. Я никогда не пойму, как они умудряются все вместе играть одну песню, глядя на черные точки у себя в тетрадках.

Я ведь пыталась этому научиться у миссис Су-крем, да ничего не вышло. Вот уж у кого настоящий талант!

А все остальные тут так — балуются, если, конечно, не считать Шона Барра, который и на фортепиано играть умеет, и танцевать, а самое главное — может кого угодно рассмешить.

Премьера у нас в пятницу.

В понедельник репетиция заканчивается раньше обычного — Шон Барр говорит, что всем нам пора

переходить к следующему этапу, который он назвал «процедура».

Иногда он ведет себя точь-в-точь, как тренер, — но совсем не как мистер Саркисян, который в этом году тренировал нашу школьную футбольную команду. Тот только и делал, что кричал, а когда говорил спокойно, то я раз за разом слышала только одно: «Смотри на мяч, Джулия! На мяч смотри!»

А я и смотрю на него, не отворачиваясь, да только у меня нет такого инстинкта, чтобы бегать за мячом.

Это ж совсем другое, и «смотри» тут ни при чем.

Рамон тоже не бегал за мячом, так что тут мы с ним очень похожи. Я ему что угодно могла кинуть, а он и в ус не дует. Вот будь это свиная отбивная, все, наверное, вышло бы по-другому, да только попробовать я не успела.

Хотя иногда он все-таки за палкой мог сбегать. Но чаще всего просто смотрел на меня так, будто хотел сказать: «Ну зачем тебе это?» Я и не настаивала, потому что и сама в этом не видела смысла. К тому же бросаю я так себе.

— В эту пятницу наконец-то все расставим по местам, — говорит Шон Барр. — Завтра у нас первая репетиция в костюмах и гриме, причем вы в них будете ходить до самого перерыва. В идеале вам, гномам, после своего номера надо сидеть за кулисами в костюмах до самого конца, чтобы потом в них же выходить на поклон. Но тут из взрослых только Олив и Ларри с Квинси, а от детей требовать такого я не

могу... ну, разве что у кого-то в зале будут родители. В общем, я вам разрешаю после «Следуй дорогой из желтого кирпича» переодеваться в гримерках и ехать по домам. Но если кто-то захочет остаться — милости просим.

Еще бы я не осталась!

Судя по лицам, все остальные дети тоже не собираются уходить.

Хоть бы их всех забрали родители!

За последний месяц я почему-то привыкла думать о самой себе как о студентке — ну ладно, ладно, хотя бы старшекласснице.

А все остальные гномы еще дети.

Я хочу, чтобы их развезли по домам и отправили в постель.

Пытаюсь представить себе, каково будет выйти на поклон с Олив и Ларри с Квинси... Замечательно будет, как же иначе! Но все же не надо думать только о себе самой. Рэнди тоже пусть выходит. Ну и друг его, Джин, если захочет. И девчонки из Колыбельной лиги — Дезире, Салли и Нина, — они мне тоже очень нравятся, если честно. Потом, среди гномов есть самая симпатичная девочка из всех, кого я знаю, — Роббин Тинделл. Будь у меня побольше времени, я бы ее уже давно спросила, не хочет ли она сходить со мной в боулинг. Надо еще выяснить, в какой школе она учится. Пайпер с Кайли ей тоже наверняка будут рады.

Но сейчас не время обо всем этом думать, пото-

му что выход на поклон — самая главная часть шоу, надо на ней сосредоточиться. Представляю себе, какие будут аплодисменты. И тут я вдруг спохватываюсь: постойте-ка, так ведь я в этот момент буду в костюме крылатой обезьяны!

Это лучше или хуже, что придется выходить на поклон в нем?

Вряд ли я успею быстро переодеться из одного костюма в другой и поменять грим, так что теперь уже не важно, сколько гномов останется до конца. Я не с ними буду. На поклон я пойду с Олив, миссис Чан и тремя парнями из Кливленда. Они, кстати, приехали вчера. Ребята хоть и приветливые, но сразу чувствуется, что у них своя команда. Олив сказала, что нам надо быть с ними вежливыми и ни о чем не переживать. Как же хорошо, когда у тебя есть наставник — пусть даже Олив в последнее время с Квинси и Ларри общается чаще, чем со мной.

Я тоже всегда вроде рядом, но у меня появляется такое чувство, будто Олив уже позабыла, как нам было весело вдвоем.

На прошлой неделе Олив в конце репетиции опустила голову на плечо Квинси. Мы все устали, но она выглядела скорее грустной. Я даже разглядела у нее в глазах слезинки, когда Джанни ушел за кулисы. Он к нам больше не подходит поболтать. А Квинси после того случая стал Олив приносить подарки — сначала книгу стихов, потом банку газировки и, наконец, шоколадное пирожное со сли-

вочной начинкой. Она его за все это благодарит, но веселее не становится.

Интересно, стихи-то хоть прочитала? Вообще стихи читать — дело непростое, потому что в них куча загадок, и все время надо гадать, что там автор имел в виду. Я вот считаю, если хочешь что-то сказать — сразу выкладывай всю суть да хорошенько еще объясни.

Олив простой салфетке из кафетерия от Джанни обрадовалась бы больше, чем всем подаркам Квинси. К тому же шоколадное пирожное она тайком от Квинси отдала мне. Я потому и знаю, что внутри был сливочный крем.

По дороге домой миссис Чан часто разъясняет мне все то, что я не поняла на репетиции. И сегодня, когда мы уже подъезжаем к своей улице, она говорит:

— Последние дни перед премьерой всегда самые волнительные. Все и устали, и возбуждены. Тут проще простого какой-нибудь драме случиться.

Мы как раз стоим на светофоре, так что она глядит прямо на меня.

Могу представить, как она сама вымотана. Даже я теперь чувствую себя гораздо старше, чем есть на самом деле, а ведь я еще ребенок.

За последние недели миссис Чан сшила костюмы почти для всех гномов (я уж не говорю о нарядах для крылатых обезьян).

Между нами говоря, она даже костюм Трусливого Льва, Райана, отнесла к себе домой и переделала.

Его одна студентка, Жозефина, делала в качестве дипломной работы. Я понятия не имела, что это такое, пока миссис Чан не объяснила — вроде как толстая научная работа. Вот только Жозефине разрешили вместо писанины придумать и сшить костюм Льва. Шон Барр знал, что миссис Чан сделает лучше, но они не хотели обижать Жозефину.

Жозефина, я думаю, не могла не заметить, что костюм теперь выглядит по-другому, но не сказала ни слова. Больше того — ходит теперь веселая.

Выходит, некоторым людям не нужно славы — для них главное, чтобы дело было хорошо сделано.

Тут зеленый свет зажигается, а миссис Чан все на меня смотрит. Ну я и говорю:

— Миссис Чан, а ваша дочь на спектакль придет?

Я ведь знаю, что она в наш город переехала из-за дочери. Она это в самом начале сказала, давным-давно (хотя на самом деле прошел всего месяц).

Миссис Чан отворачивается к дороге, а чуть спустя говорит:

— Нет, не придет.

Тут бы мне тему и закрыть, будь я человеком, который не лезет в душу к другим, но слишком уж сильно меня мучает любопытство.

— Как так? — спрашиваю. — Нам ведь каждому полагается четыре билета со скидкой.

Миссис Чан говорит:

— Моя дочь в ином мире, Джулия.

А я этого не знала.

Утыкаюсь в окно и вдруг понимаю, что за время наших поездок могла уже сто раз расспросить миссис Чан про семью, но слишком была занята постановкой, знай себе болтала про Шона Барра, про Олив с Джанни, про подвесы с костюмами — ну и про саму себя, наверное. Тут я закрываю глаза.

«В ином мире». Тоже, конечно, выражение не из самых удачных.

Вот Рамон умер.

Ни в какой мир он не уходил.

Но некоторым людям слишком тяжело произнести слово «умер». А может, даже больно.

Вот только когда говорят про иной мир, звучит так, будто человек просто взял и куда-то ушел. Нет, отчасти это, может, и правда, но раз уж мы не знаем, что там будет дальше, правильнее сказать, что все, закончилась жизнь.

Я открываю глаза и смотрю на миссис Чан:

— Мне очень жаль, что ее жизнь закончилась.

Она тихонько так отвечает:

— Мне тоже.

Мне интересно услышать подробности — сколько лет ей было, что вообще случилось.

Я жду.

Мы еще несколько кварталов проезжаем, и тут миссис Чан чуть было не включает радио. Она уже собралась было, протянула руку к переключателю, но потом опять возвращает ее на руль.

— Рак, — говорит, — ей было сорок девять лет.

— А мы возраста Рамона не знали, — говорю, — он же из приюта.

И тут же спохватываюсь, что нехорошо сравнивать собаку с человеком, с ее дочерью.

Но слово — не воробей.

Вот почему надо думать, прежде чем решил что-то сказать.

Миссис Чан ставит машину у обочины, а она сейчас пустая, так что припарковаться проще простого. С парковкой ей обычно дольше приходится повозиться.

Обиделась?

Она заглушает двигатель и поворачивается ко мне. Лицо стало совсем другим — вытянулось, и щеки опали.

И я, глядя на нее, почему-то начинаю плакать.

И она тоже, кажется. Я точно не знаю, потому что миссис Чан отстегивает ремень, придвигается поближе и обнимает меня, и мне сразу становится спокойно, как будто так и должно быть, чтобы слезы сбегали по щекам на подбородок, а оттуда — на мою блузку-крестьянку.

Она только одно говорит:

— Это были утки Ли. Любимицы ее.

А я прижимаюсь к ней и думаю про уток и про иной мир.

Он нас всех ждет.

Может, теперь я уже из-за этого плачу. Мы проживаем день за днем и каждое утро просыпаемся

в новом дне, и никуда не уйти от того, что, если есть начало, значит, будет середина, а потом — конец.

Не знаю, сколько мы стоим, но потом миссис Чан выпускает меня из объятий и снова заводит машину.

Мы едем молча. Только, когда я выхожу, миссис Чан говорит:

— Увидимся завтра на примерке.

На этот раз я хорошенько обдумала то, что скажу.

И говорю тихо, почти шепчу:

— Жизнь — это кабаре.

Понятия не имею, что это значит, но пару дней назад Шон Барр сказал эти слова миссис Чан, и они оба засмеялись.

Срабатывает. Она улыбается.

Кабаре. Наверное, это вино какое-то.

Надеюсь, она нальет себе бокал побольше.

Я лежу на кровати, раз за разом прокручивая в памяти все, что произошло, но тут в комнату заходит мама и говорит, что звонила доктор Бринкман. Они с папой хотят со мной поговорить — в общем, мне надо спуститься. С виду не скажешь, чтобы она была чем-то недовольна или расстроена. Скорее выглядит загадочно, будто припасла для меня какой-то секрет. Я пытаюсь сообразить, что такого могло стрястись, чтобы родители решили с такими церемониями поговорить со мной про доктора Бринкман. Она же сказала, что брекеты могут и подождать. Просила я, не родители, но ведь она сама согласилась.

Папа уже сидит за обеденным столом, так что и я сажусь туда же. Рамон вечно забирался под стол, когда мы садились есть. Он не прятался, просто ему там, на ковре у моих ног, было спокойней.

И мне так было удобнее ему просовывать еду, когда никто не видит.

— Знаешь уже, — спрашивает, улыбаясь, папа, — что звонила доктор Бринкман?

— Я зубы регулярно чищу, — говорю, — все, как

она сказала. Сами щетку проверьте, она утром и вечером мокрая.

Мама говорит:

— Молодец! Но она не поэтому звонила.

Папа хлопает в ладоши и сцепляет пальцы. Явно взволнован.

— Она составила график роста на базе рентгена твоих зубов и костей запястья.

— И-и-и?.. — только и могу сказать я.

И тут мама выпаливает, будто сдерживалась из последних сил:

— Джулия! У тебя задержка костного возраста!

— Я умру? — спрашиваю.

Тут они совсем развеселились и начинают смеяться. Это с их стороны уже совсем нехорошо — сперва напугали до полусмерти, а теперь смеются.

— Нет! — мама восклицает. — Нет, конечно! Мы всего лишь хотим сказать, что рост твоих костей просто пока не соответствует возрасту. Так бывает!

И тут папа говорит самое главное:

— Ортодонт сказала, что ты вытянешься до метра шестидесяти двух!

Я стою и гляжу на них, а папа с мамой прямо-таки сияют.

У меня такое чувство, будто что-то медленно поднимается от пола и вдруг со всего размаха бьет мне по голове. Я лечу в бездну невидимого океана и вдруг начинаю реветь.

— Что с тобой, милая? — Мама испуганно вска-

кивает со стула и обнимает меня, а я плачу и не могу остановиться. Потом сквозь всхлипы выдавливаю:

— Я... я хочу остаться коротышкой!

Выскальзываю у нее из рук и выбегаю из столовой.

Я хоть и маленькая, но внутри-то ведь большая!

Я Малышка!

Я могу сжаться клубочком и втиснуться на третий ряд сидений нашей машины.

Я сквозь собачью дверцу могу протиснуться.

На школьных фотографиях меня всегда ставят в первый ряд.

Я — гном и самая маленькая из крылатых обезьян.

Средний рост гватемальских женщин — метр сорок семь. Я как-то думала, что однажды, может, уеду туда и поселюсь с ними. А здесь, в Штатах, если ты ниже ста сорока семи, можно получить голубой инвалидный номер и бесплатно парковаться, где тебе заблагорассудится.

Моей лучшей подруге Олив тридцать лет, и она совсем маленькая.

Шарлотта Бронте тоже была маленькой, и даже королева Виктория.

В матери Терезе было росту всего метр пятьдесят два.

Я хочу быть как они!

Но не буду. Я вырасту до ста шестидесяти двух.

Это средний рост американских женщин.

Выходит, не бывать мне больше коротышкой. Буду средней.

Я прошу папу с мамой никому об этом не говорить.

В секретах ведь нет ничего плохого, особенно когда они касаются твоей собственной жизни.

А потом вдруг вспоминаю, что, когда мне делали рентген, я пошевелила рукой.

Не махала, конечно, но она точно шевельнулась — дернулась немножко.

Я тогда промолчала, потому что медсестре принесли греческий салат.

Вот они и решили, что я вырасту, да только зря надеются.

Родители совсем не понимают, отчего я так расстроилась, но хотя бы согласились молчать.

А отдельно они пообещали мне, что ничего не скажут бабушке Рукавичке.

Я было подумала рассказать все миссис Чан — и что рукой шевельнула, но потом решаю ей тоже ничего не говорить.

И Олив, Ларри и Квинси ничего не скажу.

Даже Льву Райану.

И уж точно — Шону Барру.

Я ведь уже перестала волноваться из-за того, что не расту. Раньше все время только об этом и думала, а потом стала гномом, и все разом изменилось. В стране гномов коротышки — хозяева.

И будь я обычного роста, меня туда никогда не позвали бы.

Сегодня вечером — премьера.

Мама просовывает голову в дверь и видит, что я лежу на кровати и уставилась в потолок.

— Ты как? — спрашивает.

— Нормально, — говорю.

— У тебя сегодня важный вечер.

— А Рэнди что делает?

— Уехал к Джину на велосипеде.

Я киваю, будто так и думала. Но только сама я перед премьерой ни за что бы никуда не поехала, тем более на велосипеде. Мне нужно вспомнить слова всех песен и мысленно перебрать каждый шаг. Потренироваться (мысленно, конечно) правильно держать ноги в тот момент, когда крылатые обезьяны пронесутся в небе и опустятся на сцену. Надо собраться, сосредоточиться и хорошенько поволноваться обо всем, что мне предстоит сделать.

— Ты точно в норме? — спрашивает мама.

— Да просто как-то странно себя чувствую, — говорю, — потому и легла.

— Я тебе сейчас имбирной газировки принесу.

У нас же отродясь газировки в доме не водилось!

И откуда же, спрашивается, взялась имбирная? Мама знала, что ли, что мне будет нездоровиться? Хотя, конечно, она много чего удивительного знает и умеет. А может, это бабушка Рукавичка привезла. Она-то газировку вовсю пьет. На той неделе как раз вернулась со своей рыбалки.

Перед тем как выйти, мама говорит:

— Бабочки в животе — самое нормальное дело.

Я слышу, как она спускается в кухню, и думаю о сказанном. Она ведь не имела в виду, что я на самом деле нескольких бабочек проглотила, и теперь они у меня в желудке перевариваются.

Откуда вообще пошло это выражение? Может, когда-то и правда что-то подобное случилось?

Кто-то взял да и проглотил несколько малюсеньких бабочек живьем, причем не жевал, а одним махом проглотил, так что они по пищеводу попали в желудок. А там взяли да и раскрыли свои крылышки. Я представляю себе пещеру с черной жижей, в которой, как остатки кораблекрушения, плавают перемолотые зубами хлопья и куски банана (мой сегодняшний завтрак).

А бабочки хотят наружу.

Может, они даже договорились все вместе лететь в одном направлении.

Или нет.

Может, в разные отправились.

В любом случае это бабочки, а не мыши какие-нибудь или птицы.

Чувствовать-то ты их чувствуешь, но сильно толкнуться они все равно не могут, потому что слабые.

А потом так устают, что дальше лететь не могут и падают прямо в эту черную комковатую жижу. Я представляю себе черный пруд, который появляется после дождливой ночи у канализационной решетки. Там обычно много всякой дряни плавает.

Хотя лучше, пожалуй, я это чувство так опишу — у меня в животе трепыхаются мотыльки.

Они ведь меньше бабочек, так что их легче проглотить одним махом, не жуя. Кроме того, у мотыльков (по крайней мере тех, что я видела) и крылья поплотнее, чем у бабочек.

Да только кто ж в здравом уме станет глотать мотыльков?

Тут, к счастью, приходит мама со стаканом имбирной газировки, так что можно забыть о несчастных насекомых. Правда, у меня от газировки иногда шипит в носу — наверное, пузырьки.

Я решаю испытать границы маминой заботы и говорю:

— А от мороженого с подогретым шоколадом мне бы еще лучше стало.

— Это, — отвечает, — после обеда, может быть.

Вот они, границы, на месте.

Спустя несколько часов Рэнди возвращается домой, и я уверена, что к его животу бабочки и на пушечный выстрел не подлетали. Я ведь знаю, что этим летом он веселится на полную, ведь он нашел

себе нового друга и у него отлично получается роль мэра страны гномов, а еще у брата медовый голос, и на сцене Рэнди себя ведет естественно. Я не раз слышала, как люди про него это говорят.

Я иду к нему:

— Ты, когда вырастешь, хочешь стать актером?

Он качает головой.

— Но ведь у тебя отлично получается!

— Я хиропрактиком хочу стать, как папа Джина.

А если не получится, может, в астрологи пойду.

После этого он уходит в гостиную и усаживается смотреть какую-то глупую передачу. У него куча талантов, и один из них, пожалуй, — это всегда сохранять спокойствие. С чего бы он вдруг астрологией заинтересовался? Ни разу не видела, чтобы Рэнди читал гороскоп.

Я принимаю душ и старательно высушиваю волосы феном.

А потом две косички заплетаю. Я их обычно укладываю на голову и скрепляю заколками. Под моим колпаком-горшком волос все равно будет не видно, но зато на такую прическу отлично натягивается красная шапочка из костюма крылатой обезьяны. Волосы, наверное, можно было бы и не мыть, но это как-то непрофессионально.

На часах долгожданные пять вечера. Нам пора в театр. Миссис Чан поедет отдельно, со своим другом Стеном, который вызвался всем нам наложить грим. Бабочки в животе после недолгого отдыха снова про-

снулись, и, когда мы садимся в машину, я чувствую, как отчаянно они пытаются выбраться наружу.

Мама тормозит перед театром. Она очень взволнована. Может, и сама хотела играть на сцене, когда была ребенком, а не получилось. Мы уже на тротуаре, когда она выкрикивает из машины:

— Ну, чтоб нога сломалась!

Я знаю, что перед выходом на сцену актеру всегда так по старинной традиции говорят — как «ни пуха ни пера» перед экзаменом. Но разве стоит желать сломанной ноги тому, кто будет летать на подвесе над деревянной сценой?

Вряд ли.

От бабочек в животе меня начинает пошатывать. Я приваливаюсь к пассажирской двери машины, улыбаюсь маме и говорю ей то, что хотела сказать все лето:

— Мам, спасибо. Спасибо, что заставила меня пойти на прослушивание.

Кажется, я только что сторицей вознаградила ее за то, что она когда-то решилась стать матерью.

Я никогда не забуду ее лицо. Жаль, что у меня нет мобильного — фото мамы в этот момент так и просится в мой альбом. У нее слезы в глазах, но все равно улыбается. Невероятная картина.

Надо запомнить, какой силой может обладать простое «спасибо».

Особенно когда говоришь его близким.

Они, наверное, меньше всего такого ждут.

В театре все встречающие желают нам с братом сломать ногу. Рэнди отвечает тем же, а я молчу. Но, чтобы не показаться невежливой, улыбаюсь. Неужели они уже забыли, как Шон Барр рухнул с лестницы и его потом медики выносили из зала?

Я по-прежнему пытаюсь унять бабочек в животе.

Мы с Рэнди заходим в примерку — там царит сумасшедший переполох. На подмогу студентам пригласили уйму их друзей, которые теперь возятся с гномами, накладывая грим. У нас было уже две генеральные репетиции, но гномов так много, что времени наложить грим на каждого попросту не хватило, и половине детей пришлось репетировать без него.

Теперь же все по-настоящему, так что никто из нас без внимания не останется. Я сажусь на стул, и подбежавшая девушка велит мне нахмуриться. Так и делаю. Она говорит, чтобы я замерла, и принимается рисовать морщины мягким карандашом для глаз.

Когда она заканчивает, я смотрю в зеркало.

И вовсе я не выгляжу старой.

Я выгляжу как ребенок, которому что-то накаляли на лице.

Но я не хочу возмущаться и раскачивать лодку. Кстати сказать, в этом выражении хоть какой-то смысл есть, пусть даже мы на суше, а ни в какой не лодке. Я не хочу поднимать лишние волны, когда дело так далеко зашло. Хотя мы ведь тут спектакль играем, а не проводим матч, и я в театральной гри-

мерке перед премьерой сию, а не в спортивной раздевалке.

После того как всем нам заканчивают пачкать лица, нас отводят туда, где висят костюмы. Немного неловко, конечно, потому что мальчиков от девочек отделили одной тонюсенькой занавеской, и я вижу, как Ники Олдхаузер то и дело норовит заглянуть на нашу половину.

Я бы пожаловалась, но сейчас ни у кого нет времени кричать на Ники Олдхаузера.

Девочки как-то умудряются сами натянуть костюмы, а мальчики то и дело просят им помочь.

За кулисами я вижу, как приносят цветы для Джиллиан, и это очень мило. Она ведь звезда этого шоу, так что ей полагается больше всего внимания. Глупо, конечно, но мне хочется, чтобы и для меня кто-нибудь припас букетик.

А потом происходит что-то странное. Кевин-банкир, наш Волшебник, вдруг берет и целует Джиллиан.

Это вовсе не быстрый поцелуйчик, а один из тех, когда кажется, что губы будто бы стянуло магнитами.

Что тут вообще происходит?

Я смотрю на Олив, а она тоже на них уставилась.

Мне бы надо в роль входить и распеваться, как нас учили, или хотя бы отойти с прохода и не мешать, а я подхожу к Олив и спрашиваю:

— Ты это видела?

А она в ответ только пожимает плечами.

— Что тут, по-твоему, происходит? — шепчу.

— Джиллиан сказала, — отвечает она мне, — что просто флиртовала с Джанни. Она с прошлого уикэнда встречается с Кевином. Кажется, он ей помог с кредитом на новую машину.

Я поражена.

Не из-за кредита, нет (он ведь банкир), а потому что думала, будто Джиллиан влюблена в Джанни. А еще странно, что Олив не радуется. Выглядит так, будто это сущая мелочь.

А тут и Джанни входит.

В руках у него здоровенный букет красных роз. Я таких никогда не видела. У них стебли длиной от моего локтя до пола. Как будто целый сад роз ради этого букета срезали (и стоило оно того?).

Хоть бы Джанни с Кевином не подрались.

Но Джанни проходит мимо Джиллиан с Кевином так, будто их там вообще нет, и вручает свой гигантский букет Олив. А я прямо рядом с ней стою.

Никогда еще мне не приходилось участвовать в чем-то столь захватывающем.

— Это мне? — спрашивает Олив.

— Ну конечно же тебе, — говорит Джанни.

Меня от гордости прямо распирает, будто это мне вручили розы. Восхитительное чувство.

Олив берет букет.

— Спасибо, Джанни, — говорит, да так буднично, будто он ей придержал дверь, когда она шла выкидывать мусор и сама этого не могла сделать.

Я, наверное, в этот момент во сто раз счастливей ее выгляжу.

Джанни говорит:

— Мне надо пойти проверить тросы и музыкальную справку.

Олив кивает.

Он уходит.

Я хватаю ее за руку:

— Ты разве не рада? Это ж просто восторг! Хотя на что спорю, он тебя теперь снова на лодке позовет кататься!

Олив снова пожимает плечами:

— Мне это уже не так интересно, как раньше.

Она подходит к глубокой раковине, откуда наши гримеры набирают воду, да только вазы-то там нет. Тогда Олив берет с полки пустой кофейник, втискивает туда стебли роз и ставит все это на раковину.

Наверное, лучше бы Джанни принес маленькие чайные розы с сомкнутыми бутонами, от которых пахнет тонко и сладко. Сама бы я оранжевые выбрала, потому что это мой любимый цвет, и непременно из садика миссис Чан. А эти красные на вид слишком уж идеальные, чересчур красные, и наверняка внутрь стеблей вставлена проволока, чтобы не гнулись.

Мне Олив не хочется упрекать, но все же она неплохо поступила, потому что, даже если Джанни и ошибся с розами, это все же подарок.

И тут мне вдруг в голову приходит новая мысль —

а точно ли это для нее подарок, или просто Джанни хотел так что-то Кевину с Джиллиан сказать?

Спросить бы об этом миссис Чан, да она где-то возится со Львом-Райаном — поди ее отыщи. К тому же гномам велено держаться вместе и друг от друга не отходить.

Я нахожу взглядом Дезире, Нину и Салли. Эх, думаю, что ж я для них-то цветы не принесла? Наверное, можно будет потом сказать, что я очень хотела это сделать, ну или завтра уже их порадовать.

Ладно, с подарками потом разберусь, когда время будет, ну и чуть внимательнее постараюсь разобраться, что там творится в мире взрослых разбитых сердец.

Шон Барр говорит, что в любой ситуации есть две стороны — одну мы видим, а другую — нет.

Но даже то, что не видно, можно почувствовать, если быть внимательным.

Еще минуту назад казалось, что от начала шоу нас отделяет целая вечность, и вдруг я понимаю, что музыканты уже принялись разыгрываться, а публика шумно рассаживается по местам.

И то и другое одновременно и пугает, и будоражит. Не так уж много у нас было репетиций с музыкантами. Их инструменты громче, чем мне казалось раньше, и звук у них мощнее. Нет, это, конечно, замечательно, да только мне бы сейчас глотнуть имбирной газировки, чтобы перестало бурлить в животе.

Гномов вокруг столько, что мы не помещаемся за кулисами, приходится встать за сценой в шеренгу. Некоторые из ребят садятся, но только костюмы позволяют это сделать не всем.

Я не сажусь, потому что боюсь испачкаться. Пол, кажется, не слишком чистый.

А потом, спустя еще одну вечность, мы слышим:

— Все по местам!

Раздается музыка, публика затихает, и шоу начинается.

Шон Барр смотрит представление из зала. Я думала, что он придет сюда, чтобы нам помогать, но главная тут теперь Харисс, помощник режиссера. Ну а сам наш режиссер уселся в последнем ряду, чтобы просмотреть весь спектакль так, будто он простой зритель, который купил билет. А потом скажет нам, что сделать, чтобы все было еще лучше.

Занавес поднимается, Джиллиан выходит на сцену, и вскоре мы уже слышим, как она поет про радугу.

Публике, судя по аплодисментам, очень нравится. И тут я вдруг чувствую, что и мне захотелось на сцену.

С чего это все плюшки ей одной?

Мы ждем, ждем и ждем. Каждая минута тянется в десять раз дольше обычного. Наконец Джиллиан заканчивает свою песню про Канзас.

Мы занимаем свои места на темной сцене во время смены декораций, чтобы ждать сигнала уже там. Женщины и мужчины в черной одежде шустро двигают стены. Это рабочие, но не те, к которым мы уже привыкли, а новые люди. Приходится глядеть в оба, потому что они толкают перед собой здоровенные декорации, а делается это все в полной тишине. Только когда одному из парней что-то наезжает на ногу, он вполголоса чертыхается. Нам слышно, а вот зрителям, надеюсь, нет.

Наконец Харисс дает знак — пришел наш черед. Большой частью гномы должны прятаться под большими оранжевыми цветками с широченными

блестящими листьями. Страна гномов ведь не ферма в степи — она больше похожа на малышовскую раскраску.

За последние сутки перед премьерой оформители добавили в заросли цветов кучу новых листьев и бутонов.

Они трудились четыре недели кряду, но за эту ночь, кажется, успели сделать вдесятеро больше. Нас обступают здоровенные цветущие маргаритки, каких я в жизни не видала, а если взяться за стебли некоторых из этих новых цветов, на ладони остается краска.

Выглядит-то все это замечательно, вот только мы сгрудились гораздо теснее, чем на репетициях.

Я нахожу свое место рядом с Олив, и мы приседаем. Ужасно неудобно — мне в ухо утыкается лист, сделанный из еще липкого папье-маше на проволоочном каркасе.

Некоторые дети не могут спокойно усидеть на месте, и цветы от этого колышутся.

А такого быть не должно.

Я бы им сказала, чтобы прекратили, но, конечно, не могу. Наше появление должно стать неожиданностью, а ее точно не будет, если кто-то станет шевелиться.

Рэнди прятаться не нужно — он ждет выхода за яркой оранжевой дверью в каменной стене. Это вроде как ратуша или какое-то другое официальное место. Дверь ему точь-в-точь под рост. Они там стоят

с Квинси, который играет следователя, и Джином. Только у него особой роли нет, просто выходит на сцену в таком же, как у Рэнди, пухлом костюме. Они в них выглядят надувными — круглые, как воздушные шарики. Отлично смотрится.

Кроме здорового пуза у Рэнди еще и парик с лысиной на макушке. Его прямо на волосы надевают, так что голова начинает казаться гораздо больше.

Хотя, может, это только мне кажется, потому что я брата хорошо знаю.

А на Квинси хламида типа священнической и смешные очки. Кто вообще решил, что следователь так должен быть одет? У Джина пышные шорты и полосатые чулки.

Чем дальше мы ждем, присев, тем заметнее, что гномы «теряют концентрацию», как выражается Шон Барр. В костюмах жарко, к тому же у всех на головах еще и колпаки. Несколько мальчиков обряжены в пестрые фраки, а дюжина других похожи на деревянных солдатиков. Ткань, из которой у них мундиры, очень напоминает ту, которой обивают бильярдные столы.

Я пучу глаза, вглядываясь в темноту, и вижу, что солдатик вонсю потеют, а нарисованные у них на лицах линии уже поплыли.

Плохо, видно, слушали — нам ведь строго-на-строго запрещали трогать лица в гриме.

Как только Джиллиан с Коко на руках выйдет из-

за угла (она только что приземлилась), должна появиться Добрая колдунья, а там уж вскоре она и нас позовет.

В самый разгар переживаний о том, как же все это будет, я слышу первый сигнал, а значит, мы все должны захихикать.

Хихикаем.

А потом Добрая колдунья поет:

— Выходите-выходите...

Вообще-то из-за цветов мы должны выбираться медленно.

Вот только под этими фальшивыми зарослями настолько жарко, что все выскакивают разом. Нам велено поначалу даже не подходить к дороге из желтого кирпича, но, кажется, почти все об этом позабыли.

Я не хочу паниковать.

Но, кажется, паникую.

Быстро озираюсь и вижу, что мы все не там, где должны быть.

Нам полагалось выстроиться в форме полумесяца, а мы вместо этого сгрудились сейчас в виде толпы, которая топчется жарким днем у входа в бассейн.

Некоторые толкаются, и даже сильно.

Первая строчка, которую мы пропеваем, звучит так:

— «Она говорит, что Канзас — это имя звезды».

Вот только в нашем исполнении это звучит как-то сердито и чересчур спешно — будто все хотят протаторить слова как можно быстрее.

Шон Барр говорил, что при виде Джиллиан мы должны выглядеть опасливо — «робеть», как он выразился.

Ничего подобного.

Гномы знай себе бестолково топчутся на месте.

Мы с Олив единственные взяли свои метки.

Даже Ларри ушел слишком далеко влево и явно нервничает. Все потеют, трутся друг о друга локтями и совсем не «используют сцену», как нас учил Шон Барр.

Первую часть мы худо-бедно пропеваем, а потом идет момент, когда гномы радуются смерти Злой колдуньи — тут все должны хватать друг друга под руки, кружиться и вертеться. Вот только мы стоим слишком близко друг к другу, так что опять начинается сущая толчея.

Вслед за этой песней приходит время для выхода Рэнди. Он должен выскочить из-за маленькой дверцы после условного сигнала — звука фанфар.

Но тут случается новая неприятность.

Гремят фанфары, а дверь остается закрытой.

Фанфары трубят по второму разу, а Рэнди нет как нет.

И тут я понимаю, что дверь заклинило.

Видно, как вся стена — холст на деревянном каркасе — ходит ходуном. Это Рэнди, Джин и Квинси пытаются распахнуть дверь.

А я понятия не имею, что делать.

Фанфары в третий раз играют, и тут нижняя па-

нель двери вылетает, будто ее выбили. Я вижу, как с той стороны Джанни просовывает руку и поворачивает-таки ручку.

Рэнди, надо сказать, несмотря на все это, держится молодцом.

Чинно эдак кланяется публике, будто вся эта суэта была по сценарию.

А вот Квинси так растерян, что умудряется на единственной ступеньке споткнуться и шлепается на сцену. Тут уж Олив не выдерживает, идет к нему и помогает встать. Вроде цел.

Рэнди принимается петь, глядя на Джиллиан так, будто для него во всем свете нет и не будет никого, кроме этой самой Дороти.

Дальнейшее я помню плохо.

Нет-нет, в обморок я не шлепнулась. Просто накатило такое чувство, будто я вовсе и не на сцене, а смотрю на все со стороны. Будто даже не в своем теле.

Закончив «Ступай дорогой из желтого кирпича», нашу главную песню, мы в танце уходим за кулисы.

И тут начинаются аплодисменты. Настоящий гром.

Может, это они так радуются, что мы наконец-то ушли?

Из-за всех этих нестыковок нас переполняют эмоции, так что ребятам из персонала приходится очень непросто, когда они начинают разводить по гример-

кам сорок взбудораженных гномов. При этом большинство из нас почему-то хохочут в голос.

Звучит это ужасно неуместно.

Просто нервное, наверное. Иногда смех от плача не так уж и сильно отличается.

Для всех тут, кроме меня и Олив, спектакль на сегодня окончен. Мы же идем в гримерку и начинаем превращаться в крылатых обезьян. Никко с двумя партнерами натянули свои костюмы, еще когда поднимали занавес. Сейчас они сидят на лестнице у черного входа в театр и дуются в карты. Эти ребята такие профессионалы, что могут позволить себе даже такой вот вопиющий непрофессионализм.

Миссис Чан ждет нас за сценой, чтобы помочь. Стен уже наложил ей грим, и выглядит он лучше, чем абсолютно все остальное в нашем шоу. От того, как миссис Чан смотрится в своем костюме, у меня захватывает дух.

— Премьеры гладкими не бывают, — говорит миссис Чан. — Вы молодцы, справились.

Наверное, хочет нас подбодрить, но Олив все равно выглядит огорченной. Ни слова еще не сказала — да и я тоже. Во время шоу нам велено общаться шепотом, чтобы в зале не услышали, но мы молчим как рыбы. Это, наверное, шок. Квинси первым сдает костюм и уходит. Он очень сильно переживает, что шлепнулся.

Теперь время летит стремительно, и, спустя считанные минуты, мы на подвесах взмываем над сценой

плечом к плечу с Никко и его командой. Миссис Чан — лучшая из крылатых обезьян, и после того, что случилось в Стране гномов, я особенно остро понимаю, как же замечательно, когда ты рядом с людьми, которые прекрасно знают свое дело. Никко вертится в воздухе и выкидывает пару трюков, которых я еще ни разу не видела на репетициях. Видимо, приберегал свой талант для публики.

Олив, конечно, тоже не подводит, и, когда я на мгновение ловлю взгляд наблюдающего за нами из-за кулис Джанни, он улыбается.

Широко так.

Я рада, потому что опасалась, что он будет расстроен из-за того, что пришлось выбивать дверь. Но ведь гримерша сказала: «Шоу должно продолжаться» (хорошее все-таки выражение).

И хоть подвес мог быть и поудобней, я все равно счастлива наконец-то оказаться в воздухе. Зрители нам хлопают, а некоторые даже кричат что-то приветственное — и это притом, что мы в этой истории плохие парни!

А потом наша часть заканчивается.

Почти все гномы остаются до самого конца шоу и первыми выходят на поклон. Зрители хлопают и восторженно кричат. Может, уже забыли, как мы сели в лужу. А может, дело в том, что в зале очень много родителей.

Потом на сцену выходит Никко со своими парнями, а мы с миссис Чан и Олив пристраиваемся сзади.

Крылатые обезьяны публике, кажется, особо понравились, потому что зрители начинают вставать. Стоя нам аплодируют! Настоящая овация!

Я гляжу в зал и нахожу маму с папой, Тима и бабушку Рукавичку. Они хлопают изо всех сил. Мама, кажется, даже плачет — то и дело вытирает глаза. А папа всюду фотографирует. Эти фото отправятся в семейный альбом, но и себе я копии обязательно выпрошу.

Рядом с папой стоит бабушка Рукавичка в нарядном платье и с жемчугом на шее. Так она наряжается только на самые большие праздники. А на Тиме рубашка с воротничком. Не сказать чтобы он выглядел особенно восторженным, как все остальные, но по крайней мере все же пришел.

А совсем неподалеку от моих сидят Пайпер с Кайли. Они пришли с мамой Кайли. Тоже всюду хлопают. Я очень рада, что они увидели шоу. Пайпер вернулась из лагеря только вчера вечером — надо же, как совпало!

Я оббегаю взглядом зал и натыкаюсь на доктора Бринкман. Ну, на ту, которая женщина, а не на ее брата.

Мне ужасно хочется крикнуть:

— Я теперь знаю, кто такой Л. Фрэнк Баум!

Но, конечно же, молчу.

Гляжу в зал и чувствую себя невероятно счастливой оттого, что там и семья моя, и друзья, и даже мой ортодонт.

А потом, когда мы выходим на сцену уже все вместе, я вдруг замечаю в конце зала мистера Саркисяна, моего футбольного тренера. Вот так так! А я и не знала, что он бывает в театре. Хлопает мистер Саркисян очень сосредоточенно.

И вдруг в двух рядах от него мой взгляд выхватывает миссис Сукрэм, которая учила меня играть на фортепиано. Интересно, удивилась она тому, что я при полном отсутствии музыкальных способностей участвую в этом шоу? Хотя она же, скорее всего, меня попросту не узнала ни в одном, ни в другом костюме, так что и знать об этом не знает.

А в первом ряду я замечаю женщину, которая хлопает с особым усердием, и это миссис Вэнсил.

Я ее привыкла видеть в классе, а сейчас она выглядит совсем по-другому — расслабленное как-то. А рядом стоит какой-то бородатый мужчина. Я знала, конечно, что у нее есть муж, но уж никак не думала, что он бородатый.

Как же хорошо, что я их всех увидела только сейчас!

Иначе места бы себе не нашла.

Теперь на сцене выстроились уже все актеры, кроме Джиллиан. Они с Коко выходят последними. Она ведь звезда нашего шоу, но многие в зале, думаю, хлопают и ее песику. Я впервые вижу Коко почти что испуганной.

Ей, наверное, давно пора спать, собаки это дело любят.

Мы стоим на сцене, и тут Джиллиан взмахивает свободной рукой в сторону оркестровой ямы, где сидят музыканты.

На самом деле никакая это, конечно, не яма — так, площадка перед сценой.

Музыканты встают, и тут уж мы тоже принимаемся хлопать. Нам так на репетициях велели. Значит, надо.

А в конце Джиллиан и все взрослые актеры — даже колдуньи — разворачиваются к кулисам и отवेशивают поклон. Там стоит Шон Барр. Видно, что он очень спешил, чтобы вовремя попасть сюда из зала. А тут замер и не трогается с места. Тогда Джиллиан подходит и выводит его на сцену.

Шон Барр делает всего несколько шагов, и тогда все вокруг принимаются аплодировать.

Он кланяется залу в пояс, и я даже не знаю — то ли это аплодисменты вокруг меня гремят, то ли сердце внутри меня, которое того и гляди взорвется.

Ведь это он и только он нас всех собрал здесь сегодня.

Просыпаюсь я только к обеду.

Я никогда еще не ложилась спать так поздно, как накануне (если не считать ночевок у подруг, но это другое, потому что после них мы друг другу и всем вокруг рассказываем, что заснули гораздо позже, чем на самом деле).

Накануне мама, папа, Тим и бабушка Рукавичка забрали Рэнди с собой в машине, потому что его переодеть проще простого.

А вот с костюмом крылатой обезьяны все иначе, тут, даже чтобы подвес правильно снять, надо повозиться. Миссис Чан вызвалась отвезти меня домой, вот родители и разрешили остаться праздновать с командой и актерами (кроме детей — их всех уже забрали).

Я даже изловчилась и шампанского глотнула. На вкус оказалось как имбирная газировка, только не сладкая. Ну и зачем оно такое? Хотя, когда стану взрослой, еще распробую его, наверное, потому что не хочу стоять на вечеринках в стороне, когда будут говорить тосты.

После спектакля все были голодные, так что кро-

ме шампанского на столе стояла еще пицца (вот ее я больше всего на свете люблю) и большой торт.

Когда так много людей собирается в одном месте, то почти каждый раз у кого-нибудь бывает день рождения. Вчера вот у парня по имени Скиппер. Он из осветителей. Я с ним незнакома, но все равно мы так громко пропели «С днем рождения, Скиппер», будто он тут каждому лучший друг.

Музыканты тоже на вечеринку пришли, все в черных платьях или темных костюмах и при галстуках. Мне они теперь еще больше нравятся, потому что действуют строго по плану. Уж они-то не станут между собой толкаться или путать места.

На площадке за театром поставили круглые столы и складные стулья, но большинство людей все равно ели стоя. Райан-Лев посадил меня к себе на плечи, так что я стала выше всех. Со мной такого никогда еще не бывало, и самое приятное тут даже не то, что я могла всеми полюбоваться, а то, что благодаря этому они все меня видели и раз за разом подходили, чтобы дать пять. Я там, наверху, даже ела пиццу и изо всех сил старалась, чтобы не попало на голову Райану.

Я видела, как Джанни пытается заговорить с Олив и как все обнимали Джиллиан.

Звезду все любят, ей каждый рад быть другом.

Но лучший друг у нее теперь Кевин, хотя Олив мне и шепнула:

— Посмотрим еще, сколько это у них продлится.

Миссис Чан уселась на складном стуле, что стоял у самого края площадки. Может, хотела сама по себе посидеть. Если так, то ничего у нее не вышло, потому что в конце концов вокруг нее в полном составе столпились все оформители, гримеры и костюмеры.

Мне сверху было видно, что там идут разговоры без конца, причем студенты то и дело хохочут. Наверное, она всякие шутки рассказывала. А я от нее ни одной за все это время не слышала, так что, скорее всего, это были взрослые шутки.

Шон Барр не стал на этом пиршестве задерживаться. Сказал небольшую речь и поблагодарил всех за то, что так вложились в дело. Сказал, что по большому счету это и есть главное. Про то, как гномы толкались на сцене, и словом не обмолвился. Да и про запертую дверь или шлепнувшегося со ступеньки Квинси тоже.

Мог бы меня и не стесняться — я ведь тут как крылатая обезьяна и взрослый член труппы, так что все поняла бы и не стала обижаться.

Но, видимо, он не захотел говорить о грустном.

Я забрала себе одну из программ (их еще называют афишками). Внутри перечислены все наши имена. Дальше идут фотографии Шона Барра и Джиллиан и рассказывается, чем еще они занимались в жизни. И у колдуний, Даны с Китти, тоже по своему отдельному абзацу. Правда, я и слыхом не слыхивала про спектакли и места, что там перечислены, но в любом случае все это не обычное хва-

ство, а вроде как официальное, вроде резюме, а значит, ничего, можно.

А еще я припрятала салфетку той фирмы, что привезла нам пиццу. Называется «Спумони». И свечку с именинного торта электрика Скиппера. Торт был шоколадный, сверху взбитые сливки и прямо-таки невероятно мягкие вишни, которые были залиты чем-то таким, что пахло, как розжиг для гриля, но на вкус оказалось очень даже ничего.

Скиппера я наверняка позабуду, а вот торт его — никогда.

Все это отправится ко мне в альбом.

Проснувшись, я некоторое время валяюсь, вспоминая вчерашнее веселье, а потом встаю и иду чистить зубы. Когда я выхожу на кухню, часы показывают 12:37.

На столе лежит записка — мама с папой на работе, а Рэнди ушел к Джину. Значит, дома я осталась одна. Все же, наверное, я изрядно повзрослела за это лето, потому что раньше меня никогда дома одну не оставляли. А про Тима никто написать и не подумал, потому что он уже подросток и у него есть мобильник. Сейчас лето, так что пусть хоть чем занимается, лишь бы в доме не разводил бардак.

Я сажусь за стол и начинаю думать, что делать дальше — позвонить Пайпер с Кайли, навеститься к миссис Чан или взяться за свой альбом.

А потом вспоминаю о том, что в газете должна появиться рецензия.

Свежую газету нам приносят по утрам.

Местного театрального критика зовут Брок Вэкер. Для непонравившихся постановок у него есть даже свой фирменный приговор: «Вам швэк!»

Правда, я о нем узнала только этим летом.

Газету ведь читают папа с мамой, а у меня и без того дел выше крыши. Это я в театре услышала, как обсуждали Брока Вэкера, и еще тогда поняла, как много значит для любой постановки хорошая рецензия. В прошлом году Брок Вэкер влепил свой «швэк» какому-то спектаклю под названием «Парни и куколки». Лично у меня двое братьев, и ни один из них отродясь не играл в куклы, так что и неудивительно, что в историю с таким названием люди не особо-то захотели верить.

Вот «Волшебник из страны Оз» — выдумка, и никто это не пытается выдавать за правду.

Я отправляюсь искать газету. Она обычно лежит на кухонном столе, а если нет, значит, уже в мусорном баке. Вот только и там, и там пусто, и тогда я догадываюсь, что родители наверняка решили сохранить этот выпуск, чтобы потом папа вставил его в семейный альбом.

Придется самой раздобыть еще один номер.

Наверняка миссис Чан согласится отдать мне свой. А если нет, отыщу точно такой же в мусорном баке миссис Мюррей.

Я иду к папиному столу, куда он мог положить газету, чтобы потом вырезать статью, но там тоже пусто.

Обшариваю весь дом, пока мне это окончательно не надоедает, и только тут соображаю, что можно без всякой газеты прочитать рецензию Брока Вэкера в Интернете.

Только сперва банан съем — очень уж я проголодалась. Жаль, не прихватила с собой кусочек именинного торта того электрика. Взбитые сливки наверняка уже подсохли бы, а вот пахучим вишням ничего бы не сделалось.

Я сажусь за компьютер, захожу на сайт нашей городской газеты и выбираю раздел «Искусство» (ведь театр — это форма искусства).

Страница загружается, и я вижу:

«ВОЛШЕБНИК ИЗ СТРАНЫ ОЗ» — ТРИУМФ!

А снизу, буквами помельче:

ТОЛЬКО ГНОМЫ МЕЛКОВАТЫ

Я тарашусь на вторую строчку.

Моргаю.

И читаю дальше.

Брок Вэкер

Этим летом университетский театр представляет вниманию зрителей бессмертную классику — «Волшебника из страны Оз». Местные мастера театра приняли два безусловно

верных решения, пригласив неместных корифеев сцены — Шона Барра в режиссерское кресло и Джиллиан Моффат на роль Дороти. Уже одно это сполна окупает стоимость билета.

Диапазон вокала Моффат вкупе с ее актерским мастерством восхитительны, а Барр, несомненно, знает, как поставить отличный спектакль. Тем печальнее, что несколько любимых всеми номеров классического мюзикла в самом начале откровенно не дотягивают до общего уровня постановки. Очевидно, у создателей попросту не было другого выбора, однако актерское мастерство местных детей в роли гномов, несомненно, оставляет желать много лучшего.

На премьере толпа детей в замечательных костюмах бестолково топталась среди декораций, явно не осознавая своего места и цели пребывания на сцене. Однако после этого коротенького (простите за каламбур) отрезка шоу «Волшебник из страны Оз» встает в полный рост, стоит только Джиллиан Моффат вступить на дорогу из желтого кирпича, оставляя за спиной незадачливых непрофессионалов.

Актерское мастерство Райана Мецлера в роли Трусливого Льва и Ахмета Бульгу (Страшила) вновь наполняет жизнью этот чудный мир под сенью радуги. Особо стоит отметить блестящее художественное оформление шоу — от этой реинкарнации страны Оз поистине сложно оторвать взгляд.

Китти Плант в роли Злой колдуньи заставила вашего покорного слугу нервно ерзать на месте, а Дана Бехтел исполняет образ Доброй колдуньи пленительного шарма.

И наконец, отдадим должное труппе летучих обезьян. Особого упоминания заслуживают лидер команды Александр Око, известный как Никко, и бывшая прима балета Ян

Чан, возносящиеся к небесам в своем, увы, столь кратком выступлении. Костюмы и техническое оснащение этих культовых персонажей также на первоклассном уровне.

«Волшебник из страны Оз» будет идти в течение трех следующих недель, включая детские сеансы по воскресеньям. Билеты можно приобрести в кассах при университете.

Я выключаю компьютер.

Иду к себе в комнату.

Ложусь на кровать.

Гномы получили от Вэкера размашистый швэк.

Я не чувствую собственного тела.

Сегодня вечером мы будем играть снова. Как теперь смотреть всем в глаза? Как Шону Барру в глаза теперь глядеть? Мы всех подвели. Мы — непрофессионалы.

Так ужасно меня еще никто никогда не обзывал.

Только за одну мысль теперь хватаюсь — как же мне повезло, что я играю две роли. Это, конечно, ужасно эгоистично, но по крайней мере крылатые обезьяны Броку Вэкеру понравились (хоть он их и летучими назвал, что явно неправильно, так что, может, он еще и никакой не эксперт).

Я ложусь на бок и так сильно подтягиваю ноги, что колени касаются подбородка. Потом сворачиваюсь клубочком. Мне хочется исчезнуть.

А потом я вдруг вспоминаю о младшем брате.

Меня-то в этой рецензии хоть помянули добрым

словом как крылатую обезьяну, а у него и того нет. А вдруг этот Вэкер так расстроил моего брата, что тот решит с моста спрыгнуть? Может, они с Джином прямо сейчас над этой рецензией ревут в три ручья.

Это ужасно-преужасно нечестно.

Гномы ведь ни разу не репетировали на сцене со всеми этими новыми декорациями. Нас никто не предупредил об огромных маргаритках со сверкающими листьями. И не брат мой виноват в том, что кто-то закрасил дверь. Мы почти не репетировали под живую музыку, да и попросту все перепугались.

Мы же еще дети!

И тут я чувствую, что мне очень-очень нужно поговорить с миссис Чан, Олив, с мамой, папой, бабушкой Рукавичкой и миссис Вэнсил. Ведь все они сказали, что мы чудесно выступили. Пайпер с Кайли даже пришли за кулисы, чтобы сказать, как им понравилось.

Они все что — вралы?

Разве так бывает?

Были проблемы, да, но публика ведь хлопала — да и на поклоне гномов отлично принимали, это факт!

Мне надо срочно поговорить с Рэнди.

Сказать ему, чтобы не вздумал расстраиваться.

Я иду к шкафу и достаю джинсовые шорты и кроссовки. Потом в гараж, где забираюсь на свой тяжелый велосипед — вниз по склону я проеду гораздо быстрее, чем пройду.

Я изо всех сил даю на педали, и к тому времени,

как добираюсь до подножия холма, мне уже кажется, что грусть Рэнди навалилась на меня всем своим весом и обжигает кожу так же сильно, как крапива, которая растет на задворках дома Кляйнзассеров.

Я проношусь по Семнадцатой улице и парковке перед центром уцененных шин, а потом срезаю через Старое кладбище первопроходцев, хотя раньше всегда побаивалась этого местечка. Да и по травянистым ухабам ехать не слишком-то приятно.

К дому Джина я подъезжаю вспотевшей и с кружащейся головой. Взбегаю на крыльцо и барабаню в дверь.

Тишина.

Я жму на кнопку звонка и слышу резкий звук.

Проходит целая вечность, прежде чем дверь распахивается. За ней стоят Рэнди и Джин. В руках у них пластмассовые световые мечи.

— О, Джулия! Привет, — говорит Рэнди.

— А мы «Звездные войны» ставим, — сообщает Джин. — Нам как раз нужна принцесса Лея.

Они явно ничего не знают.

Что ж, сообщать дурные вести дело не из приятных, но не зря же я проделала весь этот путь. Я обязана это сделать.

И я говорю:

— Джин, ты утреннюю газету видел?

Рэнди его опережает:

— Там один парень наш спектакль назвал триумфом!

Я молча гляжу на них.

Джин добавляет:

— Моя мама эту статью вырезала, чтобы послать тете в Нью-Джерси.

Мне кажется, что я ослышалась.

— Но вы же видели, — спрашиваю, — что этот Вэкер написал про гномов?

Кажется, я говорю слишком громко. Рэнди отступает в сторону:

— Джулия, ты заходи. У Джина тут есть отличный лимонад.

— Да он же нас с грязью смешал! — кричу. — Сказал, что мы хуже всех остальных сыграли!

Рэнди только плечами пожимает. Потом говорит:

— Ну, значит, лучше сыграем.

Я попросту не могу поверить в услышанное. Стою, будто обмерла.

— Да кому какое дело, что он там думает, — добавляет Рэнди.

Я разворачиваюсь.

Спускаюсь по ступенькам к своему велосипеду.

Джин окликает меня:

— Джулия, мы тут фильм хотели посмотреть. Давай с нами!

Я не отвечаю.

Я попросту не могу ответить.

Сажусь на велосипед и еду прочь.

Они ничего не поняли.

Когда я добираюсь до подножия холма, мне уже

не хватает дыхания. Я слезаю с велосипеда и со всего размаху запускаю его в непроходимые заросли разросшейся у старого водостока ежевики. Велосипед исчезает, только чуть-чуть виднеется краешек розового крыла. Он был чересчур тяжелым и с самого начала не подходил мне по размеру, так что видеть его больше не хочу.

Хватит с меня.

И я, ни разу не оглянувшись, отправляюсь в долгий и непростой путь домой.

Я на середине подъема, на полпути от дома, и не припомню такой жары.

Не знаю, то ли это результат глобального потепления, то ли у меня самой поднялась температура.

А может, и то и то вместе.

Надо было все-таки у Джина выпить лимонада. Моему телу явно не хватает жидкости — такое чувство, что внутри моих барабанных перепонки пылают здоровенные костры.

Того и гляди шлепнусь в обморок.

Раньше со мной такого никогда не случалось, а вот дядя Гэри однажды переел за рождественским ужином и грохнулся на пол, как мешок кирпичей. Правда, я никогда в жизни мешка кирпичей не видела, но не надо быть семи пядей во лбу, чтобы сочинить такое выражение.

Если я сейчас упаду в обморок, то этого никто не увидит, потому что я маленькая.

Наверное, получу сотрясение мозга и в себя уже не приду. А потом солнце сядет, и меня, валяющуюся в крови, найдет среди этих зарослей стая койотов. Утащат куда-нибудь в укромное местечко и станут

рвать на куски. Потом даже хоронить будет нечего, все останется в животах у зверюг.

Так тому и случиться бы, но тут раздается громкое бибиканье.

Я оглядываюсь, и вижу миссис Чан за рулем ее серебристой машины. Похоже, она только что резко нажала на тормоза.

Я бегу к пассажирской двери, открываю ее и влезаю внутрь.

— Вы вовремя! — говорю. — Еще чуть-чуть, и меня сожрали бы койоты.

Звучит, конечно, странновато, да только она, к счастью, решает не задавать вопросов.

— Я тебе звонила, — говорит, — но трубку никто не брал.

Меня прорывает:

— Нам Брок Вэкер швэк влепил! Я брата искать поехала, а ему все равно — это же еще хуже швэка!

— А я как раз думала, успела ли ты прочитать то, что написал этот глупый человек.

Мне нравится, что она Вэкера называет глупым. А еще — что миссис Чан совсем не выглядит расстроенной.

— Мне ужасно плохо, — говорю. — Я на Шона Барра теперь и взглянуть не смогу. А еще очень хочется пить.

Миссис Чан притормаживает, но не потому, что впереди поворот, а чтобы заехать на подъездную дорожку, и притом чужую, а потом дает задний ход

и выезжает обратно. Мы теперь едем вниз по склону, а мой дом остается сзади.

— Поехали к Шону, — говорит.

— Нет! — кричу.

— Поговоришь с ним, и полегчает.

— Мне от мороженого с газировкой полегчает — может, обойдемся ими?

Она не отвечает и смотрит на дорогу.

— У меня дома есть немного денег, — говорю, — давайте за мой счет, а? Только деньги я чуть попозже занесу.

Миссис Чан протягивает руку к радио и, не сводя глаз с дороги, включает музыку. Классическая.

Она в машине только такую и слушает.

Поначалу, когда миссис Чан начала возить меня с репетиций, я эту музыку слышать не могла. Там ведь никакого бита нет, даже не похлопаешь.

Потом она объяснила мне, что классической называют ту музыку, которую написали в какое-то там столетие — и было это очень-очень давно.

Миссис Чан даже годы называла, но мне по этой теме тест вряд ли светит, так что я слушала не особо внимательно. Кажется, речь шла про восемнадцатый. В Америке той поры поселенцы были заняты распространением среди местных жителей болезней типа чумы, а европейцы тем временем бились над поисками формулы совершенства.

Это было еще до компьютеров, до мобильных и даже до электрических консервных открывашек.

По словам миссис Чан, они пытались отыскать эту формулу с помощью музыки. Хотели, чтобы каждый инструмент смог показать себя в полную силу. А может, я что-то путаю. Сейчас уже и не вспомню. Кажется, она говорила, что музыку считали пазлом, который надо сложить.

А мне вот кажется, что все в жизни — пазл.

Мы едем по улице, и музыка, надо признать, мне теперь помогает. Сама я такое в жизни не стала бы слушать, но скрипки все же чуть-чуть отвлекают от мыслей о Брое Вэкер.

Закрываю глаза и думаю: как же хорошо, что играет именно эта музыка, а не какая-нибудь песенка про то, как влюбляются или расходятся.

А в этой музыке вообще нет слов, так что она как бы обо всем и ни о чем.

И от этого легко.

Миссис Чан паркует машину около «Бухты». Открывает дверь и выходит, так что и мне не остается ничего другого.

Мы проходим мимо ресепшена, где, как и в первый раз, пусто.

Выходим во дворик и видим Шона Барра в шезлонге рядом с зеленым бассейном. На нем белый халат, очки, и он спит.

Я тихонько говорю миссис Чан:

— Отдыхает. Давайте не будем его беспокоить. Старые люди любят вздремнуть.

— Я не сплю.

Совсем позабыла про его отличный слух.

— Я оставляю Джулию с вами на несколько минут, — говорит миссис Чан. — Мы с ней как раз разговаривали про Брока Вэкера. Я буду в машине.

Я к ней оборачиваюсь и изо всех сил стараюсь показать мимикой: «Вы что, всерьез?»

Но она этого не видит, потому что уже развернулась и идет прочь. Тогда я снова поворачиваюсь к бассейну.

Шон Барр поднимает свои очки, и я вижу его глаза. Они темно-карие. Совсем не печальные. Не злые.

— Джулия, — говорит, — иди присядь.

Он режиссер, и я привыкла слушаться. Я подхожу к металлическому стулу, что стоит рядом с ним, и сажусь.

— Так ты уже видела рецензию?

Я шепчу:

— Мы вас подвели.

— Вот, значит, как ты решила.

— Мы топтались, не осознавая своего места и цели пребывания на сцене, — говорю.

Шон Барр смеется.

Это замечательный смех, и мне уже от него одного становится легче.

— Вашей целью было развлечь людей, и вы, по-моему, это сделали.

— О...

Он продолжает:

— Молодежь нужно не критиковать, а давать ей образец для подражания.

Я улыбаюсь.

— Это сказал какой-то баскетбольный тренер, — добавляет он. — Забыл, как зовут.

— У меня тоже с цитатами не очень, — говорю.

Он снова опускает очки на глаза. Свет, наверное, слишком яркий.

— У гномов будет еще много возможностей себя показать. Не зря же у нас аншлаг.

Я понятия не имею, что это значит, но все же говорю:

— Мы можем играть гораздо лучше.

Он улыбается:

— Все билеты до самого конца показов распроданы, вот я о чем. И это мощно. Ну что, теперь у тебя есть чему порадоваться?

А я очень хочу порадоваться. И теперь, когда он это произнес, я вдруг понимаю — так вот что мне этим летом дало наше шоу. Оно дало мне порадоваться!

Но я не хочу говорить об этом вслух, а просто еще раз улыбаюсь. Не знаю, правда, видит ли он мою улыбку из-за своих очков.

— Ладно, — говорю, — я пойду, наверное. Пить ужасно хочется.

Он кивает:

— Но чтоб к пяти была в театре. Не опаздывай, Малышка, ладно?

Я встаю и говорю:

— Шарлотта Бронте никому не позволяла на себе ездить.

И тогда Шон Барр снова улыбается.

Дойдя до ресепшена, я оглядываюсь. Шон Барр поднял руку и машет мне ладонью из стороны в сторону, будто протирает запотевшее окно. Я отвечаю ему тем же.

По пути к машине Брок Вэкер исчезает у меня из головы, как случайный чих. Было — и забылось.

И вряд ли он теперь вернется.

Впрочем, хоть никто и не придавал особого значения этой рецензии, вскоре мы узнаём, что гномы теперь должны приходить на полчаса раньше.

За это время мы сперва пропеваем все наши песни, стоя рядом с фортепиано, а потом занимаем свои места на сцене и отрабатываем номер перед пустым залом.

Причем касается это только нас — Джиллиан, Китти, Дана, да и все остальные, приходят на репетиции как обычно.

Мы ведь еще дети, вот нам и помогают чуть-чуть.

К концу первой недели показов мы уже не делаем ошибок, а о бабочках с мотыльками я и думать позабыла. Голова разве чуть-чуть кружится перед тем, как надо высказывать из цветов, а так я спокойно и

пою, и танцую. Дверь теперь всегда открывается как надо, а Квинси больше не падает.

Мне иногда хочется, чтобы Брок Вэкер пришел посмотреть на нас еще раз, да только так не бывает. Он один раз явился на спектакль, ну и рассказал всем, что здесь увидел.

Миссис Чан говорит, что о людях нередко берутся судить, когда те еще не успели подготовиться. И хоть она это, конечно, говорит не о школьных тестах, но все же я ее очень хорошо понимаю.

Я все никак не решу — добавлять рецензию в свой альбом или нет. Пока что засунула ее в шкаф. Выбрасывать не стала, потому что все-таки нашу постановку в ней назвали триумфом. Может, потом как-нибудь решу ее вклеить.

Вставила же я в альбом кусок синей куртки на память о Джонни Ларсоне. Хотя это было уже совсем давно.

Но, может, к колледжу и на Брока Вэкера я буду смотреть по-другому.

Три недели пролетают как один день.

Мне даже не верится, когда мы в последний раз выбираемся из-за блестящих листьев под песню: «Выходите, выходите, вы на месте не сидите...»

Меня всю трясет — не из-за песен или танцев, нет, а потому что мне очень грустно, что все заканчивается.

Чуть позже, перед тем как подняться в воздух, миссис Чан, Олив и я беремся за руки.

— Летучие обезьяны навсегда! — шепчет Олив.

Я ее не исправляю — крылатые, мол, а не летучие, — потому что мы и так отлично знаем, кто мы есть. Я просто киваю вместе с миссис Чан и шепчу:

— Навсегда.

Никко со своими парнями уже давно приняли нас в свою компанию как равных, и теперь, после выступления, мы частенько с ними обнимаемся на радостях. Миссис Чан всегда смеется, глядя на нас.

И вот уже мы в последний раз выходим на поклон.

В зале я вижу маму с папой. Бабушка Рукавичка сейчас в Йосемитском национальном парке со своей подругой Арлин, а Тим сказал, что нечего дважды

смотреть одно и то же. Родители хлопают как сумасшедшие, особенно папа. А я раньше и не знала, что он так любит театр. А может, дело в том, что он любит не театр, а меня. Ну и Рэнди.

И тут я вижу человека, которого меньше всего здесь ожидала встретить.

Стивена Бойда.

Он сидит с родителями и старшей сестрой. Не знаю, что с ним стряслось этим летом, но он в очках!

Неужели у него всегда было плохое зрение? Хотя он ведь на уроках в окна не глазел, как я, — вот, может, и испортил глаза.

Я его из-за очков даже не сразу узнала — просто заметила знакомую рубашку в бело-зеленую полоску. А тут уж не ошибешься — он эту рубашку обожает, только в ней повсюду и ходит.

Стивен хлопает от всей души. Вряд ли он знает, кто стоит перед ним в костюме самой маленькой крылатой обезьяны.

Тут уж я ничего с собой поделать не могу и принимаюсь изо всех сил махать.

Гномы все большие повторюшки, так что и они тут же принимаются махать руками. Но сегодня у нас последний вечер, так что это ничего. Мы будто прощаемся с самим театром. Даже Коко начинает лаять с рук Джиллиан. Собаки понимают гораздо больше, чем кажется людям. Махать она не может, но и от нас отставать не желает.

А потом занавес идет вниз, и все заканчивается.

Кто бы выдумал слово для такого чувства, когда ты одновременно и радостно взволнован, и грустишь, и еще понимаешь, что все так, как и должно быть. А может, и есть такое слово, но я его не знаю.

Сегодня наш последний вечер, поэтому нам разрешают нарушить обычный порядок. Мы не сразу снимаем костюмы и смываем грим, а идем в зал.

Я ищу родителей, и вдруг замечаю, что чуть поодаль стоит Стивен Бойд и явно кого-то дожидается.

И тут он идет ко мне.

— Привет, Джулия, — говорит, — отлично получилось.

Узнал, выходит, меня. Удивительно.

— Спасибо, Стивен, — отвечаю. — И спасибо, что пришел на наше шоу.

— Пожалуйста, — говорит. — У родителей абонемент, вот они меня на все и водят.

А я чувствую, что ноги делаются ватными, потому что никак не ожидала увидеть здесь сегодня Стивена Бойда.

— Через пару недель увидимся в школе.

— Ага. Да, Джулия, а у нас новая собака. Приходи как-нибудь, посмотришь. Из приюта взяли. Зовут Филлис.

— Филлис? — переспрашиваю.

— В приюте сказали, что имя лучше не менять.

— А мне нравится, — говорю.

И тут он:

— Я знаю, что ты очень грустила, когда Рамон умер.

Поверить не могу, что Стивен помнит имя Рамона. И что он сказал «умер», а не что-нибудь вроде «ушел».

И я говорю первое, что приходит в голову:

— Стивен, а не хочешь как-нибудь поплавать на каноэ? Их можно взять напрокат на причале.

— Я плаваю не очень, — говорит, — мы точно не перевернемся?

— Да нас все равно заставят надеть жилеты, — отвечаю.

— Ладно, решим, — кивает Стивен.

И идет к родителям. Стивен очень похож на свою маму. Я помню, как он рассказывал Джордану Азоффу, что она готовит удивительный гратен из макарон. А главный секрет в том, что добавляет туда измельченный бекон. Я бы хотела увидеть Филлис. Интересно, шерсть у нее сильно лезет? Мне кажется, что у собаки с таким именем шерсть должна быть длинной.

Я иду к папе с мамой, и они меня крепко обнимают. Рэнди уже тут, и Джин с родителями тоже, так что сразу начинаются разговоры и смех. Папа то и дело фотографирует, а мама набирает полную сумочку программ.

Я сперва думала, что будет такой же праздник, как после премьеры, — мечтала о пицце с шампанским и что можно будет задержаться допоздна. Но нет. Ве-

черинка, оказывается, была накануне, и только для взрослых.

А теперь все просто расходятся кто куда.

Шон Барр завтра с утра едет в аэропорт. А Джиллиан с Коко и Кевином прямо сейчас отбывают куда-то на юг. Наверное, им не терпится уехать из города, раз решили так поздно выезжать. Говорят, Кевин уволился из банка — может, и правда, а может, врут. Хотя мне без разницы — я кредит на машину брать все равно не собираюсь.

У Джанни какая-то музыкальная тусовка в Сиэтле. Хорошее слово — «тусовка». Хотя там, говорят, постоянные дожди, а Джанни человек солнечный — надеюсь, не раскиснет.

Квинси с Ларри тоже не задерживаются — они работают над каким-то приложением и в ближайшие пару дней собираются его испытать. Квинси, оказывается, все это время еще и учился программировать. Я не знаю, что там у них за приложение — раньше надо было спрашивать, а теперь уже поздно.

Университет нанял рабочих для разборки декораций, и они уже принялись за дело, потому что в понедельник утром здесь начнется какая-то конференция. Повсюду ходят люди с ломami и молотками, примеряются к декорациям. Сразу видно, что они к театру не имеют ни малейшего отношения.

— Джулия, нам подождать, пока ты снимешь костюм? — спрашивает мама.

Миссис Чан говорит у меня из-за плеча:

— Давайте я ее привезу. Мы скоро.

Родители не против, так что мы с миссис Чан идем за кулисы.

И тут на меня наваливается такая тяжесть, будто за плечами висит полный камней рюкзак.

Я смываю грим, переодеваюсь в свою блузку-крестьянку, шорты и кожаные сандалии. Но когда пытаюсь сдать костюм, его не берут. Оказывается, он принадлежит миссис Чан — ведь это она сама покупала все материалы, ну и шила его, конечно. Говорят, что она велела отдать его мне.

Похоже, я знаю, у кого на ближайший Хеллоуин будет лучший костюм в городе.

Жозефина обещает подыскать для него подходящую сумку — они, мол, у нее есть на все случаи жизни, только к машине надо сходить. Я говорю, что сейчас вернусь, и накидываю свою обезьянью курточку.

Я уже трижды успела со всеми попрощаться, а с Олив и не буду — мы ведь живем в одном городе и уже договорились, что в эту субботу поедем на блошинный рынок искать обувь для боулинга нам по размеру. В боулинг играть мы не собираемся, просто решили, что забавно будет пройтись в таких щегольских башмаках по улице.

Я только с одним человеком еще не успела попрощаться.

Он сидит в артистической — это такое место, где актеры на главных ролях ждут выхода на сцену. Еще

эту комнату называют зеленой, хотя никакая она не зеленая.

В руках у этого человека чашка кофе, и он разговаривает с Лоренцо, который заведует всем зданием театра.

— Лоренцо, — говорит, — не выйдешь на минутку?

Я рада, что Лоренцо вышел, потому что мне надо с этим человеком остаться наедине.

— Я сейчас уезжаю домой, — говорю, — но сперва хотела вам кое-что отдать.

Лезу в карман курточки и достаю подарок. Я вернула его в красивую бумагу с совами, потому что совы символизируют мудрость, а еще потому, что эта бумага шла в книжном со скидкой. Я ведь на носки не весь свой подарочный сертификат потратила, у меня там еще оставалось немного денег.

Пока Шон Барр аккуратно разворачивает бумагу, я говорю:

— Это мне дядя сделал. Он чемпион по вырезанию из дерева — правда, не собак, а птиц. Это Рамон. Он был моим псом.

Шон Барр берет деревянного Рамона и бережно перед собой поднимает — ставит на руку, как на полку, и внимательно рассматривает.

— Уверена, что хочешь мне ее отдать? Необычная какая.

— Рамон таким же был, — киваю я, — необычным. Особенным.

Тут мне перехватывает горло, но я все же добавляю шепотом:

— И вы особенный.

Шон Барр переводит взгляд с Рамона на меня. Улыбается, и взгляд у него очень теплый. Потом запускает руку в свою сумку:

— Малышка, мне бы его тоже завернуть стоило, но не получилось. Извини.

И протягивает мне свой рабочий блокнот. На обложке из потертой кожи выцветшими золотыми буквами написано «Шон Барр», а внутри — сценарий «Волшебника из страны Оз», весь испещрен стрелочками и подписями.

Это самая удивительная вещь на свете. Вот только она никак не поместится в мой летний альбом. Но я тут же понимаю, что это и есть мой главный летний альбом.

Я успела собрать много замечательных вещей, но это что-то совсем другое.

— Вы правда мне его хотите отдать? Тут же все ваши секреты.

Шон Барр касается пальцем своего лба:

— Они теперь уже тут.

— А если вдруг что-нибудь забудете, — подхватываю, — всегда сможете мне позвонить, назовете сцену, и я прочту, что нужно. Мой номер есть в списках трупы.

Он кивает.

Я изо всех сил пытаюсь не заплакать, потому что,

хоть меня и прозвали Малышкой, я уже не малышка. Потом тихо-тихо говорю:

— Я не хочу, чтобы все заканчивалось. Почему все обязательно должно заканчиваться?

И чувствую, что глаза наполняются слезами, а ведь я знаю, что мне это совсем не идет.

Шон Барр говорит:

— Всему на свете когда-нибудь приходит конец.

— Но почему?

— Это из «Страны Оз» Л. Фрэнка Баума.

— О... Я его еще совсем не читала.

Шон Барр не знает, что учусь я не очень, часто отвлекаюсь и могу замечтаться.

Не знает, что моя учительница музыки от меня избавилась.

Что я тосковала по своей собаке так сильно, что родные начали тревожиться.

Он видит во мне что-то такое, о чем другие даже не подозревают.

— Шон Барр, — говорю, — из-за вас я, может быть, режиссером стану, когда вырасту.

— А можешь одновременно и режиссером быть, и писательницей.

— Не знаю, стоит ли браться за две работы разом — на отдых времени не останется.

Наверное, он устал, потому что часто моргает.

— Джулия, — говорит, — если бы у меня был ребенок, я бы хотел, чтобы он был похож на тебя.

Наклоняется и целует меня в лоб.

Убирает деревянного Рамона в сумку.

Я не шевелюсь.

Просто не могу.

Шон Барр встает и идет к двери.

Он все еще не до конца оправился после своей травмы и потому смешно так вышагивает. А может, просто хочет, чтобы я улыбнулась.

Ну или по давней привычке отрабатывает какую-нибудь роль.

Я смотрю вслед, пока он не исчезает в коридоре.

Потом поворачиваюсь и вижу миссис Чан. Она стоит в голубоватом свете лампы. Костюм уже сняла, а крылья оставила — и вдруг поднимает их вверх, как мы много раз делали на стропе.

И я, сжав блокнот, вскидываю руки в том же жесте.

Мы ведь вместе с ней учились летать. И Олив тоже. Миссис Чан раньше уже летала, а этим летом ей выпал еще один шанс.

Как же я рада, что мы с ней живем в одном городе.

И даже на одной улице.

И что у нее есть утки. Я теперь обязательно выучу их имена. А для начала — запишу.

Я прижимаю блокнот к груди — знаю, что, если смогу взять с этих страниц все секреты и их выучить, они изменят всю мою жизнь.

Я очень выросла этим летом.

И не снаружи, нет — внутри.

А этот рост и есть самый главный.

Благодарность

Я бы никогда не написала эту книгу, если бы Майк Уинчелл не попросил меня подготовить рассказ для антологии, которую он готовил в издательстве *Grosset & Dunlap*. Так что первым поблагодарю Майка.

Мне несказанно повезло с великолепным редактором, который к тому же еще и мой не менее великолепный издатель. Вполне возможно, что все свои книги я пишу лишь ради одобрения Лаури Хорник. Спасибо тебе за все, Лаури.

Все, кто работает в *Dial and Penguin Random House Books for Young Readers*, прекрасны, но мне хотелось бы особо поблагодарить Дона Вайсберга (мы его никогда не забудем, хотя он нас уже покинул), чудесную Джен Холлер Лоха, Джослин Шмидт, Фелицию Фрезьер, Джеки Ингель, Мэри Макграт, Кристи Наварро, Тодда Джонса, Ив Тейлор, Мэри Реймонд, Аллана Вайнбарджера, Коллин Конвей, Николь Вайт, Джилл Бейли, Шейлу Хеннесси, Джона Динэни, Биффа Донована, Дони Кей, Дон Захорик, Николь Дейвис, Джилл Надо, Стива Кента, Джуди Сэмюэлс, Тину Деникер, Элиз Маршал Пфайфер, Шанта Нейлин, Эмили Ромеро, Эрин Берджер, Кармелу Иарья, Рейчел Коун-Горэм,

Кристину Коланджело, Алехис Уоттс, Эрин Толлер, Айлин Крайт, Мину Чанг, Терезу Евангелисту и Дану Хидьяк. Особый поклон Регине Кастилло.

Спасибо лучшему в мире агенту — Эми Берковер и моему бывшему лучшему в мире агенту Кену Райту, ныне возглавляющему издательство *Viking*.

Я многим обязана своим друзьям-писателям, вдохновляющим меня замечательными книгами. Спасибо вам, Джон Кори Уэйли, Маргарет Штоль, Рафи Саймон, Мелисса де ла Круз, Майк Джонстон, Аарон Хартцлер, Александр Лондон, Мег Волитцер, Адам Сильвера, Мария Семпле, Дэвид Томсон, Лиза Йи, Тахрен Мафи, Рэнсом Риггс, Ноа Вудс, Люси Грей, Гейл Форман, Евгения Читковиц, Харисс Харпер, Лаури Келлер, Мэйли Милой, Лаура Макнил и Джули Берри.

Хочу поблагодарить Бранта и Лорен Хок за то, что поделились со мной своими сокровенными историями.

Моя жизнь изменилась тем летом, когда я была гномом в спектакле под руководством режиссера Дона Файбигера, в котором играли Джо Медалис, Люсиль Медалис, Джереми Харт, Норман Делю и Ли Энн Бонэм. Спасибо вам за подаренное детям вдохновение.

И наконец, мой мир вращается вокруг двух моих сыновей — Макса и Кэлвина Слоунов, а также мужа Гэри Розена. Лучше дома места нет.

Литературно-художественное издание
Для младшего и среднего школьного возраста
6+

Холли Голдберг Слоун

КОРОТЫШКА

Перевод с английского — Дмитрий Орлов

Редактор — В. Кузнецова

Корректор — О. Левина

Компьютерная верстка — А. Калмыкова

Подписано в печать 02.03.2021

Формат 60х90/16

Усл. п. л. 20

Печать офсетная

Гарнитура Garamond Premier Pro

Тираж 3000 экз.

Заказ № 254

ООО «Карьера Пресс»

111402, Россия, г. Москва,

ул. Вешняковская, 6-3-140. Тел.: 8 926 604 65 58

www.careerpress.ru

e-mail: info.careerpress@gmail.com

Отпечатано в соответствии с предоставленными
материалами в ФГУП «Издательство «Наука»
(Типография «Наука»)

121099, Россия, г. Москва, Шубинский пер., 6

